

П Р Я О С Л А В Н Ы Й

С О Б Е С ъ Д Н И К Ѹ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

П Р И

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1862.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

**Отъ казанскаго комитета духовной цензуры печатать
позволяется. 3 сентябра 1862 года.**

Цензоръ, инспекторъ академіи, архимандритъ *Веніаминъ*.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

Статья третія (1).

—

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ЯРОСЛАВА I.

Уставомъ св. Владиміра разрѣшены были первые и самые главные и существенные вопросы касательно мѣстнаго русскаго церковнаго права. Для цѣли своей уставъ этотъ, на первый разъ, былъ достаточенъ. Онъ далъ церковной власти въ Россіи значеніе власти юридической, приурочилъ ее, сколько могъ, къ мѣстнымъ учрежденіямъ, обезпечилъ ея матеріальный бытъ путемъ юридическимъ, давъ ей безспорныя права по управленію и суду. Но нельзя не видѣть, что съ развитіемъ мѣстной судебной практики духовенства, въ

(1) См. 3, 6 и 7 книжки «Православнаго Соборсѣдника» за текущій 1862 годъ.

области церковнаго суда должны были возникнуть новые, совсѣмъ не рѣшенные въ уставѣ, вопросы, что онъ не могъ служить надлежащимъ руководствомъ для духовныхъ судей, не опредѣляя въ точности и возможной полнотѣ ихъ отношеній церковнаго суда къ суду гражданскому, или суда общаго, ни пространства власти духовенства по суду въ тѣхъ самыхъ предметахъ, которые отчислены ей уставомъ въ общихъ чертахъ и безъ показанія мѣры судебныхъ взысканій. Недостатку этому помогъ церковный уставъ Ярославовъ, который можно назвать восполненіемъ и продолженіемъ опредѣленій устава св. Владиміра о церковныхъ судахъ. Изъ началъ мѣстнаго опредѣленія церковнаго права, положенныхъ въ уставѣ св. Владиміра, естественно возникли болѣе подробныя опредѣленія устава Ярослава I въ духъ его Русской Правды, стремящіяся дать церковной власти характеръ еще болѣе мѣстный, русскій, народный, и еще болѣе уподобить права ея правамъ мѣстныхъ юридическихъ властей.

«Създъ Ярославъ въ Кіевѣ», говоритъ летописецъ, «и нача церкви строити и книги переписати отъ грекъ, и пѣти ѱ, и чести ѱ. Отходя Владиміръ основаніе положь, а(ки) добрый земледѣлецъ землю умягчи, разорà; Ярославъ же насѣя книгами и уставленіе мо-

настыремъ и святителемъ дасть оправданіи судомъ съ греческаго намаканона» (1). Уставъ Ярославовъ изданъ въ слѣдствіе признанной необходимости точнѣйшаго опредѣленія судныхъ правъ русской Церкви и по представленію о томъ со стороны высшей церковной власти («по слову митрополита», какъ сказано въ уставѣ), изданъ на основаніи предшествовавшаго устава и греческаго номокапона, по примѣру св. Владиміра и въ дополненіе и утвержденіе его постановленій. Въ уставѣ говорится, что онъ данъ Ярославомъ «по записи» или «по давію отца его» и что подлежитъ суду и наказанію по закону тотъ изъ дѣтей или рода его, кто порушилъ бы «отца его (Ярославова) преданіе Василія, великаго князя Володимера, и вступился въ судъ святителескъ, что они

(1) Лѣтописецъ Переславля-суздальскаго 1214 года, изд. кн. Оболенскимъ, с. 42, во *Временникѣ* Имп. моск. ист. общ. кн. 9, 1851 г.; вслѣдъ за приведенными словами лѣтописецъ передаетъ уставъ Ярослава Владиміровича. Въ Лавр. лѣг. приведенное мѣсто читается: «якоже бо се нѣкто землю разореть, другой же насѣть, ни же пожинають и ядятъ пшню бескудну: тако и съ (т. е. Ярославъ); отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крешеньемъ просвѣтивъ: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье приемяще книжное» (П. с. р. л. т. I. с. 65. г. 1037.).

(т. е. Владиміръ съ Ярославомъ) суть дали церковныя суды» (1).

Уставомъ Ярослава I усвояются русской Церкви вообще тѣ же права, какія усвоены ей уставомъ св. Владиміра; неприкосновенность этихъ правъ Ярославъ ограждаетъ даже, вслѣдъ за Владиміромъ, страхомъ суда и наказанія, конечно потому, что уставъ Владиміра, изданный съ согласія, между прочимъ, самого Ярослава, требовалъ только развитія въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя, касаясь ближайшимъ образомъ судебной практики духовныхъ властей, не опредѣляли ея съ достаточною полнотою и подробностью. Потому въ уставъ Ярослава, сообразно съ его особенною задачей, говорится по преимуществу о предметахъ церковнаго суда, требовавшихъ точнѣйшаго и подробнѣйшаго опредѣленія, указывается положительно мѣра судебныхъ взысканій, представляется болѣе яснымъ и раздѣльнымъ образомъ отношеніе властей духовной и свѣтской между собою и взаимныя права ихъ по суду и т. п., между тѣмъ какъ уставъ не касается предметовъ церковнаго права, точно

(1) Лѣтописецъ Переслава-суздальскаго се. 42, 44. См. уставъ Ярослава, ст. 61. Статьи Ярослава устава цитуются по изданію его въ 9-ой княжкѣ «Православнаго Собесѣдника» за прошлый 1861 годъ.

выраженныхъ въ уставѣ св. Владиміра и не требовавшихъ опредѣленій болѣе подробныхъ.

Такъ, въ отношеніи *имущественнаго права* русской Церкви, Ярославовъ уставъ говоритъ только о назначеніи въ ея пользу *десятины (десятой недѣли) отъ мыта и осмьничаго, судныхъ пошлинъ и выморочныхъ имній, принадлежавшихъ лицамъ церковнаго вѣдомства*, и говоритъ объ этомъ только въ поясненіе соответствующихъ статей устава Владимірова. Въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, не сказано прямо о матеріальныхъ правахъ Церкви, соединенныхъ съ правами ея по наблюденію надъ городскими торговыми мѣрами и вѣсами, по суду и по вѣдомству подчиненныхъ ей лицъ.

Въ отношеніи къ главному своему предмету, къ церковно-суднымъ правамъ, уставъ Ярославовъ различаетъ дѣла, подсудныя исключительно церковной власти, отъ дѣлъ, въ которыхъ принимала участіе и власть гражданская, и опредѣляетъ, болышею частію точнымъ образомъ, самыя взысканія и наказанія за каждое изъ преступленій въ области церковнаго и церковно-гражданскаго суда.

А. Дѣла, подсудныя исключительно власти церковной, суть: дѣла, касающіяся собственно церковнаго благоустройства и благочивія, и дѣла суда надъ мірянами по раз-

нымъ преступленіямъ противъ вѣры и нравственности.

1. Къ дѣламъ собственно-церковнаго благоустройства и благочинія относятся дѣла суда надъ лицами церковнаго вѣдомства, подсудными церковной власти. Изъ числа этихъ лицъ въ уставѣ упомянуты: а) лица духовнаго званія: священникъ, діаконъ, пономарь, попадья, чернецъ и черница (ст. 45); б) исполнители правосудія: въ уставѣ Владиміра мы встрѣчались съ владычными *намѣстниками* и *судіями* (тіунами), здѣсь встрѣчаемся съ митрополичьими и епископскими *волостелями* и *заказниками* или *приказниками* (ст. 60); в) лица покровительствуемая Церковію, именно вообще *люди домовные* (двора святительскаго), *церковные*, *монастырскіе* (т. е. принадлежащіе къ составу монастыря и приписанные къ нему слуги и крестьяне), *живущіе «въ самьхъ монастырехъ»* (ст. 60), т. е. въ богоугодныхъ заведеніяхъ, устроившихся въ монастыряхъ—въ *больницахъ*, *гостинницахъ* и *странноприимницахъ*, наконецъ *просфорница* и *вдовица* (ст. 45).

Касательно правъ и подсудности этихъ лицъ сдѣланы слѣдующія постановленія:

а) Вообще:

аа) Лица церковнаго вѣдомства, и дѣти

ихъ, свободны отъ платежа *мыта, явки, тамги и осмьничаго* (ст. 1).—По изслѣдованіямъ г. Е. Осокина, названія этихъ пошлинъ относятся къ позднѣйшему времени: *мытъ* встрѣчается въ первый разъ въ 1150 г. ⁽¹⁾, *явка*—въ XV в., *тамга*—послѣ монголовъ во второй половинѣ XIII в., *осмьничее*—въ XIV в. ⁽²⁾. Но происхожденіе этихъ пошлинъ нельзя относить къ тому именно времени, въ которое названія ихъ встрѣчаются въ первый разъ въ памятникахъ, потому что эти памятники говорятъ не о введеніи ихъ въ первый разъ, а уже о существованіи ихъ: слѣдовательно вопросъ, съ какого именно времени вошли у насъ въ употребленіе упомянутыя пошлины, остается вопросомъ. Даже *тамга* (печать) не можетъ быть безусловно относима ко времени монгольскаго ига, хотя названіе ея и монгольскаго происхожденія, или тюркскаго. Въ извѣстіи о торговомъ договорѣ Владиміра Святославича съ волжскими болгарами, въ 1006 году, говорится объ употребленіи *печатей*, которыми русскіе кушцы снабжались для торговли въ Болгаріи, а болгарскіе для

(1) Въ уставной граматѣ Ростислава Мстиславича Смоленской епископін: Дополн. къ а. н. т. I. № 4. с. 6.

(2) Юридич. сборн. Мейера. Казань. 1855 с. 545.

торговли въ Россіи; печать, о которой здѣсь говорится, въ торговомъ быту имѣла конечно то же значеніе, что тамга; поэтому тамга, какъ учрежденіе, не можетъ быть признана нововведеніемъ временъ монгольскихъ (1). Нельзя утверждать, чтобы и самое названіе *тамги* сдѣлалось извѣстнымъ для русскихъ именно только во второй половинѣ XIII вѣка: съ тюркскимъ племенемъ русскіе знакомы были и ранѣе, ранѣе же могли и заимствовать у него это слово. Въ «Словѣ о пълку Игоревѣ», относящемся ко второй половинѣ XII вѣка, есть уже выраженія тюркскія (2); «Слово» изображаетъ походъ сѣверскаго кн. Игоря противъ *половцевъ* въ 1188 г., а половцы—народъ тюркскаго племени; лѣтописецъ Переславля-суздальскаго называетъ *половцевъ* и *печенеговъ* татарами; *козары*, съ которыми русскіе находились также въ близкихъ отношеніяхъ, были опять народъ племени тюркскаго; поэтому и названіе *тамги* могло быть извѣстно русскимъ и усвоено имя гораздо ранѣе нашествія монголовъ.

бб) Лица церковнаго вѣдомства, и дѣти ихъ, свободны отъ *подсудности князю и*

(1) С. Соловьева Ист. Россіи. т. I. с. 167. изд. 2. М. 1854.

(2) Преоув. Филарета Обзоръ духовной лит. с. 37.

его волостелямъ и подлежать суду только духовной власти (ст. 60), которая, въ случаѣ преступленій ихъ, не касающихся лицъ въ-домства гражданскаго, можетъ налагать наказанія по своему благоусмотрѣнiю, безъ всякаго вмѣшательства посторонней власти (ст. 45).

вв) Но въ случаѣ *«татьбы съ поличнымъ и душегубства»* со стороны церковныхъ людей, они судятся общимъ или смѣснымъ судомъ властей церковной и гражданской вмѣстѣ (ст. 1. см. ст. 35).

б) Въ частности:

аа) За *безчестіе*, наносимое священнику (именно за побон), взыскивается, въ его пользу, такая же огромная пеня, какая опредѣлена за безчестіе, наносимое лицамъ высшаго боярскаго рода,—пять гривенъ золота; *«аже кто біеть священника, за срамъ 5 гривенъ злата»* (1). Въ судебникѣ царя Константина постановляется: *«иже біеть попа, рука его да ся отсѣкаеть; аще ли (а не то...), да дасть 12 златищъ»* (2).

(1) См. выноску 21-ю къ ст. 43 и см. стт. 2, 3, 4 и 28, также Русской Правды ст. 50.

(2) Соф. вр м. ч. 1. с. 142; Русск. дост. ч. 2. с. 182; И. соб. р. лѣт. т. VI. с. 78; солов. кормч. № 858 л. 595 об. За убіеніе попа, точно также какъ и посла и зложника или таля, назначалась двойная

бб) Раствитель цѣломудрія черницы подвергается вирѣ—по краткой редакціи (позднѣйшей) во 100, по обширной (древнѣйшей) въ 40 гривенъ кунъ (ст. 18).

вв) За нижеслѣдующія *преступленія духовныхъ лицъ* налагается общее взысканіе: «*епископу* (святителю, митрополиту) *въ винѣ* (всегда), *во что ихъ обрядитъ*», т. е. владыка имѣетъ право судить, взыскивать денежные пени и подвергать другимъ наказаніямъ духовныя лица за эти преступленія, по своему благоусмотрѣнію: а) самовольное совершеніе священникомъ дѣйствій своего служе-

вира—20 гривенъ серебра (одиночный платежъ за голову свободнаго человѣка—10 гривенъ серебра): «*оже убьють таль или попъ новгородское, или нѣмецкѣ Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову*» (Мирный договоръ в. кн. Ярослава Владиміровича и новгородцевъ съ нѣмецкими послами 1199 г.). «*Послу и попу что учинять, за двое того узяти*»; «*аще послови пригодиться пакость или попови въ всякой обидѣ, за два человека платити за—нь* (Договорная грам. Смоленска съ Ригой 1228 и 1229 г.). «*Si clericus, in sacris ordinibus constitutus, oldermanus* (великій бояринъ) *et nuncius malo casu occiduntur, quod absit, dupliemendo satisfiet, scilicet XX marc. argenti*» (Любекскій тарифъ 1220—1226 г.). «*Werden.. bode* (посоль) *gesclagen* (битъ или убитъ), *dhen sal men beteren mit XX marc. silveres.. dhesebe* (то же) *nomeden beteringe sal men oc don vor enen prester* (за священника) *un vor enen olderman* (Договоръ новгородцевъ съ нѣмцами 1270 г.).

нія въ чужомъ приходѣ безъ дѣйствительной и настоятельной нужды (ст. 49; см. уст. Влад.); β) если священникъ или инокъ съ кѣмъ либо подерется (вын. къ ст. 45); γ) если тѣ же лица предадутся пьянству («упіются безъ времени въ посты»—ст. 47) (1); δ) своевольное сложене съ себя инокомъ или инокинею своего сана (ст. 53) (2).

2. Къ дѣламъ церковнаго суда надъ мірянами всѣхъ состояній относятся:

а) Преступленія противъ вѣры и уставовъ Церкви, какъ то:

(1) Церковное правило митр. Іоанна II (1080—1088) повелѣваетъ налагать запрещеніе на священниковъ, предающихся пьянству, впредь до ихъ исправленія; если же они не перестанутъ *упиваться*, то совѣмъ лишать сана. Св. Фотій митрополитъ 1410 г. авг. 29 писалъ въ Новгородъ: «который священникъ иметъ пити до обѣда, быти ему безъ ризъ (Акт. эксп. т. I. № 369). Св. Іона митрополитъ ок. 1456 г. писалъ къ вятскимъ священникамъ: «мелю вы, Господни священники, обозрѣти себе всяко и содрогнутись, яко отъ сна въспрянутися и отъ безчѣннаго пьянства себе воздержати вамъ, еже есть не на здравіе души и тѣлу, но паче на погубленіе души и на отгнаніе дѣйствующей благодати и дару вамъ Святого Духа». Соф. врем. (с. 233. ч. 2) подъ 1488 г. сказываетъ: «тое же зимы биша поповъ новгородскихъ по торгу кнутьемъ: присла бо ихъ изъ Новгорода къ великому князю владыка Генадѣй, что пьяни поругалися святымъ иконамъ, и посла ихъ (великій князь Іоаннъ III) опять ко владыцѣ».

(2) См. въ уст. Влад. о томъ же. Также П. с. р. л. т. I. 179.

аа) Уличенное мужемъ чародѣйство, назвничество, волшебство и зелейничество жены его (ст. 39; см. уст. Влад.).

бб) Добровольное общеніе вѣрныхъ въ пищу и питіи съ некрещенными, иновѣрцами и отлученными отъ Церкви (стт 30 и 31, также стт. 17 и 32). Ся. церк. прав. митр. Іоанна II (1080—1088), прав. 19 и 29 (1). Митр. Фотій писалъ 1427 г. іюня 22 къ псковичамъ о стригольникахъ: «мірстїи вси никако съ тѣми прїобщайте себе въ ясти и питіи, и да никако оскврните себе съ такими, дондеже съ покавїемъ и съ слезами обратятя таковїи въ благоразумїе истиннаго христіанства», и сент. 23 о нихъ же: «якоже преже къ вамъ писахъ, и нынѣ пишу, удаляйте себе отъ тѣхъ въ ястїи и питіи» (2). Митр. Кипріанъ въ 1395 г. поучалъ духовенство: «аже который христіянинъ, а отвержетоя Христа, съ тѣмъ не годится ни ясти ни пити, ни цѣловатись съ нимъ, ни стрѣтитися бы съ нимъ, такъ отъ него бѣгати» (3). Митрополитъ Іона въ 1452 г. сент. 29 писалъ къ новгородскому архїепископу Евѣимію, чтобы съ Шемякою ни пить ни ѣсть, за неже самъ себе

(1) По изд. преосв. Макарія въ Ист. р. ц. т. II. прим. 430.

(2) Арт. ист. т. I. № 33 и 34.

(3) А. в. т. I. № 11.

отъ христіанства отлучилъ» (1), и 1458 г., въ прощальной граматѣ своей къ тому же архіепископу, укорялъ его: «кто отъ нашего смиренія, за свое преступленіе, отлучень бывъ и неблагословенъ (разумѣется опять Димитрій Юрьевичъ Шемяка), и вы того у себя держали, и съ нимъ пріятельство имѣли, и въ яденіи и въ питіи съ нимъ есте съвкуплялися» (2).

вв) Добровольное употребленіе въ пищу запрещенныхъ яствъ (кобылины, медвѣдины и т. п., ст. 48). Церковное правило митрополита Іоанна II говоритъ (пр. 3): животныхъ, которыя будутъ схвачены отъ пса ли, или отъ звѣря, или отъ орла и другой какой либо птицы, и умрутъ, а не будутъ зарѣзаны человекомъ, не должно, по заповѣди святыхъ отцевъ (апост. 63, гавгр. 2, VI всел. соб. 67), употреблять въ пищу: въ этомъ случаѣ *лучше слѣдовать закону, нежели обычаю страны* («прилежи паче закону, нежели обычаамъ земли»).

гг) Святотатство (ст. 59; см. уст. Влад.).

б) Преступленія противъ святости брака, именно:

аа) Вступленіе въ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства (ст. 14) и свойства (ст. 11).

(1) Акт. эксп. т. I. № 372.

(2) А. и. т. I. № 269.

Судебникъ царя Константина постановляетъ: «кровь мѣсящъ въ свою кровь, свадьбу творящей: да тепеться ⁽¹⁾ и разлучиться» ⁽²⁾. (Св. о томъ же въ уставѣ св. Владиміра).

бб) Двоеженство (ст. 13). Церковное правило митрополита Іоанна II постановляетъ: «тѣхъ, которые безъ стыда и срама имѣютъ по двѣ жены, или даже, безъ благословенія Церкви, поймаютъ себѣ много женъ, пушая однихъ и прилѣпляясь къ другимъ, сначала всячески вразумлять, а потомъ, если не исправятся, считать чуждыми православной Церкви. Мужей, которые оставляютъ своихъ женъ и принимаютъ къ себѣ другихъ, равно и женъ, поступающихъ подобнымъ образомъ, по 9 и 18 правиламъ св. Василія великаго, считать за прелюбодѣевъ и прелюбодѣицъ, и не прежде принимать ихъ въ общеніе и допускать къ св. причастію, какъ когда оставлятъ грѣхъ свой» (прав. 7, 15 и 21). Уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г. сент. 30 опредѣляетъ: «другая тяжа (подлежащая суду епископа) ажъ водить кто двѣ жонѣ» ⁽³⁾. Въ судебникѣ царя Констан-

(1) Въ печ. кормч., гл. 46 ст. 13, о тѣлесномъ наказаніи не говорится.

(2) Русск. дост. ч. 2. сс. 156—157, ст: «яже въ родѣ жениться».

(3) Доп. къ А. в. т. I. № 4.

тина: «иже имѣя двѣ жени: и да ся ижденеть меншица («которая подлегла», какъ выражается уставъ Яросл.) и да біется (мужъ) твердѣ; аще ли у ней дѣти есть, да отсылаема будеть прочь съ дѣтьми своими безъ наслѣдія, да не будеть злое до конца» (1); «церковная епитимія двоеженцу—семилѣтній постъ» (2).

вв) Невѣрность одного изъ супруговъ другому и вступленіе мужа или жены въ новый бракъ до развода перваго брака (стт. 8 и 9). Слич. предыдущую статью о двоеженствѣ. Въ «вопрошаніи Кириковомъ» (1150—1186 г.), на вопросъ: «а иже то распустилася малжена (супруги), и предъ тобою, владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемья?» епископъ Нифонтъ отвѣчаетъ: «не дай причащенія тому, который ею распускается, а со инѣмъ совѣкупляется; али онъ умирати начнетъ, то же дай... Аже ли жена отъ мужа со инымъ, то мужъ невиновать, пуская ю... Лѣпо же есть и то приписать отъ канонъ святаго Василія, канонъ 9, яко ни по коей же винѣ женѣ не отпустити мужа своего, яко оставивши я—прелюбодѣица, или ко иному пришедъши мужеву; оставленный же или отпущенный, живуція (т. е. живущая)

(1) Соловецк. кормч. № 858. л. 590; Русск. дост. ч. 2. с. 156.

(2) Соф. врем. ч. I. с. 134.

съ таковымъ не осудиться. Аще убо мужь, отступивъ жены, къ друзѣй придетъ, и тѣ прелюбодѣецъ, зане творить ю прелюбодѣйствовати, и живущія (щая) съ нимъ прелюбодѣица, зане чюжего мужа къ себѣ пристави и проч.; на вопросъ: «аже мужи отъ женъ съгрѣшали, а иже ся остави (т. е. перестали), что имъ опитемья?» архіепископъ Іоаннъ—Илія отвѣчаетъ: «лѣто» (1). Митр. Фотій въ иоученіи священникамъ 1410—1451 г. писалъ: «слышанье мое, иже суть нѣкоторіи въ васъ словесми именуеми Христіяне, дѣлесе же яко не суще, о совокупленіи браковъ отъ Божія Церкви, съ женами счетающесе и того закова Божія разрушающе и *жены повергающе, безъ всякого разсуженія святительскаго правльнаго, и инымъ женамъ незаконнымъ прилъпляющесе, и Христова евангильскаго слова въ забытье приходяще...* И сего ради аще суть таковіи въ васъ законваго совокупленія разрушающен, а *не ища разсуженія по правиломъ отъ Божія Церкви, вже предано святителю, по коимъ вецемъ правльнымъ разлучати,* и которіи же въ васъ сего не ищуще разсуженія, а собою законное совокупленіе разрушающе и незакон-

(1) Пам. росс. слов. XII в. изд. *Калайд.* сс. 192. 200.

нымъ бракомъ съпріобщающесея, и о таковыхъ Божія Церковь, по правиломъ, яко прелюбодѣятелѣхъ гласить, и которіи же суть въ васъ таковіи, наказуйте ихъ къ обращенію на первое совокупленіе брачное, съ покаяніемъ о паденіи и со слезами, аще жена, аще мужъ; а которіи не радятъ къ познанію, а закона Божія разрушающе, яко прелюбы дѣющеи, и тѣхъ приношенія къ церкви не приймайте и отъ церкви ихъ удаляя, ни доры не давайте имъ, ни богородична хлѣба, дондеже обратятся: ибо божественная правила възбраняють таковымъ любодѣющимъ святаго причастія не даяти въ двадесять лѣтъ, дондеже когда къ самому концю и часу смертному едва по покаянію его и по слезамъ, предъ достовѣрными его свѣдители духовными; аще будетъ живъ, никакъ приступну быти къ тому беззаконному совокупленію» (1).

гг) Вступленіе въ бракъ безъ церковнаго вѣчанія (ст. 16). «А будетъ ли невѣнчальны», говоритъ уставъ, «митрополиту 6 гривень»: разумѣется бракъ незаконный, подлежавшій разводу. Въ уст. грам. Ростислава Мстиславича смоленской епископіи 1150 г. сент. 30 (2) поставляется въ числѣ дѣлъ, подвѣдомствен-

(1) Доп. къ А. и. т. I. № 181. с. 328.

(2) Доп. къ А. и. т. I. № 4.

ныхъ епископу: «третья тяжа—аже кто пойметъ чрезъ законъ». Митрополитъ Фотій писалъ 1410 г. авг. 29 новгородскимъ священникамъ: «а который не по закону живетъ съ женою, безъ благословенія поповска понялся, тѣмъ опитемія три лѣта, какъ блуднику, да паки съвокупити ихъ; а учите ихъ и приводите къ православію, съ благословеніемъ поиматись съ женами, а не съ благословеніемъ въсхотятъ жити, *ино ихъ разлучити, а не послушаютъ*—и вы, попы, не пріимайте ихъ ни приношенія, ни доры имъ не давайте, ни Богородицина хлѣба; а которые васъ послушаютъ, тѣмъ давайте причастье; да давали бы вамъ *порукы* по собѣ, чтобы имъ прочая лѣта цѣломудренно жити, а васъ имъ слушати» (1). Въ другомъ посланіи своемъ къ священникамъ, 1410—1431 г., тотъ же святитель поучалъ: «таже и паче еще, еже слышахъ, неподобнаго неподобнѣйше, еже яко закону Божию нѣкоихъ ругателѣхъ, иже не хотящихъ совокуплятися отъ Божія Церкви, закономъ Божьимъ, и поимати собѣ жены, но опроче закона Божія дѣющихъ, *иніи по нужи, и по напраснѣству, и ласкосердѣствомъ лукаваго* поимають себѣ жены, и се убо си отъинудь яко закону Божию разрушители и ругателіе, *и сіе*

(1) Акт. эксп. т. I. № 369.

*мірської казни великой подлежатъ, а душевной же казни яко душегублени суще: и вы сихъ также отъ церкви удаляйте и доры не давайте, ни Богородична хлѣба, ни святаго причастія, дондеже съ покаяніемъ и со слезами законнымъ бракомъ совокупятся. А о помяннѣи же жонъ наказуйте и совокупляйте, якоже отъ закона Божіа предано, божественными правилами, всякому христіянину мужу единой жень совокуплену быти, таже и жень мужу, дондеже произволить Богъ во временной сей жизни купно быти» (1). Митр. Іона писалъ къ вятчанамъ, ок. 1456 г.; «се слышаніе мое, сынове.. *многие деи христіане съ женами незаконно въ невѣнчаніи живутъ*» (2). Новгородскіе архіепископы Макарій 1534 г. марта 25 и Θεодосій 1548 г. іюня 8 писали въ вотскую пятину: «а которые *не жонаты, а живутъ съ дѣвками и съ жонками по любви снявся, и тѣ бѣ отроки съ дѣвицами вѣнчались, а вдовцы бы со вдовами молитвы имали у васъ, у отцовъ своихъ*» (священниковъ) (3). Слич. предыдущую статью и см. о томъ же въ статьѣ объ уставѣ св. Владиміра.*

(1) Доп. къ А. и. т. I. № 181. с. 329.

(2) А. и. т. I. № 267.

(3) Доп. къ А. и. т. I. №№ 28 и 43. сс. 29 и 59.

д) Своевольное расторженіе супругами брака (ст. 16)⁽¹⁾.— Въ уставѣ опредѣлены самыя случаи, воспрещающіе и дозволяющіе разводъ законнаго брака. *Воспрещается разводъ*: α) въ случаѣ слѣпоты или долговременной болѣзни одного изъ супруговъ (ст. 10)⁽²⁾; β) за кражу однимъ вещей другаго (ст. 36—37. см. ст. 39) и γ) за уличенное чародѣянiе, на-узничество, волхвованіе или зелейничество одного изъ супруговъ: въ этомъ случаѣ мужу дозволяется наказать жену, если она занимается подобными вещами, самъ же онъ, уличенный въ томъ же, подвергается пенѣ (ст. 39). Занятіе жены зелейничествомъ (волшебнымъ приготовленіемъ зелий) не должно быть соединено съ покушеніемъ на жизнь мужа: въ послѣднемъ случаѣ, какъ сей часъ увидимъ, опредѣляется разводъ (ст. 36).—Наказать жену дозволяется мужу и въ случаѣ кражи ею вещей его.—*Разводъ дозволяется*: α) если откроется, что жена, узнавъ объ измѣнниче-

(1) См. стт. касательно произвола разводовъ 4, 8, 9; см. также двѣ предыдущія стт. и о «ропустахъ» въ уст. Владиміра.

(2) Между тѣмъ въ судебникѣ царя Константина опредѣляется разводъ, если одинъ изъ супруговъ «въ недугъ впадетъ прокаженъ» (Соф. врем. ч. 1. с. 139, Русск. дост. ч. 2. с. 174—175, слов. кормч. № 858. л. 594, печ. кормч. гл. 46. ст. 32. изд. 1653. л. 377).

скомъ разговорѣ противъ верховной власти, не сказала объ этомъ своему мужу; β) если одинъ изъ супруговъ застанеть другаго въ прелюбодѣянїи или докажетъ это чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Ся. о «смильномъ заставанїи» въ статьѣ объ уставѣ св. Владиміра. Въ судебникѣ ц. Константина постановляется: «разлучаетъ бо ся за сія грѣхи жена отъ своего мужа: блуда ради, аще обличится... (1); γ) если жена покусится какимъ либо образомъ на жизнь своего мужа, сама или при посредствѣ другихъ, или если откроется, что она знала о покушенїи другихъ людей на жизнь своего мужа и не сказала ему объ этомъ. Судебникъ царя Константина распространяетъ эту причину развода и на мужа: «супруги разводятся, если одинъ изъ нихъ станетъ дѣлать проказы (вредъ) для жизни другаго или зная (чюя, ощющъ), что какой либо посторонній человѣкъ имѣеть на нее покушенїе, «не запретить ему» (постороннему лицу) и не предупредить объ этомъ своего супруга». супругъ, отравившій («зелейничество, потворы» устава Владимірова) супруга, по тому же судебнику, повиненъ сожженїю: «аще ключится единому ею (изъ супруговъ) умерети, въ злую язю (порчу) впадшу отъ твари (отъ потвора, зелья),

(1) Солов. кормч. № 858. л. 597.

тварнику всякому огнемъ да ся съжъжетъ» (1). Псков. лѣт. говоритъ о нѣкоторыхъ изъ древне-русскихъ женъ, что онѣ «дивія коренія коплютъ на потворенія мужемъ своимъ» (2). Посланіе Елеазарова монастыря игумена Памфила псковскимъ намѣстнику и властямъ о прекращеніи игрищъ народныхъ въ день рождества св. Іоанна Предтечи, 1505 г., сказываетъ, что въ этотъ день «исходятъ обавниці, мужи и жены чаровниці, по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы, имуще смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зелія, на пагубу челоувѣчеству и скотомъ, ту же и дивія копаютъ коренія на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творятъ съ приговоры дѣйствомъ діаволимъ, въ день Предтечевъ, съ приговоры сотанинскими»... д) если жена, безъ дозволенія своего мужа, станетъ ходить, ѣсть и пить съ посторонними людьми и ночевать внѣ своего дома, а мужъ потомъ узнаетъ объ этомъ; е) если жена, во-

(1) Солов. кормч. № 858. л. 594—об., Русск. дост. ч. 2. с. 174—175, Соф. врем. ч. 1. с. 139—140; въ печ. кормч. гл. 46. ст. 32. изд. 1653. л. 377 о сожженіи не говорится, но опредѣляется разводъ брака, едва только со стороны одного изъ супруговъ замѣчены будутъ неблагонамѣренныя покушенія, прежде чѣмъ злое дѣло будетъ приведено въ исполненіе.

(2) Карамз. Ист. гос. рос. т. VII. прим. 372.

преки волѣ и увѣщаніямъ своего мужа, нач-
нетъ, по днямъ и по ночамъ, посѣщать мѣста
публичныхъ увеселеній, и ζ) если жена наве-
детъ воровъ на домъ своего мужа, или сама,
въ сообществѣ съ ворами, станетъ красть
его вещи, или, зная о покушеніи другихъ на
святотатство, не скажетъ о томъ своему мужу
(стт. 54—59); но разводъ воспрещается, какъ
мы видѣли (стт. 36—37), и мужу дозволяется
только наказать самому свою жену, если она
одна, безъ участія другихъ, крадетъ его вещи.—
Наконецъ, независимо отъ воли супруговъ,
бракъ расторгается по закону, если онъ за-
ключенъ незаконно и вопреки уставамъ Цер-
кви (стт. 5, 8, 9, 11, 14—17, 21, 25).

в) *Преступленія противъ союза семей-
ственного*: аа) краденіе женою вещей мужа
(стт. 36 и 37), или свохою вещей свекра (ст.
38); бб) жестокое обращеніе мужа съ женою
(ст. 15); побой, наносимыя безъ вины, снохѣ
отъ свекра или ятрови отъ деверя (вын. къ
ст. 43); вв) побой мужу отъ его жены (ст. 41);
гг) злоупотребленіе родительской власти,
именно: α) насильственное бракосочетаніе ро-
дителями своихъ дѣтей, безъ ихъ желанія,
оканчивающееся дурными послѣдствіями (ст.
27), и β) насильственное удержаніе родителями
своихъ дѣтей въ безбрачномъ состояніи, по-

ведшее къ дурнымъ послѣдствіямъ для ихъ нравственности (ст. 46).

г) *Преступленія противъ чистоты нравовъ*, какъ то:

аа) Блудъ кого либо съ черницею (стт. 18, 45). Судебникъ царя Константина постановляетъ: «блудящему съ черницею, по закону людскому (гражданскому греческому) носа ему урѣзати, а по церковному закону 15 лѣтъ постъ да прилагается ему (1).

бб) Беззаконное сожитіе вѣрнаго съ ино-вѣркою (ст. 52), или иновѣрца съ русскою женщиною (ст. 17). Въ мирномъ договорѣ кн. Мстислава Давидовича съ вѣмецкими городами 1229 г. (и то же почти въ договорѣ 1230 г.) значится: «аще застанете русинъ латинскаго челоувѣка своею женью, за то платити гривнъ 10 серебра; тако учинити русину у Ризѣ и на гочкомъ берзѣ платити; аже латинскый челоувѣкъ учинитъ насиліе свободнъ женѣ, а будетъ пьреже на ней не былъ со-рома, за то платити гривнъ 5 серебра; тая правда узятя русину у Ризѣ и на готескомъ березѣ; аже будете пьрвѣе на ней сьрѣмъ былъ, взяти ей гривна сьрѣбра за насиліе; аже насилуетъ робѣ, а будутъ на него послуши,

(1) Соф. врем. ч. 1. с. 132.

дати ему гривна серебра; такова правда узяти русипу у Ризѣ и на гочкомъ березѣ» (1).

вв) Противоестественные пороки (ст. 19) (2).

гг) Обличенный блудъ и прелюбодѣяніе лицъ женскаго пола, незаконное рожденіе дитяти и погубленіе его дѣвицею, находящеюся при своихъ родителяхъ, женою безъ ея мужа или при мужѣ и вдовою (ст. 5). По церковно-уставной граматѣ кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Софійскому собору 1125—1157 г. (3), сестра—дѣвица, потерявшая свою дѣвическую чистоту и уличенная въ этомъ достовѣрными свидѣтелями, лишается братьями права на свою долю наслѣдства, оставшагося послѣ отца. Сн. въ уст. Владиміра: «или дѣвка дитя повержетъ».

дд) Какъ одна пзѣ мѣрь къ предупрежденію преступленій противъ чистоты нравовъ и въ кругу семейственныхъ отношеній, сюда относится опредѣленіе денежнаго взысканія съ родителей и родственниковъ дѣвицы за долговременное ими оставленіе ея въ незамужнемъ состояніи: ст. 6. Г. Калачовъ относитъ

(1) Собр. гос. гр. ч. 2. с. 2.

(2) Сн. о нихъ же въ статьѣ объ уставѣ св. Владиміра.

(3) По свѣску 1493 г., см. въ 10-й книжкѣ Православнаго Собесѣдника за прошлый 1861 годъ.

6-ю ст. къ искамъ о безчестіи, соединяя ее съ статьею 55: «оже про дѣвку сыръ краяъ будетъ» и проч., а проф Неволинъ—къ стт. о злоупотребленіи родительской власти (1). По всѣмъ, намъ извѣстнымъ, спп. Ярославова устава, 6-я ст. слѣдуетъ непосредственно послѣ 5-й: «аще дѣвка блядетъ... обличивше пояти ея въ домъ церковный, а чимъ ю паки родъ окупить»; изъ такого положенія 6-й ст. слѣдуетъ, что въ ней или назначаются цифры выкупа безчестной женщины изъ церковнаго дома ея родственниками, если она «засядетъ», т. е. слишкомъ долго будетъ оставаться въ церковномъ домѣ, или, что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, подъ выраженіемъ «дѣвки засядетъ» разумѣлось то, что она засидится, по волѣ и винѣ родителей или родственниковъ, въ дѣвицахъ, слишкомъ долго останется незамужнею (св. ст. 46); въ Акт. юрид. № 418. с. 449 (г. 1524) есть подобное употребленіе глагола *сидѣть*: «а не пойдетъ жена моя замужъ, а почнетъ *сидѣти*, ина жити ей на Молечкинѣ до еѣ живота» (дух. завѣщаніе). Наше мнѣніе о значеніи разбираемой статьи близко къ мнѣнію Неволина. Въ сборникѣ ка-

(1) Чт. Моск. ист. общ. 1847. № 3. отд. I. с. 76—77; Полн. собр. сочиненій Неволина. Спб. 1859. т. VI. с. 355. прим. 302.

новическихъ статей, помѣщенномъ въ кормчей соловецкой (казан. акад.) библи. № 858 (1493 г.) л. 429, находится слѣд. замѣчательное правило: «*всякому родителю подобаетъ своего сына женити, егда скончается въ возрасту его лѣтъ 15, а дочери 12 лѣтъ* (сн. закона градскаго или прохирона грань 4. ст. 2), се бо есть законъ истинный; *аще ли же, на небреженіи родителни* (или, за отсутствіемъ родителей, «на небреженіи» родственниковъ, «племени», какъ въ уст. Яросл. ст. 6, сн. Русск. Правд. стт. 60 и 62 и предыдущую статью), *прейдутъ лѣта взаконеная сыну и дочери, и случится единому съблудити отъ сихъ:* то сей грѣхъ на родителехъ есть; аще ли же дщи не и еще сущи лѣтъ 12, или сынъ не еще сый лѣтъ 15, аще ли же съблудить единъ отъ сихъ: тако грѣхъ той есть на творящею и гнѣвъ Господень иметь».

е) Наконецъ, разные виды *кровосмѣшенія*: незаконное сожитіе двухъ братьевъ съ одною женою (деверя съ невѣсткою, ст. 25), одного мужа съ двумя сестрами (зятя съ своячицею, ст. 21), кума съ кумою (ст. 11) (1),

(1) Въ судебникѣ царя Константина: «*ниже пойметъ куепетру, рекше куму свою, женѣ себѣ, по закону людскому (по гражданскому греч. закону) носы обѣма урѣзати и разлучати я, а по церковному за-*

паденіе отца съ дочерью (ст. 26), свекра съ снохою (ст. 20), пасынка съ мачихою (ст. 24), брата съ сестрою (ст. 15), деверя съ итровою (стт. 22, и падчерпцею—23?).

д) *Преступленія противъ личности ближняго* (иски о безчестіи), именно слѣдующія: аа) побой священнику (вын. къ ст. 43, см. выше); бб) драка между собою двухъ женщинъ (ст. 42): «аже бѣются женки межъ себе, на виноватой святителю 60 кунъ»; слѣдовательно одна предполагается обиженною. Въ уст. грам. смоленскаго кн. Ростислава Мстиславича 1150 г. сент. 30 къ предметамъ епископскаго суда; между прочимъ, причисляется: «семая (тяжа) ажъ бьется двѣ женѣ, то епископля тяжа» (1); вв) оболганіе безчестною жены меньшаго боярина, равно какъ горожанки и поселанки (стт. 29—31) (2); и гг)

кону—разлучати я, а постъ пріяти на 15 лѣтъ; даеть же ся чинъ сице: 5 лѣтъ внѣ церкви стояти плачущеся» и проч. (Соф. врем. ч. 1. с. 132). По словамъ Сахарова (Сказанія русск. народа), у русск. простолюдья слишкомъ близкія отношенія между кумомъ и кумою—вещь довольно обыкновенная.

(1) Доп. къ Акт. ист. т. I. № 4. с. 7.

(2) По всѣмъ спискамъ устава Ярославова, слова «князь казнить», между стт. о оболганіи чужой жены безчестною (стт. 28—31), относятся только къ ст. 28, въ которой говорится о женѣ великаго боярина: поэтому мы думаемъ что слѣдующія затѣмъ три статьи (29—31) говорятъ о безчестіяхъ,

драка поженски между двумя мужчинами, соединенная съ поврежденіемъ тѣлеснымъ (задраніе кожи, укушеніе, ст. 40; выше прим. 121).—Но бѣольшая часть преступленій этого рода судилась, какъ увидимъ, общимъ судомъ гражданской и духовной власти.

(окончаніе слѣдуетъ)

судимыхъ духовною властью безъ посредства власти гражданской. См. объ «уреканіяхъ» въ статьѣ объ уставѣ св. Владиміра.

ИСПРАВЛЕНІЕ

БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ

ПРИ ПАТРИАРХЪ ФИЛАРЕТЪ.

(окончаніе)

IV.

Разныя прибавки и искаженіе смысла въ богослужебныхъ книгахъ даже до ереси получили къ началу XVII в. право давности; никто ихъ не замѣчалъ, никто не обращалъ на нихъ вниманія; всѣ думали, что *такъ слѣдуетъ*. Порча эта начала входить даже въ жизнь, въ понятія народа, получала укрѣпленіе и освященіе въ неизвѣстно какъ возникшихъ религіозныхъ обрядахъ.

Такъ, прибавка *и огнемъ* подкрѣплялась обрядомъ, предписаннымъ служебникомъ Невѣжинской печати,—погружать трижды, при произнесеніи этого слова, зажженные свѣчи

въ воду. Обычай этотъ такъ скоро укрѣпился, что многіе думали, будто чрезъ это погруженіе освящается богоявленская вода. Затѣмъ говорили тогда, что если «огня на освященіи богоявленскія воды не поминати, то оубо и свѣчь въ церковь не вносити и на воду с ними не ходити» (Діон.). Прибавки этой требовали даже во всѣхъ молитвахъ, гдѣ говорится: «освяти сие іли оно Духомъ твоимъ святымъ», на томъ основаніи, что Духъ св. называется иногда въ свѣщ. Писаніи огнемъ. По этому случаю Арсеній замѣчаетъ: «і въ томъ воленъ Богъ да онѣ: какъ себѣ хотятъ, тако и творятъ, хотя и пламенемъ да прибавливають, да и каменемъ» (Салт.).

Испорченность конечныхъ славословіи въ молитвахъ мы уже видѣли. Вотъ еще образчикъ нечѣпости въ томъ родѣ.—«Логинъ Корова в уставе напечаталъ молитву, юже глаголемъ вегда бываетъ празднество духовно и торжество молебно возставшимъ отъ трапезы по обычныхъ благодареніяхъ и тропарѣхъ і по кондакохъ праздникомъ о царскомъ здравіи. Та молитва къ лицу Сына Божія и начало у ней сице: Владыко многомилостиве Господи Исе Христе Боже нашъ; конецъ же у той молитвы Логинъ испортилъ, напечаталъ сице: ты бо еси царь царствующимъ і Спась душамъ нашимъ і источникъ всякой благодати. И тебѣ славу возсылаемъ отцу и сыну і свя-

тому духу. А другую молитву напечаталъ в монахиде: Боже духовомъ і всякой плоти; у неяже «онецъ напечаталъ сице: яко ты еси животъ і воскресение и покой усопшимъ рабомъ твоимъ Христе Боже нашъ і тебѣ славу возсылаемъ отцу і сыну и святому духу» (А. Салт.).

Арсеvій Глухой, въ посланіи къ Салтыкову, представивъ много примѣровъ подчасъ самыхъ нелѣпныхъ «описей»—какъ онъ выражается—въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, говоритъ: «суть же і ныи многи *тмочисленныя* описи... въ печатныхъ книгахъ». Все это, по его словамъ, можно бы исправить, «аще бы московскія власти и честныя протопопы, служащій во святыхъ церквахъ близъ царскихъ полатъ, по священныхъ сихъ книгахъ чтуще и поюще *добръ разумъли і о благочестіи воистинну болъли.* и онѣ бы прежде о сихъ описехъ несогласныхъ разуму истинны возвѣщали царю государю. І егда начнутъ книги наки поновлятися печатнымъ дѣломъ, и государь бы велѣлъ къ тѣмъ книгамъ, которые ново начнутъ печататися, *изъ нихъ же* представить могущаго исправлявати, якожъ достоинтъ». Но въ томъ-то и бѣда, что такихъ исправленій не было; хорошо еще, если было такъ: «общую минѣю трижды печатають, а в

неп ни единыя описа не справливали», а то большею частію бывало хуже.

Значитъ, честные протопопы не разумѣли добръ читаемаго, не болѣли о благочестіи во-истинну. Большинство духовенства и общества, по словамъ Насѣдки, «или нерадѣваемъ, или гордостію, или лѣпностію» проходило «божественное писаніе». «Не ученіемъ убо, ни прочитаніемъ злочестивыхъ догматъ, мнози мы въ таковою впадаемъ ересь зловѣрія»,—пишетъ онъ, разсуждая о конечныхъ молитвенныхъ славословіяхъ, благопріятствующихъ ересямъ,—«во ненавыченіемъ разума и непрочитаніемъ божественныхъ писаній и гордостнымъ обычаемъ еже несовопршати намъ свѣдущимъ истинну». Нѣкоторые «не точію на едину строку зря, но на едину токмо рѣчь смотря, и разсуждали се есть тако. обрѣтается же всяко не тако. аще бо отъ лица чловѣка отъимется око іли ухо неблагообразно будетъ, сице и единемъ реченіемъ разсужати вся глаголемая» (Сал.). Въ слѣдствіе этого, «своего закона права исповѣданія» тогда «не вѣдали и содержали не согласиємъ со святыхъ отецъ разумомъ, и собою мимо книгъ мудрствовали и учили и отвѣты творили и держали правду христіянства такъ какъ гдѣ на умъ кому взбредеть, и языкомъ кто можетъ из устъ сілести» (Нас.). Слѣдствіемъ

этого было то, что когда случилось такимъ грамотѣямъ «вопрошеннымъ быти отъ кого: что ариево раздѣленіе, и что савелиева смѣшеніе и слитіе. они ария проклинаяють, с нимъ же и савелия и прочихъ еретикъ. і исповѣдуютъ Троицу единосущную и нераздѣльную. И потомъ со ариемъ по невѣденію, а не мудростію, не токмо Христа поариански предложена естествомъ глаголють, но и въ савелиеву ересь превращаются. Бога Отца исповѣдуютъ Отца, тажъ и не Отца но Сына. Слова Божія—и Отца и Сына. Сынъ не Сынъ по ихъ отвѣту, но Сынъ Отець уже есть, и Сына отмещутся. Также и Духа Святаго Сына же нарицають, тѣмъ же и глаголють: единъ есть въ Троицы славимый Христосъ Богъ нашъ» (Н.). Такимъ образомъ славили «святая Троица неразумнѣ. овогда нарицали отца сыномъ, овогда же сына отцемъ и св. Духомъ. Се есть смешение и слияние», замѣчаетъ Арсеній. «и се творилось отъ невѣденія и отъ ненаученія. ибо івъ ниже видимыхъ лицъ же и составовъ разумѣлъ». «Иной поць и незнаеть», пишетъ онъ, «что во Христѣ божественная свойства и что человѣческая; не смѣю дерзновенно рещи, что иной и архимаритъ незнаеть». Чтобы узнать, до чего дошло московское духовенство съ своимъ прохожденіемъ божественныхъ писаній точію по чернилу, онъ

совѣтуеть Салтыкову спросити «лучшого архимарита или попа, да отвѣщаютъ, кии разумъ сия рѣчи имуть, еже речеса (о Христѣ) не во двою лицу раздѣляемъ, по во двою естеству несмѣстно познаваемъ, и кихъ зловѣрная поведѣнія святыи Иванъ Дамаскинъ сими глаголы побеждаетъ и отмещетъ и проклинаетъ. И аще государь кии архимаритъ или попъ симъ реченнямъ не дастъ сказанія. и сеи ничимъже разпъствуеть невѣжду и поселянина, и яко не навькъ божественныхъ писанія. и срамъ есть таковому на себѣ великого чина церковного имя посити, православія жъ догмать не вѣдѣти, ихже достоинтъ всякому православному книжпику не невѣдѣти, пачежъ священническому чину. И отъ сихъ яве тебѣ государю будетъ ихъ разумѣне».

Такое образованное общество не могло понять и принять поправокъ Діонисія съ товарищами, поправокъ, прямо противныхъ укоренившимся обычаямъ и разуму чтущихъ и поющихъ на едину строку зря. Объ этихъ поправкахъ было «надобно смотрити смыслено і люботрудно, а не мимоходомъ разгнувъ книгу глаголомъ точию внимати, а слы и разума не блюсти. И се нѣсть свое іже божественная хотять разумѣти, но иже гласовомъ нагимъ внимають. аще убо отъ лица человѣчя отъимется око, или ухо, не благообразно будетъ,

сиде и на едину рѣчь зря, а начало слову не внявъ, и разсужати все слово единою рѣчию» (А. Прот.). На это дѣло надобно было «смотреть беззловѣ, братолюбнѣ и во искусѣ бывѣ словесныя хитрости и поминая, яко на всѣхъ неразумие и забвение хвалится». «Таковыи, говоритъ Арсеній, малу на насъ вину возложить, аще і обрящеть наше в чемъ погрѣшенье;... аще ли же не таковыи будетъ смотряи, многу на насъ иматъ вину возложить».

Итакъ, для разсмотрѣнія труда исправителей, по собственному ихъ сознанию, нужны были люди беззловныя, во искусѣ бывшіе словесныя хитрости. Что это за словесная хитрость и для чего пригодна она, они сами объясняютъ намъ. «Художество рекше словесная хитрость проходящимъ божественная писания орудие и правому разсужденію, і ко уясненію вѣщания, осмь частей суть слова, елика глаголемъ и пишемъ; внѣ сихъ ничтоже есть, и кромѣ сихъ изъяснити о нихъже слово вемошно, якоже пишетъ святыи иванъ дамакинъ, суть же сия: имя рѣчь причастие, различие союзъ, і имущая ихъ въ себѣ раздѣленія, аще ли внѣ сихъ причастія бывѣ, како можетъ кто право и здраво божественная писания разсуждати». И безъ божественной философіи, по ихъ словамъ, «никто же можетъ право разсудити не точно въ божественныхъ

писанійхъ, но и в земскихъ дѣлахъ, аще и прироженемъ разуменъ будетъ, много имать погрѣштити, какожь кому тупоумному сихъ во іскусѣ не бывшу право и здраво разсужати».

Между тѣмъ уже изъ царской грамоты мы знаемъ, что «по руски философскихъ учений много лѣтъ не бывало»; а изъ отзывовъ самихъ исправителей объ обществѣ, приведенныхъ выше, знаемъ и болѣе — Общество могло дать и дало дѣлу Діонисія такихъ судей, «кое и азбуки едва умѣютъ;... не знаютъ кои во азбукѣ гласныя писмена и согласныя, а родовъ и времяяъ і лицъ и числъ того и непоминаи, священая жъ оилоѳія и, въ рукахъ не бывала».

Въ дѣлѣ исправленія нужно было судить, — вѣрно ли, православно ли оно, согласно ли съ ученіемъ слова Божія и Церкви; а общество могло выставить только такихъ судей, которые «не знаютъ ни православія, ни кри-вославія, точно божественная писанія по чернилу проходятъ, разума жъ сихъ не нудятся свѣдѣти». Нужно было слѣдить за простотой и точностью рѣчи; а тогда только «красныхъ глаголовъ» иснали, между тѣмъ какъ «красныя глаголы и риторскій слогъ» полны были «злаго и гнилаго и еретическаго мудрования» (Салт.).

Отъ такого общества скорѣе всего нужно было ожидать за поправки обвиненія въ ереси,—что и случилось, какъ мы видѣли. Не напрасно Арсеній постоянно говорилъ Діонисію: «архимарить государь, откажи дѣло Государю: привезешь книгу исчерня къ Москвѣ, и простымъ людямъ станетъ смутно». Архимандрить его не слушалъ, «во всемъ по па Івана слушалъ»; онъ надѣялся, вѣроятно, на защиту м. Іоны и нѣкоторыхъ умныхъ московскихъ духовныхъ властей: потому что невозможно же предположить, что бы все московское духовенство было такъ невѣжественно, какъ описываетъ Арсеній.—Въ надеждѣ на эту защиту и посредничество, Діонисій не ослабѣвалъ въ своемъ дѣлѣ, трудился полтора года, кончилъ и «повезъ къ Москвѣ на докладъ митрополиту Іонѣ». Но Іона выдалъ справщиковъ на судъ московскихъ властей, образованность большинства которыхъ мы уже видѣли. Самъ Іона созвалъ на справщиковъ соборъ властей; самъ предсѣдательствовалъ на немъ и слѣдов. самъ направлялъ его разсужденія. Никто изъ образованныхъ московскихъ духовныхъ властей во время этого суда не сказалъ даже ни одного слова въ защиту Діонисія, который былъ, какъ мы видѣли, осужденъ.

Что же это значить? Отъ чего произошло подобное явленіе?

Насколько мы успѣли присмотрѣться къ этому дѣлу, главной, тайной причиной осужденія пр. Діонисія съ товарищами были чисто-человѣческія, личныя побужденія судей.

Исправленіе требника, насколько видно изъ дѣла, поручено было Діонисію одною царскою властію, безъ участія духовной; Діонисій при этомъ поставленъ былъ независимымъ ни отъ кого свыше, верховнымъ распорядителемъ дѣла, «властію». Послушный царской грамагѣ, онъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій и соображеній принялся за дѣло; изъ документовъ не видно даже, что бы онъ счелъ нужнымъ испросить на это благословенія митрополита Іоны, устраниннаго или устранившагося отъ участія въ этомъ дѣлѣ, хотя Арсеній Глухой и указывалъ ему на необходимость митрополничьяго участія. «архимарить государь, откажи дѣло Государю: не здѣлати намъ того дѣла въ монастырь безъ митрополничья совѣта».

Этимъ глубоко оскорбленъ былъ Іона—мѣстоблюститель патріаршаго престола, какъ человѣкъ.—Прежде главная мысль объ исправленіи книгъ приписывалась и принадлежала патріарху, по крайней мѣрѣ исправленіе не предпринималось безъ его совѣта и благословенія; теперь это присвоила себѣ свѣтская власть помимо представлявшаго лице патрі-

арха. Вотъ уже побужденіе для м. Іоны разрушить это дѣло, выставить его въ самомъ дурномъ свѣтѣ, чтобы впредь власть гражданская одна не распоряжалась церковными дѣлами. Время же теперь для этого было удобное, особенно если вспомнимъ, что до выѣзда изъ Литвы м. Филарета всякій старался и успѣвалъ отнять у царя и захватить въ свои руки какъ можно больше властп.—Выборъ справщиковъ прежде принадлежалъ одному патріарху; теперь избрало и назначило гражданское правительство. Главный надзоръ за исправленіемъ принадлежалъ прежде тоже патріарху: безъ его согласія, по крайней мѣрѣ безъ имени его согласія, не производилось перемѣнъ; теперь помимо блюстителя патріаршаго престола, помимо всякаго архіерея, надзоръ порученъ былъ только архимандриту, хотя и знаменитому, но архимандриту. И этотъ архимандритъ нисколько не былъ подчиненъ патріаршему мѣстоблюстителю въ дѣлѣ исправленія: ему предписано было немедленно по исправленіи донести объ немъ царскимъ чиновникамъ. Исполняя царскую грамоту и неупоминавшую о духовныхъ властяхъ, архимандритъ этотъ не испросилъ даже у м. Іоны позволенія принять царское порученіе и благословенія приступить къ его исполненію. Хотя Діонисій, по прежнему обыкновенію, до

представленія своего труда царю, хотѣлъ испросить у высшей церковной власти утверженія и благословенія этому труду, и для этого явился къ Іонѣ; но было уже поздно—и Иона предалъ его. Притомъ, самая знаменитость Діонисія, уваженіе оказываемое ему всѣми, могли оскорблять и Іону. На все это указываетъ тонъ всѣхъ отзывовъ Арсенія Глухаго о судѣ и судьяхъ вообще надъ пр. Діонисіемъ и—о м. Іонѣ в частности. На это все, конечно, указываютъ и слѣдующія слова его: «аще бы... наше морокованіе было дѣлано на Москвѣ, все бы было благо и строино, и государю приятно, і всѣмъ православнымъ в ползу, былъ бы и великий святитель божии митрополитъ Иона сарскіи и подонскіи по насъ великий поборникъ» (Салт.). Тоже повторяетъ и Насѣдка. Припомнимъ при этомъ формулу осужденія Діонисіева: архимандритъ Діонисій писалъ *по своему изволу*; припомнимъ фразу Насѣдки, обращенную къ п. Филарету, что послѣдній, какъ верховный святитель, не боясь грѣха и ереси, можетъ вымарывать въ печатныхъ книгахъ «слоги». Безъ личныхъ, чисто-человѣческихъ побужденій, незачѣмъ было Іонѣ, человѣку довольно умному,—какъ мы знаемъ изъ другихъ его дѣйствій,—предать исправителей суда невѣждъ—московскихъ

властей, когда исправители «только на докладъ принесли» ему исправленный требникъ.

Знаменитость Діонисія и предпочтеніе ему оказанное вооружили противъ него и всѣхъ московскихъ архимандритовъ и протопоповъ. Арсеній, разсуждая объ этихъ властяхъ, говоритъ о своемъ осужденіи въ отношеніи къ нимъ, что оно «вѣсть своественъно мудрости свыше низходящия, но земныя и душевныя и зависти явленіе» (Салт.). Итакъ, съ невѣжествомъ у этихъ судей Діонисія соединялась еще зависть къ нему.

Самое созваніе суда и осужденіе исправителей показываетъ личную вражду къ нимъ въ судьяхъ, особенно въ главномъ, м. Іонѣ — Зачѣмъ было созывать судъ, когда исправители не выдавали своихъ поправокъ за непреложную истину, не распространяли ихъ между другими, а привезли требникъ только «доложить», просить совѣта и разрѣшенія въ этихъ «недоумѣнныхъ вещехъ»? За что было осуждать исправителей, когда ихъ «дѣло въ миръ не пошло, ни царской казнѣ какой проторъ содѣлало»? «Аще что і не добро бы здѣлалось, іно дѣло на сторону, а трудивыися неразумнѣ и неугоднѣ мзды лишень бываетъ». Уже и то «не мала беда» имъ, «толики труды подъемшимъ сидячи за государевымъ дѣломъ полтора года день и ношъ, мзды лишаемымъ быти»

(Салт.). Если бы власти, судившія Діонисія съ товарищами, «добрѣ дѣло разумѣли і о благочестіи воистину болѣли, добрѣ бы и судили. Ино ихъ (исправителей) дѣло и въ миръ не пошло, болно стало и благочестію вредно. а что в миръ пошло, а не добро здѣлано, то не болѣзнено» (Салт.).

Такимъ образомъ, судьи исправителей были въ то же время, внутри, и обвинителями ихъ. Впрочемъ, какъ мы сказали выше, были на соборѣ и особенные, отдѣльные отъ судей, обвинители. То были три инока Сергіевой обители: уставщикъ Филаретъ, ризничій дьяконъ Маркеллъ и головщикъ Логинъ,—лица вполне достойныя судей.—Объ одномъ изъ нихъ, Маркеллѣ, мы ничего не знаемъ, а другіе два очень извѣстны всеѣмъ. Эти двое, какъ видно изъ ихъ поступковъ, считали себя людьми учеными, обнаруживали притязанія на богословское образованіе, на *разумніе* священнаго Писанія. Одинъ изъ нихъ (Логинъ) былъ даже книжнымъ справщикомъ при п. Гермогенѣ и въ 1610 г. выпустилъ изъ типографіи уставъ, наполненный множествомъ грубыхъ погрѣшностей, образчикъ которыхъ мы уже видѣли. Владѣя прекраснымъ голосомъ, онъ презиралъ научное образованіе, «хитрость грамматическую и философию книжное еретичествомъ нарицая». Логинъ зналъ только

красоваться своимъ голосомъ, выпѣвая по-
 часъ: «и сѣмени его до вѣка»... Не лучше того,
 какъ Логинъ шѣлъ, другъ его читалъ иногда.
 Оба друга умѣли разумно богословствовать на
 основаніи прочитаннато ими. Такъ лица св.
 Троицы они представляли себѣ человѣкооб-
 разными, имѣвшими всѣ свойства человѣче-
 ской природы; говорили, что І. Христосъ рож-
 девъ отъ Бога Отца не прежде вѣкъ, а тогда,
 когда Гавріиль посланъ былъ благовѣстити
 пресвятой Дѣвѣ о зачатіи отъ нея Сына Бо-
 жія.—Вотъ этихъ-то умниковъ пр. Діонисій
 однимъ своимъ кроткимъ замѣчаніемъ, прось-
 бой—не переначивать слова до уничтоженія
 въ нихъ смысла, часто выводилъ изъ себя до
 бѣшенства—явленія очень естественнаго въ
 непризнаваемыхъ неразумныхъ умникахъ. За
 обличенія въ невѣжество эти ученые мужи
 оплачивали кроткому Діонисию достойно себя:
 ругали, даже били его въ церкви.—Вражда
 этихъ людей противъ пр. Діонисія усилилась,
 кажется, особенно съ того времени, какъ Ді-
 онисій не выбралъ ихъ въ сотрудники себѣ по
 исправленію требника. По всей вѣроятности
 Логинъ, какъ ученѣйшій, тогда же составилъ
 замысль погубить своего архимандрита, согла-
 сивъ на это своихъ пріятелей, и, когда при-
 спѣло время, они взялись за дѣло. Что Логинъ
 былъ главнымъ обвинителемъ исправителей,

въ этомъ почти нельзя сомнѣваться послѣ тѣхъ жолчныхъ отзывовъ о немъ, которые произносятъ Глухой и Насѣдка. Выставляя на видъ вѣлныя поправки Логина въ уставѣ, Глухой пишетъ боярину Салтыкову: «виждь, государь, сего, како безумныи клеветникъ, недугуи к намъ братоубиственною завистию и оклеветавыи насъ тунѣ, ничтоже не благосотворшихъ ему, несмѣсное смѣшалъ отъ неразумия своего».

По обвиненіямъ этихъ-то лицъ, достойныхъ суда и осужденія въ ереси, судили судьи не лучшіе обвинителей, судили лучшихъ, образованнѣйшихъ людей своего времени, судили и—засудили...

Но чтобы не столкнуться въ этомъ дѣдѣ съ свѣтскимъ правительствомъ и особенно съ властію царя, который могъ признать этотъ судъ интригой противъ себя и своей власти, судьи употребили довольно хитрую уловку: стали дѣйствовать на царя чрезъ его мать. Она «государыни благовѣрныя і великия старицы иноки Марфы Ивановны приложиша прекроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнути, во еже озлобити» справщиковъ (А. Сал.). Вотъ гдѣ причина, что мирная обитель инокинь сдѣлалась мѣстомъ истязанія для знаменитаго въ русской исторіи чело-вѣка.

Зная, откуда пришел окончательный ударъ, Арсеній, начиная умолять о своемъ помилованіи, обратился прежде всего къ боярину Салтыкову и просилъ его ходатайства предъ царемъ и его матерью. Получивъ, вѣроятно, на свое длинное посланіе отвѣтъ, объяснившій ему окончательное положеніе дѣла, онъ обратился къ какому-то протопопу Ивану Лукьяновичу, вѣроятно лицу вліятельному на м. Іону. Въ своемъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: «буди, государь, печальникъ митрополиту Іонѣ сарьскому и подонскому, чтобы митрополитъ меня бѣднаго нищева черныца свободилъ, понеже *ему* государыня великая старица інока марѳа івановна *дѣло наше дала на волю, онъ воленъ насъ смиряти и свободжати*». Итакъ, Іона предалъ исправителей суду и осужденію, Іона же, по своей волѣ, томилъ ихъ въ желѣзахъ: новое доказательство его личныхъ непріязненныхъ отношеній къ исправителямъ.—Умѣлъ же онъ послѣ понять, что не годится перекрещивать латинь; странно было бы предположить, что онъ теперь не понималъ дѣла Діонисіева.—Внялъ ли онъ мольбамъ Арсенія, неизвѣстно; вѣроятнѣе—нѣтъ, хотя Арсеній и представлялъ: «сие есть достойно і великому святителю Іонѣ нашего ненаучения погрѣшение своимъ челоувѣколюбиемъ покрыти, а насъ бѣдныхъ отъ

желѣзь свободити». По всей вѣроятности Арсеній выпущенъ былъ съ кириловскаго подворья въ тоже время, когда Діонисій освобожденъ изъ Новоспасскаго монастыря; по крайней мѣрѣ определенныхъ извѣстій объ освобожденіи Арсенія до этого времени мы не встрѣчали.

У.

Около года уже томились исправители въ тяжкомъ заточеніи, когда явились благопріятствовавшія имъ обстоятельства; томиться бы имъ и больше, если бы не эти обстоятельства.

Восточные православные патріархи, всегда ревниво слѣдившіе за притязаніями римскаго государя-первосвященника въ дѣлахъ Церкви, особенно за просками его въ землѣ русской, около этого времени должны были обратить преимущественное вниманіе на состояніе русской Церкви, уже давно остававшейся безъ первосвятителя и подвергавшейся въ это время особенно сильнымъ проскамъ папистовъ. При тогдашнемъ положеніи русской Церкви, они сочли полезнымъ присутствіе въ Россіи одного изъ восточныхъ патріарховъ и положили отправить въ Москву патріарха іерусалимскаго Теофана, «да утѣшитъ всѣхъ христіанъ отъ

приключаются имъ бѣдъ отъ насилія кривовѣрныхъ. і да не отпадутъ надеждою нужнымъ путемъ ведущеся въ царство небесное». По прибытіи въ Москву, Феофанъ «отъ самодержавнаго государя царя и великаго князя Михайла Федоровича зѣло честно и радостно почтенъ і приятъ бысть» (1).

Въ Москвѣ, гдѣ дѣло пр. Діонисія такъ недавно еще надѣлало шуму, признано было за ересь, за покушеніе на православіе, восточный патріархъ не могъ не узнать объ немъ. Быть можетъ, даже нѣкоторые изъ самихъ духовныхъ властей, не сознававшіе своего невѣжества и своей неправоты въ этомъ дѣлѣ, не пропустили случая похвалиться предъ восточнымъ первосвятителемъ своею ревностью по православію, не промолчали о своемъ недавнемъ подвигѣ. Объ этомъ дѣлѣ восточному патріарху могъ сообщить и самъ сарскій митрополитъ Іона, которому была даже выгода глухо, въ общихъ чертахъ, похвастаться этимъ дѣломъ, не выставляя его въ настоящемъ свѣтѣ: какъ первый митрополитъ, какъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, онъ могъ

(1) Свѣдѣнія о пришествіи п. Феофана въ Москву, о путешествіи его въ Троицко-Сергіеву обитель, также патріаршія грамоты, отрывки изъ которыхъ приводимъ ниже, мы заимствуемъ изъ ркп. сборн. № 873.

расчитывать на санъ патріарха для себя; теперь, когда онъ становился защитникомъ православія, въ глазахъ восточнаго первосвященителя онъ получалъ на этотъ санъ право.— Изъ разныхъ слуховъ и рассказовъ судей п. Теофанъ, конечно, не могъ надлежащимъ образомъ понять, въ чемъ дѣло; онъ видѣлъ только, что дѣло важное, обвиненіе въ ереси. Важность дѣла и неясность первыхъ свѣдѣній о немъ, неясность соборнаго приговора, могла возбудить его любопытство, и онъ постарался узнать, въ чемъ дѣло. Какими путями достигъ онъ этого знанія—неизвѣстно; вѣроятно путемъ подробныхъ распросовъ лицъ и осудившихъ Діонисія съ товарищами и тайно сочувствовавшихъ ихъ дѣлу. Тутъ много помогли споры объ этомъ исправленіи, особенно о словѣ *огнезъ*, проникшія даже въ народъ; самъ Теофанъ писалъ послѣ: «обрѣтохомъ (въ Москвѣ) любопрящихся мнзехъ о семъ прилозе (о огни)». Быть можетъ, въ слѣдствіе пріобрѣтенныхъ свѣдѣній Теофанъ, голосъ котораго могъ тогда рѣшить выборъ въ патріархи московскіе, не подалъ своего голоса ни за одного изъ кандидатовъ на это мѣсто; онъ дожидался отца царскаго, м. Филарета, который возвращался изъ польскаго плѣна. Наконецъ пріѣхалъ Филаретъ; московское духовенство, почитая въ немъ царскаго отца, предло-

жило Филарету патриаршество; тотъ отказался. Но здѣсь явился со своимъ голосомъ Теофанъ; его настойчивость, его убѣжденія по видимому подѣйствовали на м. Филарета, который согласился сдѣлаться московскимъ патриархомъ. Въ концѣ іюня 1619 г. Филаретъ возведенъ былъ въ достоинство патриарха, а въ началѣ іюля, по указанію Теофана, новый патриархъ уже обратилъ серьезное вниманіе на дѣло исправителей. Онъ приказалъ пересмотрѣть ихъ дѣло собравшимся тогда въ Москву, по случаю его посвященія, русскимъ святителямъ. Соборъ видѣлъ, конечно, чего хотѣлось патриарху, и поспѣшилъ исполнить его желаніе. А новому патриарху, появившему изъ рассказовъ Теофана мало важность Діонисіева преступленія,—если бы даже поступокъ Діонисія дѣйствительно былъ преступленіемъ,—хотѣлось оправдать невинно страдавшихъ, независимо отъ правоты страдальцевъ, еще и потому, что въ судѣ и осужденіи ихъ онъ видѣлъ интригу противъ власти своего сына, интригу противъ человѣка спасаго московское государство и этимъ спасеніемъ доставившаго дому Романовыхъ московскій престоль.—Какъ бы то ни было, только соборъ святителей оправдалъ Діонисія и его товарищей; прежній главный судья—осудитель, м. сарскій Іона, представлявшій теперь дѣло

на разсмотрѣніе новому собору, принужденъ былъ дать, вмѣстѣ съ другими митрополитами и архіепископами, прежде осужденному имъ архимандриту цѣлованіе мира и любви; царь прославилъ Діонсія, какъ истиннаго страдальца. Преподобный съ честію возвратился въ свой монастырь, гдѣ посѣщеніе п. Теофана доставило ему новую почесть.—Сохранился разсказъ, что Теофанъ, слыша о чудесахъ пр. Сергія, пожелалъ видѣть его мощи и поклониться имъ; желалъ онъ также видѣть и знаменитую обитель, отстоявшую московское государство и православіе. Поэтому онъ отправился въ Троицкій монастырь; «архимаритъ тоя святыя обители» уже возвратившійся изъ заточенія «Діонисій со всею братією, яко самого Христа с подобною и со святою честію сръте». Въ память своего пребыванія въ обители Сергія и въ знакъ уваженія къ преподобному, также въ знакъ уваженія и любви къ знаменитому архимандриту лавры, Теофанъ, по одной редакціи, снялъ свой клобукъ и положилъ его къ ногамъ пр. Сергія, а по возвращеніи въ Москву сказалъ п. Филарету, что онъ благословляетъ носить тотъ клобукъ Діонисію.—Редакція, которой мы пользуемся, нѣсколько разнится отъ этой.—Въ Успенскомъ соборѣ, когда Теофанъ собрался идти въ Палестину, вручилъ онъ свой клобукъ п. Фила-

рету «на память своего благословенія и да будетъ незабвенно его пришествіе в Руси». «Патріархъ же святѣйшій Филаретъ рече: и кому отче святѣйшій волишь святыни твоя носити отъ святыхъ твоея главы отданный покровъ? Святѣйшій же патріархъ Теофанъ рече:... аще отхожу отселе къ цаствѣ моей, но на память поклоненія моего ко пресвятому образу пресвятыя Троицы и пресвятыя Богородицы и великаго Сергіа чудотворца оставляю сей клобукъ. Да ты великій господинъ по моему изволенію благословиши его (имъ) перваго ипокомъ начальника архимарита Сергіевы обители Діонисія. И да будетъ сей благословенъ отъ мене во вѣки, і назнаменанъ о Христѣ паче прочихъ братій своихъ. И аще и не по обычаю се вашему, но мое изволеніе бысть». «Не по мнозе же времени», по отшествіи Теофана въ Палестину, «святѣйшій Филаретъ патріархъ призвавъ архимарита Діонисія, и сказа ему благословеніе святѣйшаго отца вселенскаго патріарха Теофана, и дастъ ему клобукъ его, и повелѣ ему носити во славу святѣйшаго палестинскаго патріарха». Послѣ этого Діонисій «подвиги къ подвигомъ прилагая радовася душею и сердцемъ веселяся, яко сподобилъ его Богъ за правду пострадати».

Объ участи Насѣдки мы уже знаемъ: онъ сдѣлался ключаремъ Успенскаго собора. Арсеній, послѣ оправданія, поступилъ, по извѣстію Діонисіева житія, къ книжной справкѣ. «Свобоженъ бысть отъ заточенія. помощники(ъ) (Діонисіа) по правдѣ старцы (старецъ) Арсеней Глухой с товарищи. Потомъ же бысть на печатномъ дворѣ много лѣтъ».

О судьбѣ враговъ Діонисіевыхъ мы не знаемъ никакихъ подробностей; только, такъ какъ Діонисій съ товарищами былъ оправданъ, ихъ неминуемо должна была постигнуть и постигла опала, но когда?—рѣшить трудно. М. Иона былъ еще на соборѣ 1620 г., когда рѣшался вопросъ: перекрещивать ли латинъ, приходящихъ къ православной Церкви, или нѣтъ? По всей вѣроятности этотъ соборъ рѣшилъ его судьбу, такъ какъ онъ говорилъ здѣсь противъ мнѣнія патріарха, которое, естественно, должно было одержать и одержало верхъ. Иона умеръ въ заточеніи. О другихъ врагахъ краткое житіе Діонисія говоритъ глухо: «ненавистницы жъ (иже) клеветаша на святаго и въ ересь истинну прикладываша посрамлени быша і послѣди тѣ жъ (тоже?) сами восприяша. взаточеніи скончаша. митрополитъ Иона».

Съ освобожденіемъ Діонисія съ товарищами дѣло о его книжномъ исправленіи еще

не кончилось. Исправители были оправданы; но изъ ихъ поправокъ не всё были признаны окончательно справедливыми. Поправка концовъ была признана справедливой едвали не ранѣе разсмотрѣнія Діонисіева дѣла на архіерейскомъ соборѣ; объ ней даже не упоминаеть краткое житіе Діонисія; самъ Діонисій защищалъ на соборѣ только исключеніе слова *огнемъ*, какъ видно изъ его рѣчи, которая, впрочемъ, по всёмъ признакамъ, не имѣеть въ нашемъ списокѣ конца.—Многія другія поправки Діонисія были приняты церковнымъ правительствомъ и осуществлены при дальнѣйшемъ печатаніи книгъ⁽¹⁾. Только дѣло объ исключеніи изъ молитвы въ день Богоявленія слова *и огнемъ* тянулось очень долго.

Какъ ни убѣдительно были въ глазахъ Филарета слова іерусалимскаго патріарха Теофана, защищавшаго исключеніе *и огнемъ*, какъ ни убѣдительно были рѣчи Діонисія и Насѣдки, наконецъ, какъ ни убѣдительно было свидѣтельство старыхъ книгъ въ пользу этого исправленія, пат. Филареть не рѣшился исключить тотчасъ же *и огнемъ* изъ богослужебныхъ книгъ. Въ пользу этой прибавки

(1) О поправкахъ указанныхъ исправителями и принятыхъ правительствомъ см. статью г. Казанскаго.

говорилъ обрядъ, неизвѣстно откуда и когда явившійся,—погруженія въ воду зажженныхъ свѣчь; въ пользу его говорило и общее расположение русскихъ умовъ. И вотъ «великій государь святѣйшій Филаретъ патріархъ московскій и всеа Русіи. Феофану патріарху говорилъ. чтобы ему пріѣхавъ въ греческую землю. и со своею братьею со вселенскими патріархи посовѣтовавъ выписать изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ о освященіи Богоявленія воды какъ оу нихъ написано. и выписавъ прислати к Москвѣ за своими руками». Между тѣмъ въ служебникахъ и требникахъ Филаретъ приказалъ по старому печатать *и огнемъ*; только въ одномъ мѣстѣ требника на полѣ было припечатано: «быти сему глаголанію до соборнаго указу».

Пока дожидались отвѣта восточныхъ патріарховъ, пока произносилось еще *и огнемъ* «до соборнаго указу», въ Москвѣ возникъ ученый догматическій споръ изъ за этого несчастнаго слова.

Защитительныя рѣчи Діонисія и Насѣдки, посланія Арсенія, по всей вѣроятности, сдѣлались извѣстны тотчасъ же по оправданіи справщиковъ. Вскорѣ послѣ того явилось сочиненіе Антонія Подольскаго, защищавшее прибавку *и огнемъ*. Сочиненіе это не дошло до насъ; мы знаемъ объ немъ только изъ от-

вѣтнаго сочиненія Насѣдки (1), который даетъ разумѣть, что оно проповѣдывало какой-то *огнь просвѣтительный* и направлено было главнымъ образомъ противъ Насѣдки. Такъ Насѣдка говоритъ: «повсюду мене бѣднаго еретикомъ всѣмъ сказуеши и глаголеши, Антоніе»; «и ты о огни разделшемся много собралъ еси писанія на мя»; «ты на насъ пишешь», «огнь просвѣтительный проповѣдуешь». Изъ словъ того же Насѣдки мы знаемъ нѣсколько о личности Антонія, не зная впрочемъ, какое мѣсто занималъ онъ въ обществѣ Кромѣ того мы имѣемъ два слова самого Антонія (ркп. сбн. № 899), упоминаемая въ каталогѣ Сильвестра Медвѣдева.

Изъ собственныхъ сочиненій Антонія видно, что онъ былъ человекъ образованный по тогдашнему времени, начитанный, могъ писать и говорить убѣдительно для людей подчиняющихся чувству и громкой фразѣ, но что образованіе его не отличалось основательностію. Основательность Антоніева образованія заподозрѣваетъ и Насѣдка; онъ говоритъ Антонію: «и ты хвалися о грамотикни и о деалектике незнающимъ тебя. А говоришь никто

(1) Отвѣтное сочиненіе Насѣдки на Антонія Подольскаго помѣщено въ нашихъ рукописяхъ вслѣдъ за рѣчью перваго, въ ркп. сбн. № 855.

убо совершенно противъ мене грамотики и диалетики в Росии не знаетъ». Образование, хоть и неосновательное, возвышало Антонія въ собственныхъ глазахъ среди вполне невѣжественнаго общества. Насѣдка постоянно называетъ его високоумнымъ, возносящимся буйственнымъ умомъ и т. под; кромѣ того онъ прямо говоритъ Антонію: «вспоминаю тебѣ Антоніе о старой старинѣ заблудившихся древнихъ еретикъ. овы суть отъ нихъ отъ книгъ прельстишася. якоже и азъ съ тобою пьянь брѣжу. и тщеславимся и хвастуемъ и лжемъ чтобъ насъ люди хвалили». «Инии жъ паки, продолжаетъ Насѣдка, бесомъ подкрадени». Но послѣдняго, по его словамъ, нельзя сказать объ Антоніѣ: «не сатана ты (Антоніа) выучилъ мудрствовать, по родной братъ и тебѣ и мнѣ утопленный в сусле хмель». Въ другихъ мѣстахъ онъ обращается къ Антонію: «ни твои ни мои пьяные уста, но Христовы истинныя уста глаголють ко ученикомъ его»; «смотри крѣпко пьяными глазами своими». — Итакъ Антоній, неосновательно образованный, предавался еще пьянству, — что отчасти подтверждается и собственными его сочиненіями. — Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить, по пословицѣ; поэтому нерѣдко можно встрѣчать людей искренно, отъ души, съ жаромъ проповѣдующихъ противъ того порока,

которому преимущественно преданы сами они. Таковъ, по нашему мнѣнію, и Антоній. Въ началѣ его слова о пьянствѣ (1) личность автора еще не видна, но потомъ, чѣмъ дальше читаешь слово, тѣмъ болѣе и болѣе выступает личность автора, такъ что можно подуматъ, будто онъ самъ противъ себя для назиданія себя писалъ это слово.

Итакъ Антоній при своихъ дарованіяхъ и образованіи былъ еще человѣкъ пьяный. Что можно ожидать отъ соединенія этихъ качествъ въ человѣкѣ, то и случилось. Какъ человѣкъ даровитый, нетерпѣвшій соперничества, онъ выступилъ съ сочиненіемъ противъ Насѣдки, котораго теперь, вѣроятно, стали считать слишкомъ умнымъ и ученымъ; какъ человѣкъ пьяный, онъ не могъ удержаться въ границахъ, сталъ кричать вездѣ, сталъ унижать своихъ противниковъ, называть ихъ еретиками. «Повсюду, говоритъ Насѣдка, мене бѣднаго еретикомъ всѣмъ сказуеши и глаголеши Антоніе»; «не токмо самъ мудрствуеши, но и многихъ научилъ еси» своему мудрованію. «И ты Антоней шедъ в торгу с риторы с колач-

(1) Слово это отпечатано въ «Прав. Собесѣдникѣ» за настоящій 1862 г.—См. мартъ и апрѣль, статью: «Древняя русская проповѣдь противъ пьянства».

ники с витѣями с пирожники и изыщите Бога Отца глаголу и Сына его единороднаго свидѣтельству отвѣтъ, какъ святой Духъ существомъ». «Не зрѣть бо на пожаре московской торгъ въ писанія св. отцевъ, «ни въ службу Василюву и Златоустову, но зрѣть въ тебя яко въ зеркало. тыжъ имъ въ привидѣнїи блядши с праваго пути совратився». Своими криками, разглагольствованїями, по словамъ Насѣдки, «Антоней пьянымъ бабамъ подобился»; порядочнымъ людямъ, какіе еще были тогда, непрїятно было смотрѣть на эту исторїю и слушать сплетни. «Иные люди со стороны, пишетъ Насѣдка, про насъ про всѣхъ говорятъ, возбѣся де и вы вси брѣдите... і вы де со Антономъ оглохнули ушима нравственныма и разумныма».

Антоній, какъ мы сказали, защищалъ прибавку въ молитвѣ на освященїе воды въ день Богоявленїя—и огнемъ (1). Для этого онъ, на основанїи нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго Писанїя, признавалъ Бога огнемъ, думая, что

(1) Собственное сочиненїе Антонія объ этомъ предметѣ, какъ мы сказали, не дошло до насъ; по-этой мы должны довольствоваться Насѣдкинымъ изложенїемъ Антонова ученїя, хотя и нельзя Насѣдкѣ довѣрять вездѣ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ видно намѣренїе его изказать ученїе Антонія. Мы стараемся, по возможности, избѣгать крайностей Насѣдкина изложенїя.

этимъ словомъ обозначается въ Писаніи существо Божіе, и забывая, что «ниже возможно рещи, ниже помыслити по достоинству возможно, что есть Богъ» въ существѣ своемъ. Огнемъ также признавалъ онъ и Духа Св., забывая, что «Духъ Св. исповѣдуется и прославляется не по видимому явленію его, и по различныхъ видехъ иже бысть голубь и огонь, но паче по невидимому вышнему имени сущему, иже бѣ духъ», что Духъ Св. есть «непреложный во огонь и въ голубь якоже и Слово Божіе непреложно въ плоть». Онъ «необязанно всѣмъ» говорилъ, что «Духъ святой.... благодать свою апостоломъ огненнымъ видѣніемъ отдѣлалъ отъ себя, и такоже и нынѣ отдѣляетъ отъ себя же»; что Богъ «огнемъ священнодѣйствуетъ таинство христіанское». Въ то же время Антоній признавалъ этотъ огонь, которымъ, по его словамъ, крестились апостолы въ день пятидесятницы, чѣмъ-то самостоятельнымъ отъ Св. Духа, говорилъ, что въ день пятидесятницы Духъ Св. исшелъ отъ Бога Отца, а огонь—отъ Бога Сына; называлъ его огнемъ просвѣтительнымъ, говорилъ, что онъ «отъ Божія существа исходитъ», «освящаетъ всяческая», что имъ «вода богоявленская освящается». Этотъ огонь, которымъ крестились апостолы, крестить и нынѣ всѣхъ вѣрующихъ, такъ что каждый крестится во-

дою и огнемъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Насѣдки, Антоній «другое крещеніе утверждалъ огняное, не другое но осмое пагубное, о немъ же Златоустъ пространно написа в бесѣдѣ II въ Матѣеве». По этому случаю,—такъ какъ Антоцій въ ученіи своемъ о огни просвѣтительномъ основывался на свидѣтельствѣ печатнаго служебника и къ оправданію существующей въ немъ прибавки клонилъ всѣ свои разсужденія,—по этому случаю Насѣдка замѣчаетъ ему: «всѣ переводы греческие и рускіе старые отмещеши, і вѣришь ввукѣ одной печатной книгѣ служебнику. А мать и бабу и прабабу не словомъ но дѣломъ блядь являешь. занеже вси старые переводы ни во что вмѣняеши. одному свидѣтелю печати вѣришь, а на тысячу и тмы на старые переводы плюешь».

Опровергая ученіе Антонія, Насѣдка остается такимъ же, какимъ мы видѣли его прежде: хитрымъ, смиреннымъ, самоунижающимся, любителемъ площадныхъ словъ; здѣсь только вмѣсто списыванія твореній другихъ мы замѣчаемъ въ Насѣдкѣ схоластическую, не совсѣмъ благонамѣренную, діалектику, да заносчивость въ отношеніи къ равному, а быть можетъ и низшему его, Антонію.—Мы отчасти видѣли уже, какъ относился онъ къ своему оппоненту; здѣсь считаемъ нелишнимъ еще

замѣтить, что почти постоянно, чуть не прямо, называетъ онъ его еретикомъ, дуракомъ и т. под., а названія въ родѣ *гордый, высокоумный* самыя обыкновенныя. Но мы не могли въ сочиненіи Насѣдки найти ничего оскорбительнѣе слѣдующаго обращенія къ Антонію: «се же разумѣй о себѣ хвалимый гущею с мериномъ». За то въ этомъ же сочиненіи есть мѣсто, которое еще при началѣ дѣла слѣдовало бы осуществить двумъ противнымъ сторонамъ, старавшимся возвести до догматическаго значенія прибавку *и огнемъ*: «лучше намъ обѣма с тобою молчати».

Не смотря на это сознаніе, что лучше бы молчать, Насѣдка написалъ еще сочиненіе, въ которомъ собралъ все, что только было сказано имъ въ предыдущихъ двухъ: тутъ есть главы и «о описехъ», и «объ огни» вообще, и объ огни просвѣтительномъ на учениковъ Антонія и на самого Антонія.

Наконецъ 5 апрѣля 1625 года явились къ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и ко отцу его великому государю святѣйшему Филарету патриарху московскому и всеа Русіи патриарховы старцы. архимаритъ Кирилъ, да келарь Акакій, да старецъ Германъ. и привезли отъ александриискаго патрарха Герасима. и отъ еросолимскаго патрарха Феофа-

на. к государю и патриарху грамоты и переводы греческия за ихъ руками. о чемъ говорилъ государь патриархъ Феофану патриарху неросалимскому. о водѣсвѣщеніи о прикладе огня».

Герасимъ въ своей граматѣ царю прежде всего говоритъ, что уставы и каноны, переданные отцами, «держатъ крѣпцѣ даже до днесь» они, «сущіи свѣтыя восточныя церкви вовѣренны кормчиѣ, аще и сама ихъ вселися посреди волковъ свѣрепыхъ и неукротимыхъ львовъ». Затѣмъ онъ продолжаетъ: «много множае подобаетъ благочестивыя свободы воспріимъшимъ. и наслаждающимся свѣтыя яже въ васъ Христове церкви тишины... держати непремѣнно свѣтыхъ отецъ преданія. Слышахомъ бо самодержче превеликій царю тамо гражданствовати же. и почестъ пріимовати. безмѣстныя нѣкія вещи. имже людіе прилежатъ со всякимъ благоговѣніемъ. якожъ пресылая и принесена всесвятѣйшимъ патриархомъ великія Москвы».... «Есть у васъ», говоритъ. онъ далѣе, «нѣкій прилогъ в молитве великаго освященія. агіазмы глаголюще. самъ и нынѣ владыко освяти воду сію Духомъ свѣтымъ и огнемъ. иже не вѣмъ како умыслися яже у васъ въ церкви. или откуда израсте таково лишесловіе в семъ переводе». Потомъ, показавъ кратко, что прибавка *и огнемъ* не-

умѣстна по разуму святыхъ отцевъ, Герасимъ пишетъ: «яве есть не отъинуду развѣ отъ пѣкихъ мнѣпомудрыхъ» явилась прибавка. «Прилогу всячески не подобаетъ въ васъ пребывати. но наче отвержену быти далече отъ яже въ васъ Христовы церкви. Тѣмже убо благочестивѣйшій царю. мы... вѣдѣюще яве быти Христовы церкви чуждая. и яже тамо православнымъ душамъ... тщету и соблазнѣ. яже у васъ въ церкви и челоуѣкомъ любопрѣніе. пишуще молимъ твое преблагочестивѣйшее царство не поущати сицевымъ безмѣстнымъ хотящимъ прилежати вещемъ. но наче отстояти и отбѣгати. яко отъ оглашенныхъ отъ церкви Христовы. и хранити святыхъ отецъ преданія неподвижно. аще писаца аще і неписана»....

Другая грамота, отъ п. Феофана, надписывалась прямо на имя всей Церкви русской, если только не было отъ этого патріарха еще особой грамоты царю и патріарху. Вотъ надписаніе ея по находящемуся у насъ подъ руками списку: «Феофанъ мплостию божіею. патріархъ святаго града Іерусалима. Сирія Аравія. обонъ полъ Іордана. Капа галилея сиона. и всея Палестины. Указаніе бывшаго придатку огня. в молитве великаго. освященія святыхъ Богоявленій. глаголемо отъ пѣкихъ в Мосховец. еже самъ и цынѣ Владыко освя-

ти воду сию Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ. Поученіе противящимся и прятчимся о вѣре и о спасеніи». Здѣсь «во иже повсюду православнымъ христіаномъ. и епископомъ во святѣй церкви. великія же и малыя Росіи» онъ говоритъ: «не вѣмъ како. отъ древяго ли обычая или отъ науковъ и неписмянныхъ мужей се и неискусныхъ. множицею книги любодѣйствующихъ удержася и случися сей прилогъ. въ велицемъ освященіи святыхъ Божоявленій глаголатися. самъ и нынѣ Владыко освяти воду сию Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ. иже граждаествовавшѣ отъ многихъ временъ. во свѣтлѣмъ граде Москвѣ. и во всей церкви російстей». Далѣе, напомнивъ, «яко писма оубиваетъ, духъ же оживляетъ», показываетъ имъ, посредствомъ разумнаго истолкованія, прѣ помощи свящ. Писанія и св. отцевъ, истинное разумѣніе мѣста въ евангеліи. отъ Луки, которымъ защищали прибавку *и огнемъ*, и доказываетъ, что «петребѣ другаго или ино нѣчто огня глаголати близъ Духа».

Но и послѣ патріаршихъ грамотъ, Филаретъ долго, какъ видно, колебался,—вымарывать ли слово *огнемъ* изъ печатныхъ книгъ; только 9 декабря 1625 г. вышла грамота его, повѣлѣвавшая уничтожить эту прибавку. «И какъ къ тебѣ, писалъ онъ сійскому игумену Іоанъ, ся наша грамота придетъ, и ты бѣ тотчасъ по-

елалъ отъ себя въ города, которые по нашему указу велѣно вѣдати тебѣ десятиною,... а велѣлъ изъ тѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ, и діякономъ, служебники свои и потребники, которые печатаны при мнѣ, привезти къ себѣ; а какъ привезутъ, и ты бѣ сее нашу грамоту предъ ними вычель, а четчи и въ тѣхъ служебникахъ во всѣхъ то глаголаніе о прилогу «огня» замаралъ бы еси черниломъ кистью; а сдѣлать чернила нарокомъ съ комѣдью, а замазывать въ потребникахъ во двухъ мѣстехъ, гдѣ «Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ», и тутъ огонь замазывать, а на полѣ, гдѣ молано быти сему глаголанію до соборнаго указу, и тутъ въ другомъ мѣстѣ замазывать же; а въ служебникахъ въ одномъ мѣстѣ замазывать «огнь»; а буде у тебя кисти не будетъ, ино замазывать перстомъ, омоча въ добрые же чернила, чтобъ писма не видно было; а замазавъ то глаголаніе отдалъ бы еси попомъ назадъ тѣ книги безволокитно; а какъ, оже дастъ Богъ, приспѣетъ время навечеріе святыхъ Богоявленій, въ нынѣшнемъ во 154 году генваря въ 5 день, и чтобъ имъ велѣлъ святити воду и глаголати въ рѣчахъ: «Самъ человеклоубче прииди пришествіемъ святаго твоего Духа, и освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ», а прилогъ «огня» от-

ставить; а окромѣ прилогу «огня» всему быти чину и свѣщамъ погруженью потому, какъ писано въ служебникахъ печатныхъ» (1).

Эта грамота заботливаго до мелочей и предписывающаго ихъ п. Филарета была заключеніемъ великаго дѣла. Но все же и она, какъ мы видимъ, не рѣшила дѣло окончательно; «прилогъ огня» былъ уничтоженъ, а обрядъ погруженья въ воду зажженныхъ свѣчъ остался до времени п. Никона.

VI.

Въ то время, когда пр. Діонисій исправлялъ требникъ, и потомъ, когда судили его за это исправленіе, какъ сдѣланное «по своему изволу», по выраженію осудившаго собора,— въ это время печатаніе книгъ уже началось, въ прежнемъ духѣ: какой-то священникъ Никонъ печаталъ часовникъ во 125 и 126 годахъ (Нас. сбн. № 855). Какъ печатанный по прежнимъ пріемамъ, на старыхъ началахъ, часовникъ этотъ училъ исповѣдывать Христа въ Троицѣ славимаго. Въ сто же двадцать пятомъ году начать печатаніемъ октоихъ, оконченный въ 127 году. Печатаніемъ его занимался, по повелѣнію царя и по благо-

(1) Акт. арх. эксп. т. III. № 166.

словенію «преосвященныхъ митрополитовъ, іархієпископовъ, ієпископовъ», «мастеръ іанникита ѳедоровъ сынъ ѳофановъ, псковитиня». Въ послѣсловіи къ этой книгѣ мы думаемъ видѣть указаніе на дѣло пр. Діонисія, совершенно въ духъ осудившихъ его, подѣ влияніемъ возбужденныхъ страстей и споровъ, въ слѣдующихъ словахъ: «государь благочестивый царь и великій князь михаило ѳедорови^и всея росіи самодержецъ. наче тысящъ всякихъ сокровищъ мира сего. церковное богогласіе божественнаго писанія, слово истинно и непорочныя христіанскія истинныя вѣры. всѣмъ по чину поддася предложити, и церквамъ божіимъ воукрашеніе и повсюду православнымъ христіаномъ, печатнымъ тисненіемъ предати. понеже бо *въ настоящее се время* грѣхъ ради нашихъ, нерадѣнія и неваказанія нашего *воставляная буря* разогорѣся великъ пламе^и, и возмутися напрасное волненіе. *злочитрыхъ и многоглавы^и ересеи.* повремѣ *вступающі^и* злохулно *ни преданія церковная.* оединая на едину даже идосамыя главы церкви придоша. но яко сѣно огню постоитъ. илко камень ноги претыканія вредитъ. тако птици сего гонзнути могутъ исчезнуть бо и погибнуть пообразу начальниковъ свой^и. понеже ходящии вотмѣ ипсвидящии свѣта джа отца

пмуци и сынове лжи являются. Благочестивыиже государь царь и великий князь михаило ѳеодорови^и всея росіи самодержецъ. видяще толикъ облажащъ ны облакъ ругателеи различныи^и и многохулыи^и супостаты. облекшеся вовся оружія правды и ополчися мужественно. повинующеся подъ крѣпкою рукою божіею. и всякою крѣпостію душевною и телесною. божественна священна зрѣнія свершая ижелая отъ всѣхъ содѣтеля и промысленика. и подвигъ немалъ облагочестіи показуя, многіяже божественныя церкви повсюду оустрояя. и всякими пречюдными лѣпотами велелече оукрашая. и спми богодохновенными священными писаніи. начеже имного чудесными святыми иконами.... преславно яко небо звѣздами оукрашая и всякія божественныя вещи чипыже ноуставы. яже въ похвалу и честь божію бываемая и свое царское бесчисленное сокровище вооустроение всякой святыни, изобилно простирая. И въ четвертое лѣто благочестивыя державы своея. повелѣ напечатати печатнымъ тисненіемъ, книги охтан. на осемь гласовъ».... Само собой разумѣется—нельзя было и ожидать отъ такого изданія исправленія книги къ лучшему; должно удивляться только, что при проявившемся тогда стремленіи къ исправленію не примѣнено было это стремленіе въ исполнѣ и къ этой книгѣ. Издатели, впрочемъ,

дають рмзумѣть, что они допустили вѣкоторыя поправки въ ней, когда просятъ прощенія за сокращенія, перемѣны и отмѣны: «тѣмже вси елико васъ, свѣта чада исынова еѡалія, исвятыя церкви богособранная чета священноначалницы. исвященно иноцы, иноцы, исвященницы, и вси благочестивіи народи. намже охе духовніи отцы ибратія, яко хотящей святыя сія кнѡги прочитати, или преписовати. любезно молимъ васъ. милостиви намъ будите, инезазориви оума нашего. аще заемошь прегрѣшеній нашѡхъ инедооумѣніемъ оукратися, или предложися, или отмѣнися. сами исправляйте. благоволеніемъ идѣйствомъ пресвятаго духа. понеже ивы, требуетеже милости от Бога и отчеловѣкъ. такоже прощенію и благословенію, инасъ сподобляете».

Со вступленіемъ на патріаршій престоль Филарета Никитича дѣло исправленія кнѡгъ приняло вѣсколько другой характеръ. Наученный опытомъ и получившій отъ пр. Діонисія и его сотрудниковъ указаніе на неисправности въ печатныхъ кнѡгахъ, онъ сталъ внимательнѣе слѣдить за печатаніемъ, избиралъ въ справщики кнѡгъ болѣе или менѣе образованныхъ. Такъ онъ оставилъ, какъ мы уже видѣли, при печатномъ дворѣ и исправленіи кнѡгъ Арсенія Глухаго; Насѣдкѣ поручалъ онъ пересмотрѣ Транквилліонова евангелія; исправитель Зи-

заніева катихизиса, игумень Ілія, по соб-
ственному сознанію его, зналъ даже греческій
языкъ. При всемъ томъ книжное исправленіе
временъ Филарета было не таково, какое бы
желательно видѣть.

Мы не будемъ перечислять здѣсь всеѣхъ
книгъ, изданныхъ при п. Филаретѣ, не будемъ
разбирать ихъ составъ, поправки и ошибки:
это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и это
можетъ и должно быть предметомъ особой
спеціальной статьи. Для нашей цѣли доста-
точно будетъ указать здѣсь приемы, употреб-
лявшіеся въ это время при печатаніи книгъ
и ихъ исправленіи.

Просматривая книги, напечатанныя при
п. Филаретѣ, мы прежде всего замѣчаемъ, что
онѣ печатаются «по совѣту и по благослове-
нію... великаго господина и государя святѣй-
шаго киръ Филарета, патріарха московскаго
и всея Русіи»; слѣдов. инициатива въ этомъ
дѣлѣ принадлежитъ патріарху. Потомъ, послѣ-
словія многихъ книгъ свидѣтельствуютъ, что
самъ патріархъ непосредственно наблюдалъ
за печатаніемъ, свидѣтельствовалъ книги:
«А свидѣтельствована бысть (книга) ве-
ликимъ господиномъ и государемъ по плоть-
скому рожденію отцемъ, а въ духовномъ
чину отцемъ и богомольцемъ, государя царя
и великаго князя михаила ѳеодоровича

всѣя русіи самодержьца, святѣйшимъ киръ Филаретомъ, патріархомъ московскимъ и всѣя Русіи». Это свидѣтельство, думаемъ, относилось прежде всего и болѣе всего къ исправленію книгъ, такъ какъ во всѣхъ послѣсловіяхъ книгъ, свидѣльствованныхъ патріархомъ, говорится, что царь сильно заботился «о исправленіи книжномъ, ивнихъ о словеси истиинѣмъ. извоженіемъ печатными псемы. ко спасенію душамъ христіаньскаго народа многочисленнаго. словенскаго языка, своѣя великія державы». И это указаніе на заботливость царя о исправленіи книжномъ, мы встрѣчаемъ преимущественно въ книгахъ, просматриваемыхъ самимъ патріархомъ. (1) Но особенно ясно высказалось тогдашнее правительство о книжномъ исправленіи въ послѣсловіи къ требнику, изданному въ 1624 году. Въ немъ сказано, что царь и патріархъ «повелѣша отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрать и во свидѣтельство божественныхъ писаній благораз-

(1) Мы не можемъ не обратить здѣсь вниманія читателей на одну характерическую черту тогдашняго русскаго воззрѣнія на царя и его дѣятельность, сказавшуюся въ послѣсловіяхъ. Говоря о ревности Михаила Феодоровича къ построенію и украшенію церквей, къ снабженію ихъ книгами, о его личномъ «усердномъ преуспѣяніи на почитаніе божественныхъ писаній», онѣ прибавляютъ: «яко сего ради Богъ помаза его елеомъ радости паче причаствикъ его».

судный свой совѣтъ преподавати, и отъ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаній стихословіи исправляти, яже несправленіемъ отъ пренесящихъ и многолѣтнихъ обычаевъ, погрѣшена была. Сія вся исправляше и во единоголасіе вся потребности и чины церковнаго священноначалія сочетаста».

Въ этихъ послѣсловіяхъ сказались все тогдашніе приемы при исправленіи книгъ.— Прежде всего мы замѣчаемъ, что правительство не говоритъ громко о своей исправительной дѣятельности, упоминаетъ объ ней какъ-бы мимоходомъ; а если и ясно указываетъ на производимое имъ исправленіе—какъ въ послѣднемъ послѣсловіи: то тотчасъ же даетъ замѣтить, что оно исправляетъ ошибки, вкравшіяся «неисправленіемъ отъ пренесящихъ и многолѣтнихъ обычаевъ»; притомъ правительство ясно говоритъ, что это производится «по книгамъ харатейнымъ добрыхъ переводовъ древнихъ».—О сличеніи съ греческимъ подлинникомъ, съ греческими книгами не упоминается ни слова.

О томъ, какъ смѣтрѣли тогда у насъ на греческія книги и вообще на греческую Церковь, мы уже имѣли случай говорить ⁽¹⁾. Здѣсь

(1) Правосл. Обозр. 1861 г. полбрь. См. статью: «Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола въ русской Церкви».

считаемъ нелишнимъ привести взглядъ на греческія книги Филаретовскихъ справщиковъ, высказанный официально, слѣдов. въ довольно смягченномъ видѣ.—Въ преніи игумена Илиі съ Зизаніемъ мы читаемъ, что, когда вопросъ зашелъ о томъ, можно ли крестить младенца въ неосвященной водѣ, Зизаній сказалъ Илиѣ и товарищу его Григорію Онисимову, рѣшавшимъ этотъ вопросъ отрицательно: «у васъ де греческихъ правилъ нѣтъ. Мыж (Илія и Григорій) наки рѣхомъ ему: всѣхъ греческихъ *старыхъ* переводовъ добрыхъ правила у насъ есть. а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ неприемлемъ, потому что греки нынѣ живутъ в тѣснотахъ великихъ между невѣрными. И по свой ^х воля ^х печатати имъ книгъ своихъ неумѣтъ и для того вводятъ иныя вѣры впереводы греческаго языка что хотятъ и на ^м такихъ переводовъ греческаго языка ненадобны хотя что и есть ^х вни ^х отноваго обычая напечатано и мы тотъ новыи ввѣдъ неприемлемъ. І Лаврентей рече: то де и мы новыхъ переводовъ книгъ греческаго языка неприемлемъ же изгажены де по странамъ». Тогдашній взглядъ на греческую Церковь отразился и на переговоры самого п. Филарета съ п. Теофаномъ о словѣ *огнемъ* и требованіи отъ восточныхъ первосвятителей свидѣтельства по этому предмету изъ древнихъ ихъ книгъ;

отразился онъ и на посланіи александрійскаго патріарха Герасима, признавшаго нужнымъ прежде всего завѣрить русскихъ царя и патріарха, что у нихъ, на Востокѣ и въ Греціи, чины, уставы и каноны, преданные св. отцами и заповѣданные св. соборами, соблюдаются ненарушимо несмотря на иго невѣрныхъ.

Поэтому, если и предположить, вмѣстѣ съ г. Казанскимъ, на основаніи одного мѣста въ октоихъ, которое будто бы не могло быть исправлено иначе, какъ по греческому тексту, и на основаніи одного же мѣста изъ пренія Иліи съ Зизаніемъ о чтеніи въ молитвѣ Господней: да святится имя твое,—если предположить на основаніи этихъ двухъ мѣстъ, что справщики, при исправленіи книгъ во времена п. Филарета, пользовались греческимъ текстомъ: то утвердительно можно сказать, что къ нему прибѣгали они въ рѣдкихъ случаяхъ и пользовались текстомъ, принесеннымъ въ Россію до извѣстнаго м. Исидора. Вѣроятно же всего, сообразуясь съ господствовавшимъ тогда понятіемъ о своемъ русскомъ православіи и православіи греческомъ, можно положить, что справщики вовсе не заглядывали въ греческія книги, приготовляли къ изданію текстъ по однимъ старо-письменнымъ русскимъ книгамъ, отдавая предпочтеніе, въ затруднительныхъ случаяхъ, древнѣйшимъ или принадлежавшимъ

извѣстнымъ своему святостию, христіанскими подвигами, или ученостию лицамъ — Если же въ спорѣ съ Зизаніемъ игумень Ілія и Григорій Описимовъ ссылаются на греческія книги: то единственно по вызову самого Зизанія, потому что онъ хотѣлъ побѣдить ихъ этимъ оружіемъ. Даже на судьбѣ пр Діонисія и его сотрудниковъ мы видимъ вліяніе господствовавшихъ тогда попятій о греческихъ книгахъ. Мы замѣчаемъ, что особенно сильно пострадали тѣ лица, которыя ссылались въ оправданіе своихъ поправокъ на греческія книги, — пр. Діонисій и Арсеній Глухой; между тѣмъ Насѣдка, говорившій, что онъ не знаетъ, какъ извѣстное мѣсто молитвы читается въ греческихъ книгахъ, избѣжалъ заточенія. — Объ отношеніи самого патріарха Фларета къ греческимъ книгамъ и къ авторитету греческихъ первосвятителей въ дѣлѣ исключенія изъ богоявленской молитвы *и онемъ* мы уже знаемъ; а это отношеніе можно считать образцемъ, прототипомъ всѣхъ дальнѣйшихъ его отношеній къ этимъ книгамъ и авторитетамъ въ дѣлѣ исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ.

При такихъ пріемахъ, при такомъ характерѣ исправленія, не только нельзя было ожидать отъ него вѣрности и точности, но и можно было ожидать даже допущенія новыхъ

ошибокъ, канонизованія ложныхъ понятій.— Все исправленіе книги зависѣло отъ повѣрившаго ее справщика, отъ степени его образованности, отъ направленія его понятій. А что относительно образованности могла дать тогдашняя московская Русь, мы уже видѣли; въ какихъ понятіяхъ о греческой Церкви воспитывались тогдашніе книжники, также знаемъ. Въ тогдашнемъ образованномъ русскомъ обществѣ мы не видимъ даже ясныхъ, раздѣльныхъ понятій о предметахъ вѣры: проклиная Арія, многіе сами «простотою и невѣжествомъ» исповѣдывали аріанство; обрядность, церковность, признавалась тогда за догматику. Даже лучшіе люди не могли освободиться отъ окружающей ихъ среды понятій, возвыситься надъ ней: изъ за слова *оцемъ* въ молитвѣ возникаетъ серьезный богословскій споръ, въ которомъ,—какъ невольно бросается въ глаза при чтеніи сочиненій Насѣдки,—противники, ловко владѣя начитанностью, начитною схоластиккою, на основаніи какихъ нибудь маловажныхъ словъ, стараются представить другъ друга еретиками, всякой мелочи, даже пустоши, придаютъ догматическое значеніе.—Всякая книга, носившая на себѣ характеръ церковности, употреблявшаяся или просто дозволенная Церковію, признавалась божественнымъ писаніемъ,—понятіе, съ которымъ граничитъ богодухновенность, осо-

бенно для людей мало развитыхъ умственно, мало различающихъ отвлеченныя понятія.—**П. Филаретъ**, сколь ни былъ остороженъ, осмотрителенъ, сколь строго ни смотрѣлъ за печатаніемъ книгъ и ихъ исправленіемъ, но, какъ сынъ своего вѣка, стоявшій не выше его по образованію, не могъ не допустить ошибокъ.— Самая важная была—именно признаніе богослужебныхъ книгъ богодухновенными. Вотъ на прим. что мы читаемъ въ послѣсловіяхъ книгъ, изданныхъ при п. Филаретѣ и просматриванныхъ имъ самимъ: «начата бысть печатати сія богодухновенная книга мѣсяць августъ (т. е. минея)» и проч, или: «богодухновенная книга уставъ, сирѣчь церковное око» и проч. Такіе отзывы о книгахъ, помѣщенные въ нихъ самихъ, утвержденные именемъ патріарха, просматривавшаго всю книгу,—слѣдов. и послѣловіе,—патріарха московскаго, на котораго тогдашняя Русь смотрѣла какъ на единственнаго представителя и хранителя древне-истиннаго православія и благочестія,—такъ такіе отзывы, говоримъ, были равносильны, въ понятіяхъ тогдашней Руси, канонизаціи этихъ книгъ, внесенію ихъ въ кодексъ свящ. Писанія. И это понятіе богодухновенности распространялось тогда на послѣднюю букву книгъ, которая служила,—говоря нынѣшнимъ языкомъ,—символомъ, формой пра-

вославія, притомъ формой столь же непреложно-истиной, какъ и самое православіе, не подлежащей уже ни малѣйшему измѣненію, такъ какъ форма эта, буква, утверждена была святѣйшимъ патріархомъ московскимъ, единственнымъ истинно-древне-православнымъ патріархомъ. Только одинъ этотъ патріархъ еще могъ «безъ грѣха замарать хотя и въ печатной книгѣ слогъ венстинной и вмѣсто него поставить истинной», какъ выразился Насѣдка.— Мы видѣли, что патріархъ дѣйствительно маралъ слогъ,—такъ приказалъ замарать *и огнемъ*. Мало этого: мы знаемъ даже, что п. Филаретъ жегъ неправильно напечатанныя книги. Вотъ что пишетъ по этому случаю новгородскій митрополитъ Кипріанъ игумену Архангельскаго монастыря Варсонофію, въ Архангельскій городъ, съ братьею: «въ нынѣшнемъ во 141 году, іюля въ 17 день великаго господина отца нашего и государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи въ грамотѣ писано ко мнѣ богомолцу его, чтобы мнѣ книги уставы печатныя, которые печатаны при государѣ царѣ и великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ всея Русіи, во 118 году, собравъ прислати къ нему великому господину отцу нашему и государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Русіи, къ Москвѣ, для того,

что тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троецкого Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго брата его Ермогена, патріарха московскаго и всея Русіи, и всего священнаго собору, и многія въ тѣхъ уставѣхъ статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданію, своимъ самоволствомъ; а собравъ тѣ книги указалъ великій господинъ отецъ нашъ и государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи сжечь» (1)...—На эту послѣднюю мѣру обыкновенно указываютъ какъ на прототипъ мѣры п. Никона, и это побуждаетъ насъ внимательнѣе всмотрѣться въ нее.

Вчитаемся снова, внимательнѣе, въ приведенный нами отрывокъ изъ грамоты новгородскаго владыки: что особеннаго мы замѣчаемъ въ ней; почему уставъ, печатанный въ 118 году, приказывается собрать и сжечь?—Прежде всего, «для того, что *тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троецкого Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго брата его Ермогена, патріарха московскаго и всея Русіи, и всего священнаго собору*».—Вотъ

(1) Акт. арх. эксп. т. III, № 228.

самая первая причина, побуждающая къ сожженію устава, и только затѣмъ говорится уже о неправильностяхъ въ немъ и говорится въ общихъ чертахъ.—Конечно, не по этой дѣйствительно причинѣ самъ патріархъ рѣшился сжечь уставъ Логина, а по другой, поставленной на второмъ планѣ: только въ глазахъ тогдашняго русскаго общества первая была уважительнѣе, ее было необходимѣе представить этому обществу. Безъ существованія этой причины, или вѣрнѣе—условія, п. Филаретъ, кажется, не рѣшился бы на такую крутую мѣру, на которую онъ рѣшался теперь. Вся его дѣятельность—осторожная, осмотрительная, избѣгающая столкновеній съ старинной и равносильными себѣ авторитетами, избѣгающая всего, что могло казаться народу скольнибудь подозрительнымъ, даже просто неприятнымъ, служить подтвержденіемъ нашей догадкѣ.—И догадка эта, по нашему мнѣнію, восходитъ на степень несомнѣнной истины, когда мы вспомнимъ всю исторію объ уничтоженіи *и огнемъ* въ молитвѣ богоявленскаго водоосвященія.—Здѣсь мы укажемъ только на грамату его сійскому игумену Іонѣ по этому случаю.—Въ ней онъ, не довольствуясь доказательствами древности, представленными восточными патріархами, старается подтвердить несправедливость прибавки *и огнемъ* русски-

ми книгами, указываетъ время происхожденія самой прибавки, потомъ повелѣваетъ вымарать эту прибавку изъ книгъ. Вотъ что пишетъ онъ о послѣднемъ: «И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ тотчасъ послашь отъ себя въ города, которые по нашему указу велѣно вѣдати тебѣ десятиною, въ Керроль да и на Мезени, да на Колмогоры, да къ Архангелскому городу, и во всю нашу патріаршу десятину, а велѣль изъ тѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ, и діякономъ, служебники свои и потребники, *которые печатаны при мнѣ*, привезти къ себѣ; а какъ привезутъ, и ты бѣ сее нашу грамоту предъ ними вычелъ, а четчи и въ тѣхъ служебникахъ и въ потребникахъ во всѣхъ то глаголаніе о прилогу «огня» замаралъ бы еси черниломъ кистью» и проч. Итакъ, п. Филаретъ приказывалъ замарать прилогъ *огня* только въ служебникахъ и требникахъ печатанныхъ *при немъ*, и не покушался на уничтоженіе этого прилога въ служебникахъ изданныхъ до него. Онъ являлся господиномъ и распорядителемъ только въ буквѣ *своихъ* книгъ, и не посягалъ на книги, освященные благословеніемъ его предшественниковъ. Отсюда мы заключаемъ, что онъ не хотѣлъ ровнять въ глазахъ народа власть и важность патріарха,

не хотѣлъ допустить мысли о томъ, что они могутъ погрѣшать даже въ исправленіи книжномъ, съ одной стороны; съ другой—онъ не хотѣлъ являться судьей дѣлъ, произведенныхъ равными ему по сану и положенію въ русской Церкви, свой авторитетъ поставлять выше ихъ авторитета, уже укоренившагося, признаннаго народомъ, слѣдовательно дорогаго ему, неприкосновеннаго въ народныхъ глазахъ; не хотѣлъ вступать съ этимъ авторитетомъ въ борьбу, которая большею частію для авторитетовъ живыхъ, слѣдовательно еще не укоренившихся, не окрѣпшихъ, бываетъ невыгодна, служить даже нерѣдко къ совершенному подрыву и ниспроверженію ихъ. А такая борьба особенно опасна была и бываетъ въ обществѣ (народѣ) русскомъ, приверженномъ ко всему старому и тѣмъ какъ-бы инстинктивно старающемся опереться на своей предшествовающей исторіи, не измѣнять ей, не измѣнять своему историческому народному характеру,—въ русскомъ народѣ, почти боготворящемъ отжившіе авторитеты, особенно авторитеты святителей.—Доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить вся исторія русскаго народа, можетъ служить и настоящее его состояніе и отношеніе къ старинѣ и новому.

Ко времени п. Никона русское общество мало измѣнилось со временъ п. Филарета, со-

стояніе книжнаго дѣла было почти то же—если не хуже, какое засталъ Филаретъ. А такъ ли дѣйствовалъ п. Никонъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ, какъ дѣйствовалъ п. Филаретъ Никитичъ? такой ли характеръ и такое ли направленіе далъ онъ своему великому дѣлу?—Вотъ вопросы, которые рождаются при сравненіи исправительной дѣятельности этихъ двухъ патріарховъ, при взглядѣ на послѣдствіе никоновскаго исправленія—расколъ,—вопросы, требующіе обстоятельнаго и полнаго рѣшенія, на которое нужно будетъ много времени и труда, и которое выходитъ уже за предѣлы настоящей статьи.

ТАЛАНТЫ.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА.

(Мат. 25, 14—30).

—

Смыслъ этой притчи уже достаточно опредѣленъ мѣстомъ, занимаемымъ ею въ евангеліи. Она находится между притчею о дѣвахъ, которою начинается глава, и описаніемъ послѣдняго суда, которымъ она оканчивается. Но подъ этими тремя различными образами легко узнать одну и ту же главную идею, которая проникаетъ собою послѣднія увѣщанія Иисуса Христа, именно: необходимость бдѣніемъ и трудомъ приготовиться къ великому дню вѣчнаго возмездія.

Но эта истина вездѣ, быть можетъ, не изложена такъ ясно и такъ полно, какъ въ притчѣ о талантахъ. Форма ея, заимствованная изъ промышленнаго міра, нимало не вредитъ

ея ясности, и урокъ, скрытый подъ этими фамильными образами, интересуеть всѣхъ насъ, какъ и первыхъ учениковъ, представленнымъ въ ней отношеніемъ Бога къ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ всегда есть отецъ семейства, всѣ мы—Его рабы; слѣдовательно мы всѣ и всегда отвѣтственны передъ Нимъ за таланты, полученные нами отъ Него, то есть, за наши блага, за наши способности, за наше время, за нашу жизнь; наконецъ всѣ мы имѣемъ задачею земной жизни возрастить и умножить эти таланты подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, потерять часть ихъ, или лишиться ихъ всѣхъ и навсегда. Разсмотримъ послѣдовательно эти тѣсно связанныя одна съ другой идеи. Онѣ образуютъ какъ-бы основаніе притчи и будутъ служить планомъ нашего размышленія.

1. Мы рабы Бога, и мы можемъ или лучше, мы всѣ должны буквально примѣнить къ себѣ слѣдующія слова святаго Павла. *Аще живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господни есмь.* Это начало, которое ясно указываетъ евангеліе не только въ приведенномъ мѣстѣ, но и въ сотнѣ другихъ мѣстъ и даже въ цѣлой совокупности своего ученія, столь, впрочемъ, просто и само по себѣ очевидно, что серьезно никто не осмѣлится оспаривать его. Но кто заботится о немъ въ прак-

тикѣ? Кто думаетъ въ различныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ слагается повседневная жизнь, почитать себя единственно рабомъ Божиимъ? Кто, напротивъ, не считаетъ себя своимъ собственнымъ господиномъ, или кто не желаетъ сдѣлаться онымъ? Кто не говоритъ себѣ, или кто не желаетъ и не домогается права сказать себѣ: я господинъ моего богатства, моего времени, моей жизни, и если возможно, всего того, что составляетъ предметъ страстныхъ и суетныхъ желаній?—Вамъ извѣстно, что весь міръ говоритъ такимъ образомъ и дѣйствуетъ согласно съ этимъ языкомъ. Любовь независимости, любовь собственности—гордость житейская, какъ называетъ ее Библия, вотъ, какъ вамъ извѣстно, грѣхъ, господствующій со временъ Адама до нашихъ дней, грѣхъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, и никогда, быть можетъ, онъ не былъ болѣе всеобщимъ; никогда ветерпѣніе всякаго господства не обнаруживалось болѣе полно и болѣе искренно; никогда болѣе наивно не повторяли, хотя въ смыслѣ немного отличномъ, слѣдующихъ словъ евангелія, вложенныхъ въ уста іудеевъ: *иъслы рабы*. Никогда болѣе не забывали правъ Божіихъ, чтобы думать только о правахъ человѣческихъ. Вы называете себя вашими собственными господами? господами чего? Имѣете ли вы что

нибудь, чего вы не получили бы отъ Бога, и что, слѣдовательно, не напоминало бы вамъ о вашей зависимости? Имѣете ли вы чтонибудь, что вамъ собственно принадлежитъ и о чемъ вы истинно могли бы сказать: это мое? Принадлежитъ ли вамъ жизнь въ этомъ смыслѣ слова? Жизнь, которую вы получаете посредствомъ чуда не менѣе великаго, какъ и твореніе міра, и которую сохраняетъ вамъ постоянное чудо? Жизнь, этотъ чудный даръ, который заключаетъ въ себѣ всѣ другіе дары и котораго, если вы размыслите о немъ, достаточно одного, чтобы заставить васъ склонить голову предъ безусловнымъ владычествомъ Творца?—Принадлежитъ ли вамъ то, что называютъ естественными дарами, какъ то: умъ, воображеніе, талантъ, гевій и тому подобное, чѣмъ обыкновенно такъ гордятся? Но такъ какъ вы называете ихъ вашими собственными дарами,—не высказываете ли вы чрезъ это, что всякое достоинство ихъ, какъ и всякая слава ихъ, этимъ самымъ уже уничтожены, что они не составляютъ вашего собственнаго достоинства, что они могли бы съ такимъ же правомъ принадлежать другимъ, что они безъ всякой несправедливости могутъ быть отняты у васъ, однимъ словомъ, что они, потому самому, съ своей стороны обязываютъ васъ къ самой величайшей благодарности и къ самой прямой

зависимости? Принадлежитъ ли вамъ то, что называютъ дарами пріобрѣтенными, принадлежатъ ли вамъ богатство, образованіе, знанія, общественное положеніе и всѣ подобныя предметы? Но все это, предполагая, что вы пріобрѣли оное вашимъ трудомъ, не есть ли всегда слѣдствіе стеченія обстоятельствъ, независящихъ отъ васъ? Правда, вы трудились; но кто далъ вамъ и средства, и орудія, и благопріятныя обстоятельства, и успѣхъ, безъ которыхъ бесполезенъ всякій трудъ? Сколько людей, которые подобно вамъ трудились, даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ вы, и безъ всякихъ слѣдствій? Сколько драгоценныхъ зародышей, сколько блестящихъ способностей, сколько добрыхъ и святыхъ намѣреній, которыя не принесли никакого плода, только по недостатку поддержки и помощи, которыя вы, по одной чистой милости, нашли на вашемъ пути?—Итакъ, еще разъ, имѣете ли вы что нибудь, чего вы не получили бы и что не напоминало бы вамъ о томъ, что вы рабы? И самое имя раба не располагаетъ ли насъ любить и благословлять оное за то, что оно напоминаетъ намъ только о милостяхъ, что во все не имѣя цѣлю унижить насъ, оно возвышаетъ насъ, что вмѣсто того, чтобы быть оскорбленіемъ, оно есть нашъ вѣнецъ и наша слава? Есть ли, спрашиваю я, для бѣдныхъ

подобныхъ намъ созданій болѣе великое достоинство и болѣе великая слава, какъ слышать, подобно тому, какъ нѣкогда Киръ слышалъ изъ устъ пророка, слышать изъ устъ Того, кто дѣлаетъ изъ вѣтра своихъ ангеловъ и изъ огня своихъ посредниковъ: «ты мой рабъ возлюбленный, рабъ, котораго Я избралъ для того, чтобы ты свободно служилъ Мнѣ, свободно исполнялъ мои намѣренія»? Ахъ! горе тому, кто не чувствуетъ себя достойнымъ подобной зависимости! Горе тому, кто не пользуется своимъ славнымъ преимуществомъ и не находитъ себя всегда готовымъ сказать съ готовностію и радостію: «Господи, говори, рабъ твой слушаетъ; вотъ я, готовый исполнять твою волю»!

2. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы рабы Бога и такъ какъ намъ ничто собственно не принадлежитъ, то отсюда ясно слѣдуетъ, что мы должны пользоваться всѣмъ не по своей волѣ, но по волѣ Божіей, другими словами, что мы отвѣтственны за все то, что мы получили. Это столь очевидно, столь согласно не только съ постояннымъ ученіемъ Евангелія, но и съ самыми простыми понятіями естественной справедливости, что никто не подумаетъ серьезно оспаривать этого, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ и въ теоріи; но совершенно иначе въ практикѣ. Не отрицаю

этой ответственности, отъ нея уклоняются и тысячью способовъ уменьшаютъ ее; каждый ограничиваетъ ее предѣлами своего эгоизма; каждый довольствуется признавать ее въ известной мѣрѣ, не выходя за известные предѣлы, а когда онъ дѣлаетъ сколько добра, столько же и зла, онъ считаетъ себя правымъ предъ Богомъ. Но не такова ответственность по Евангелію; она есть полная, безусловная, всеобщая; она точно состоитъ въ слѣдующемъ: чтобы мы не жили для самихъ себя, какъ говоритъ св. Павелъ, но чтобы мы относили къ Богу и своимъ заслугамъ все то, что мы получили отъ Него; чтобы мы старались добровольно увеличить всѣ таланты, ввѣренные намъ на храненіе.

Какъ! Богъ, скажутъ, слѣдовательно господинъ скупой, господинъ, который одною рукою отнимаетъ то, что далъ другою? Его дары не *безъ раскаянія* и мы не уполномочены мирно наслаждаться Его благодѣяніями. Безъ сомнѣнія, и я благословляю за это Господа, всѣ дары, ввѣренные намъ, даны съ тѣмъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми, и вы ежечасно можете убѣдиться, что ответственность, о которой мы говоримъ, нисколько не препятствуетъ нашему счастью, напротивъ, она лучшая гарантія за него. Но если этимъ хотять сказать, что мы вольны служить Бо-

гу за Его дары столько, сколько кажется намъ нужнымъ, и только въ возмездіе за наши личныя наслажденія, то не найдется выраженій столь сильныхъ, чтобы разбить и заклеить это возмущающее душу мнѣніе, мнѣніе, не менѣе испровергающее достоинство человѣческое, сколько и уничтожающее безусловное владычество Бога. Какъ! Скажу я въ свою очередь, жизнь дана намъ только для наслажденій, и всѣ милости, оказанныя намъ Богомъ, всѣ преимущества, дарованныя намъ по чистой Его милости, имѣютъ конечною цѣлю только эгоизмъ? Но гдѣ вы нашли такое ученіе? Въ Евангеліи? въ совѣсти? въ законахъ общественныхъ? въ общественномъ мнѣніи? Нѣтъ, чтобы оправдать такую снисходительную нравственность, надобно увизитъ до существъ, вовсе не имѣющихъ ея, то есть до неразумныхъ животныхъ. Что говорю я! даже здѣсь, въ этомъ царствѣ неразумныхъ существъ, не находимъ ли мы правда слабаго, но все-таки замѣтнаго отраженія того великаго закона, который соединяетъ между собою всѣхъ тварей, чтобы влечь ихъ вмѣстѣ къ ихъ Творцу и къ ихъ общему Господину? Всѣ эти твари въ то самое время, какъ онѣ наслаждаются жизнью, полученною ими отъ Бога, и каждая своимъ способомъ, говорятъ, *коль блазъ Господь, не служатъ*

ли онъ, сами не зная того, въ рукахъ Провидѣнія орудіемъ для цѣлей высшихъ ихъ минутнаго существованія? И человѣкъ, единственное разумное существо въ этомъ мірѣ, человѣкъ, одаренный живою душою, созданный по образу своего Творца, не исполняетъ того закона, который онъ одинъ знаетъ, той воли, которую онъ одинъ можетъ понимать! и не довольствуясь пить изъ рѣки божественныхъ благодѣній болѣе всѣхъ другихъ существъ, онъ хотѣлъ бы, такъ сказать, засушить ее для всѣхъ другихъ и всецѣло поглотить ее въ себя самого! Ахъ! понимать такъ преимущества человѣчества, значить безчестить ихъ; пользоваться такъ милостями Бога, значить прикрывать ими развращеніе. Нѣтъ, нѣтъ, образумьтесь, не такова цѣль ни жизни, ни другихъ даровъ Провидѣнія. «Не необходимо, чтобы я жилъ, говорилъ одинъ царь, оставившій исторіи одно изъ величайшихъ именъ, но необходимо, чтобы я исполнилъ мой долгъ царя». Мы также можемъ и должны сказать себѣ: не необходимо, чтобы я былъ счастливъ, но необходимо, чтобы я исполнилъ мое человѣческое назначеніе, а мое назначеніе есть назначеніе раба, назначеніе, состоящее въ томъ, чтобы умножить ввѣренныя мнѣ таланты. Будьте, однако, спокойны, и не думайте, что бы эта отвѣтственность въ

чемъ нибудь вредила нашему истинному счастью. Богъ поступаетъ съ нами какъ благо-разумный и нѣжный отецъ, соразмѣряющій съ силами своихъ дѣтей свободу, которую онъ предоставляетъ имъ; онъ держитъ ихъ подъ своею опекою для того, чтобы гораздо вѣрнѣе и гораздо полнѣе сдѣлать ихъ счастливыми. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ эта зависимость отъ Бога благопріятна и спасительна для насъ! Какъ заставляеть она неравенства этого міра являться подъ формами самыми утѣшительными и самыми пріятными! Какъ она, если бы всегда и вездѣ признавалась, вырвала бы изъ среды людей всѣ сѣмена гордости, честолюбія, соперничества, ревности, т. е. изгнала бы всѣ скорби и бѣдность! Какъ вдохнула бы она въ насъ умѣренность, уваженіе къ другимъ, безопасность и довѣріе ко всѣмъ!—Неравенства этого міра! они зглядятся и исчезнутъ со всѣми порочными пожеланіями, питающими ихъ. Что нужды, въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ полученныхъ талантовъ, когда на всѣхъ лежитъ одинаковая отвѣтственность, когда всѣ должны стараться объ одномъ и томъ же, когда всѣмъ назначена одинаковая награда? Если я получилъ десять талантовъ, я, сохрани меня Боже, чтобы я видѣлъ въ этомъ побужденіе къ эгоизму и гордости, напротивъ, я увижу

въ этомъ побужденіе къ признательности, смиренію, величайшему бдѣнію, ибо отъ того, кто болѣе получилъ, болѣе и потребуется. Если я получилъ одинъ, если моя доля на землѣ низка, я не буду роптать на Того, кто сотворилъ меня, я не буду, вопреки Его воли, желать положенія болѣе высокаго; это не увеличитъ моего счастья, но только умножитъ мои заботы, а всякія заботы и всякое бремя особенно тяжки, когда онѣ не Имъ на насъ-паложены. Еще разъ, одинъ талантъ, или десять талантовъ, это неважно; не отъ этого зависитъ мое счастье. Мое счастье? оно не зависитъ отъ произвола моихъ страстей и моихъ капризовъ, и я отнынѣ свободенъ отъ всѣхъ тревожныхъ заботъ, происходящихъ изъ эгоизма, я свободенъ отъ заботы приобрѣтать, отъ заботы сохранять, отъ заботы приращать приобрѣтательное, даже свободенъ отъ заботы наслаждаться. Мое счастье въ рукахъ болѣе вѣрныхъ, въ рукахъ Господа, который заботится о немъ; у Него забота о моемъ счастьи, у меня забота быть добрымъ рабомъ; у меня одна забота, одно честолюбіе, одно дѣло, именно увеличеніе моего таланта, каковъ бы онъ ни былъ, чтобы нѣкогда услышать мнѣ: *добръ!*

5. Добръ! чувствуете ли вы, сколько мира и радости заключаетъ въ себѣ это простое сло-

во? Мы радуемся, когда слышимъ оное изъ устъ высшаго, отъ котораго зависить наша участь, или изъ устъ друга, уваженіе котораго для насъ дорого. Радуется дитя, когда оно получаетъ это свидѣтельство отъ отца и матери, горячо имъ любимыхъ. Радость же бываетъ невыразима, когда это самое свидѣтельство исходитъ изъ нашей собственной совѣсти. Что же слѣдовательно будетъ, когда оно выйдетъ изъ устъ Бога, изъ устъ Отца небеснаго, изъ устъ Того, въ комъ обитаетъ всякое могущество, всякое совершенство и всякая слава, изъ устъ Того, кто царствуетъ надъ вѣками вѣковъ и кому все повинуется какъ на землѣ, такъ и на небѣ! Богъ доволенъ нами! Богъ говоритъ намъ: добръ! Боже мой, чего лучшаго можемъ мы желать и надѣяться!

Но если вамъ нужно утвержденіе отвѣтственности, которую мы проповѣдуемъ вамъ, болѣе очевидное, то вотъ оно, съ одной стороны страшное, съ другой успокоивающее. Вотъ положительный приговоръ, произнесенный не только противъ невѣрнаго раба, но и противъ верадиваго и лѣниваго: *возмите отъ него талантъ, ибо отъ немущаго, и еже мнитсѣ имѣя, взято будетъ отъ него.* И вотъ награда трудолюбивому рабу: *ты о малъ быль еси въ ренъ, надъ многими ты поста-*

влю; ибо и муцему вездѣ дано будетъ, и преизбудетъ.

У того, кто не имѣеть, даже немногое, что онъ имѣеть, будетъ отнято. У того, кто расточилъ свой талантъ, у того, кто зарылъ его, то есть своимъ нерадѣніемъ и своею лѣнностію сдѣлалъ его бесполезнымъ, этотъ талантъ отнять. И этотъ приговоръ, какъ онъ ни казался бы намъ строгимъ, столь неизбѣженъ, столь твердо основанъ, такъ сказать, на правосудіи и на разумѣ, что отнынѣ онъ въ этомъ же самомъ мірѣ начинаетъ исполняться самымъ замѣтнымъ и самымъ поразительнымъ образомъ. Онъ, какъ извѣстно, исполняется даже надъ всѣми дарами внѣшними и наградами міра, въ которомъ богатство, могущество, слава почти всегда уменьшаются съ той поры, какъ перестаютъ возвращать ихъ. Но онъ особенно исполняется надъ духовными дарами.—Онъ исполняется на качествахъ разума; посмотрите, какъ они уменьшаются и остаются какъ-бы недоношенными, когда ихъ оставляютъ безъ воздѣлыванія!—Онъ исполняется надъ качествами сердца; посмотрите, какъ всѣ благородныя чувства притупляются, какъ изсякаетъ чувствительность, какъ сжимается и изсушается сердце подъ вліяніемъ эгоизма!—Онъ исполняется на внушеніяхъ совѣсти; посмотрите, какъ портится и ожесточается оо-

вѣсть, какъ дѣлается она глухою и нѣмою по мѣрѣ оказываемаго ей сопротивленія, по мѣрѣ усиленія въ ней наклонности къ пороку и грѣху!—Онъ исполняется наконецъ на самой душѣ, которая необходимо участвуетъ въ этомъ добровольномъ упадкѣ всѣхъ ея способностей. Да, этотъ высшій и самый цѣнный талантъ, заключающій въ себѣ всѣ другіе таланты, эта живая душа, созданная по образу Божию, можетъ уменьшаться и на самомъ дѣлѣ уменьшается, когда мы перестаемъ питать ее нищю, оживляющею ее: свидѣтель этого ослабленія силъ — растлѣніе, которое болѣе или менѣе испытали мы въ минуты невѣрія и грѣха! Свидѣтель—особенно поразительный примѣръ тѣхъ великихъ преступниковъ и тѣхъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ, для которыхъ, кажется, сама благодать не имѣетъ никакой цѣны: такъ изсыкли въ нихъ источники нравственной жизни! И кто укажетъ послѣднюю черту этого духовнаго упадка? Кто скажетъ, до какой степени можетъ упасть нравственное существо на этомъ пути поврежденія и обдѣннія духовныхъ силъ? Что касается до меня, я не осмѣливаюсь изслѣдовать его до конца, ибо усматриваю на послѣдней межѣ его ту кромѣшную тьму, о которой говоритъ Евангеліе, и ту вторую смерть, ту вѣчную смерть, то отчужденіе отъ Бога, то

есть отъ всякаго блага, ту тьму, которая, по справедливости, носитъ наименованіе преисподней.

Я хочу лучше остановить свою и вашу мысль на этой плѣнительной перспективѣ добраго раба: поелику ты *о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю*. Слышите, надъ многими! Когда вамъ говорятъ о наградахъ и удовольствіяхъ въ будущемъ, вы едва представляете ихъ, и это особенно потому, что вы слабо желаете ихъ. Вотъ самое простое средство помочь вашему воображенію. Увеличьте мысленно все тò, что этотъ міръ заключаетъ въ себѣ прекраснаго и добраго, все тò, что истинно возжелѣнно для человѣческой души, и вы, будете имѣть по крайней мѣрѣ, идею о блаженствѣ на небесахъ.—На землѣ радуются, радуются самою высшею и величайшею радостью, когда бываютъ въ состояніи отразить въ своемъ духѣ нѣкоторые лучи вѣчной истины, когда бываютъ въ состояніи едва прочесть нѣкоторыя страницы великой книги творенія, когда бываютъ въ состояніи пролетать нѣсколько словъ о таинствахъ и чудесахъ природы. О вы, которыхъ заставляетъ трепетать эта радость и которые умѣете вкушать ее въ духѣ благочестивой вѣрности, возрадуйтесь, ибо болѣе великій блескъ ожидаетъ васъ, ибо безчисленные

листы божественной книги будутъ открыты вамъ, ибо пути Божіи, теперь едва примѣчаемые вами, будутъ вполне разоблачены, ибо вы увидите нѣкогда лицомъ къ лицу и познаете, какъ вы познаны! На землѣ самая высшая и самая чистая радость есть радость сердца, открытаго для всѣхъ святыхъ чувствъ любви семейной, любви къ отечеству, открытаго для чувствъ милосердія, любви божественной. Любящіе и преданные сердца, возрадуйтесь, васъ ожидаютъ болѣе великія радости! Всѣ эти чувствованія, всѣ эти священныя и дорогія связи, все это блаженство любви, вы найдете все это, но болѣе увеличеннымъ и очищеннымъ въ небесной атмосферѣ, окружающей Того, кому имя есть любовь!—На землѣ самая искренняя и самая глубокая радость—радость безупречной совѣсти и радость души, которая ищетъ прежде всего царства Божія и его правды.—Души алчущія и жаждущія правды, возрадуйтесь, ибо вы насытитесь, ибо вы наслѣдуете царство лучшей правды въ тѣхъ новыхъ небесахъ и въ той новой землѣ, гдѣ не будетъ болѣе грѣха! И будетъ въ немъ избытокъ всего, избытокъ всего того, что на землѣ достойно удивленія и любви, всего того, что сильнѣе заставляетъ биться сердце и наполняетъ его истинною и прочною радостію; блаженство, величайшее всякой высоты небесъ и всякаго

продолженія вѣчности, вотъ награда, обѣщанная намъ, вотъ конечная цѣль всѣхъ испытаній и всѣхъ великихъ и малыхъ талантовъ, ввѣренныхъ намъ! *О малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю!*

Эта притча, какъ видите, обильна уроками прямого и всеобщаго примѣненія, и я не исчерпалъ ихъ настолько, насколько должно. Я могъ бы извлечь изъ нея еще много уроковъ; я могъ бы, на примѣръ, предпочтительно заняться разсмотрѣнiемъ нравственныхъ правдъ, изложенныхъ Иисусомъ Христомъ, чтобы разсѣчь въ самомъ корнѣ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ спорныхъ вопросовъ, я говорю о вопросѣ спасенія благодатию, или дѣлами. Изъ духа притчи видно, что спасенiе есть то и другое вмѣстѣ, есть благодать и дѣла: благодать потому, что всѣ средства, всѣ пособія, всѣ орудія спасенія и все остальное приходятъ къ намъ отъ Бога; дѣла потому, что всѣ дары Божіи безъ различія составляютъ часть тѣхъ талантовъ, которые нашъ трудъ долженъ умножить и возрастить. Всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ и съ твердою вѣрою удовлетворится такимъ объясненіемъ; по отношенію же къ другимъ мы, съ святымъ Павломъ, можемъ сказать: если кто нибудь любитъ спорить, то ни мы не любимъ этого,

ни церкви Божіи. Но надобно кончить и вкратцѣ повторить болѣе прямое примѣненіе.

Теперь вы знаете, каковы рабы, которые будутъ награждены, и чтобы узнать, таковы же ли вы, вы немедленно поспѣшите отчетомъ, который вамъ надобно будетъ сдѣлать и испытайте употребленіе, которое вы, до настоящей поры сдѣлали изъ даровъ Божіихъ. Этотъ страшный, но спасительный отчетъ сдѣлайте теперь, начавъ отчетомъ о талантахъ, ввѣренныхъ вамъ.—Вы помимо всѣхъ даровъ, общихъ вамъ со всѣми людьми, вы получили вдобавокъ значительное богатство и высокое общественное положеніе. Сколько могли вы съ этимъ сдѣлать для служенія Богу и ближнему, для преуспѣянія въ царствѣ истины и правды!—Вы, вы получили преимущество обширнаго воспитанія или блестящихъ талантовъ, и съ этимъ сколько могли вы сдѣлать! Какой свѣтъ заставить блистать предъ глазами людей, дабы славился небесный Отецъ!—Но къ чему останавливаться на вѣдшихъ отличіяхъ? Всѣ вы съ душою, способною знать Бога, получили Евангеліе, чтобы просвѣщать и освящать эту душу, получили время и жизнь, чтобы изучать и исполнять Евангеліе на дѣлѣ. И еще съ этимъ сколько можно сдѣлать! Сколько добрыхъ плодовъ должны принести эти сѣмена! Сколько добрыхъ дѣлъ, сколько добро-

дѣтелей, сколько успѣха въ пути, который ведетъ къ Богу!—Такъ ли у васъ? Увеличили ли и возрастили ли вы всѣ эти таланты? Были ли вы не только вѣрны, но ревностны, но дѣтельны, но неусыпны, подобно добрымъ и истиннымъ рабамъ? Мой Боже, Ты одинъ знаешь тѣхъ, которые на всѣ эти вопросы могутъ дать утвердительный отвѣтъ. Но если мы искренни, и если мы взглянемъ на себя очами твоей правды, то сколько талантовъ зарыто лѣнностію, когда еще они не были погублены невѣрностію! Сколько богатствъ потрачено на удовольствія и на удовлетвореніе эгоистическихъ пожеланій! Сколько блестящихъ способностей употреблено во зло и сгублено жалкими страстями! Сколько добрыхъ чувствъ заглушено въ самомъ зародышѣ! Сколько даровъ всякаго рода растрачено или испорчено и, слѣдовательно, потеряно для освященія, для блаженства, для спасенія!

Однако, они не всецѣло потеряны, потому что Ты еще не отнимаешь ихъ у насъ, потому что мы еще не вступили въ ночь, когда никто не можетъ дѣйствовать. Итакъ хоть разъ серьезно подвигнемъ себя на дѣйственное и глубокое покаянiе. Пусть необращенные обратятся, пусть невѣрные управители исправятся, пусть нерадивые и лѣнливые рабы пробудятся отъ своего сна, и пусть всѣ, удвоивъ дѣтель-

ность и бдѣніе, мы отнынѣ преуспѣваемъ отъ
вѣры въ вѣру и отъ силы въ силу, по твоему
слову, дабы нѣкогда быть въ состояніи
услышать эти слова вѣчнаго благослове-
нія: *добръ, рабе благій и вѣрный!* Гос-
подь доволенъ; види въ радость Господа
твоего.

НЕОБХОДИМОСТЬ БЛАГОДАТИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ ЦЕРКВИ, ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТИНЪ ВѢРЫ И ПОДДЕРЖАНІЯ ВЪ ЛЮДЯХЪ ЧИСТОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

—

Чистая и совершенная нравственность возможна только въ христіанствѣ: но то, на чемъ держится само христіанство, безъ чего оно было бы невозможно и о чемъ вовсе умалчиваютъ тѣ, которые не находятъ другаго основанія для нравственности, кромѣ самой природы, или одного разума человѣческаго,—это есть благодать, проповѣдуемая христіанствомъ и дарованная Церкви,—благодать, которою поддерживается добродѣтель и на которой утверждается само христіанство.

Благодать есть сверхъестественная помощь, дарованная Церкви и споспѣшествующая ей въ вѣрномъ сохраненіи сокровища богооткровенныхъ истинъ. Предвозвѣщенная и преданная сначала малому числу учениковъ, помощь эта одна можетъ объяснить намъ то

обстоятельство,—какимъ образомъ въ обществѣ человѣческомъ, при всей обширности и разнообразіи свободныхъ мыслей, могли сохраниться цѣлыми и остаться непоколебимыми истины христіанскія. Такое необычайное явленіе не есть ли уже само по себѣ достаточное и сильное доказательство того, что дѣло сохраненія этихъ истинъ есть дѣло Божественное, потому что люди сами собою никогда не могли бы удержаться въ этомъ единствѣ вѣры и убѣжденій, если бы въ нихъ не дѣйствовала сверхъестественная сила Божія, невидимо связующая ихъ въ одно благодатное общество, въ одну Христову Церковь?

Въ самомъ дѣлѣ, христіанамъ не довольно только знать истины христіанскія и имѣть о нихъ болѣе или менѣе обширное понятіе; тѣмъ болѣе недостаточно исповѣдывать внѣшнимъ образомъ общій символъ вѣры, или соединяться наружнымъ образомъ въ богослуженіи и общеніи съ своими пастырями; связи эти, дѣлающія ихъ членами тѣла Церкви, отнюдь не дѣлаютъ ихъ общниками въ ея духѣ и жизни. Для этого имъ нужна благодать, т. е. даръ чисто добровольный, даръ такой, по которому они свободно, безъ всякаго внутренняго принужденія и внѣшняго стѣсненія, соединялись бы между собою въ одно стройное общество, проникнутое однимъ духомъ жизни.

Писаніе никогда не говоритъ о дѣйствиі, о вліяніи Бога на душу, не подразумѣвая или не выражая въ тоже время прямо, что Онъ внутренно просвѣщаетъ и поддерживааетъ ее, что Онъ указываетъ ей истину и даетъ ей силу упражняться въ добродѣтели. Мысль эта, или лучше сказать,—обѣщаніе это есть господствующая мысль въ Писаніи, такъ что ее вездѣ можно встрѣтить тамъ, потому что она соединена вездѣ со всѣми другими христіанскими истинами. Христіанство вкратцѣ и притомъ всецѣло можетъ быть выражено въ обѣщаніи помощи высшей, даруемой слабому и невѣжественному человѣку. Это дѣйствительно—помощь, а не власть, не сила, воли которой была бы невольницею. Безъ нея человѣкъ былъ бы слишкомъ, слишкомъ слабъ; а съ нею онъ остается свободнымъ. Это есть направленіе, руководство, какъ-бы дѣйствіе наставника, движущаго неопытною рукою и научающаго ее чертить буквы. Воля воспитанника всегда остается свободною для того, чтобы оттолкнуть или воспринять это направленіе, это руководство. Это свѣтъ, для котораго мы можемъ закрыть глаза; но если мы захотимъ извлечь пользу изъ него, онъ послужитъ намъ къ тому, чтобы произвести вѣру въ нашихъ душахъ; онъ поможетъ намъ увидѣть нѣкоторыя истины, для разсмотрѣнія которыхъ свѣтъ

естественный самъ по себѣ недостаточенъ, потому что онъ вообще представляетъ намъ эти истины иногда какъ-бы покрытыми облакомъ недоразумѣнія, а иногда онъ вовсе бываетъ безсиленъ для разсмотрѣнія ихъ.

Такимъ образомъ благодать поддерживаетъ нашу волю, отнюдь не дѣлая ее въ тоже время своею невольницею.

Мы вѣруемъ въ благодать, потому что безъ нея все становится непонятно въ ученіи Церкви и ея учителей. Наши таинства, наше богослуженіе, наше упражненіе въ добродѣтеляхъ,—все то, что Евангеліе и православное ученіе представляютъ намъ всегда съ сверхъестественнымъ характеромъ,—все это, говоримъ, не имѣло бы для насъ ни смысла, ни цѣли. Если отнять благодать,—человѣкъ прерываетъ свою связь съ Богомъ, забываетъ свои отношенія къ Нему,—отношенія, въ которыхъ онъ становится неизбѣжною жертвою атеизма. Для чего молитва, возводящая человека къ небу, если не для того, чтобы чрезъ нее получить Божественную помощь или благодать? Какая надобность и въ очищеніи и въ жертвоприношеніи, если все это не будетъ имѣть цѣлю переменить гнѣвъ небесный на прощающую благодать, и ужасы безконечной правды предложить въ милосердіе?

Безъ благодати нѣтъ болѣе христіанства,

равно какъ и православія, а безъ того и другаго человѣкъ повергается въ безконечныя сомнѣнія, въ неизчислимыя заблужденія, неизбѣжно связанныя съ различными системами, порожденными древнимъ, или новѣйшимъ рационализмомъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно поразмыслить хорошенько о томъ, что христіанство всецѣло основывается на таинствѣ воплощенія, т. е. на благодати вѣчной и безконечной, которая необходимо отсюда предполагаетъ и множество другихъ даровъ, ра̀спространенныхъ на всѣ души, какія только были призваны къ неизсякаемому свѣту Евангелія, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Изъ всѣхъ другихъ даровъ мы избираемъ только одинъ, болѣе другихъ относящійся къ нашему предмету, т. е. мы будемъ говорить здѣсь лишь о дарѣ, производящемъ эту вѣру.

Зная, что одна только Церковь сохраняетъ истинное христіанство, равно какъ и то, что лишь одно христіанство можетъ сохранить и поддерживать истинны естественной религіи, мы постараемся теперь показать, въ какой мѣрѣ благодать необходима намъ для того, чтобы быть истинными чадами Церкви.

Чудную силу, великую тайну носить внутри себя христіанинъ, которую онъ до време-

ни рѣшительно не понимаетъ по своему невѣжеству. Богъ даетъ ему сердечное приготовленіе, которое на первыхъ порахъ бываетъ тѣмъ болѣе смѣшанно, неясно, сбивчиво, чѣмъ болѣе оно обще. Это—глухое, такъ сказать, и безотчетное чувствованіе, сознаніе нашего безсилія, неясное желаніе того, въ чемъ мы нуждаемся, чего недостаетъ у насъ; это—одна потребность искать выше себя того, чего мы часто напрасно ищемъ внутри себя самихъ; это—печаль о пустотѣ нашего сердца; это—голодь и жажда истины, искреннее, задушевное расположеніе къ тому, чтобы предполагать, что мы обманываемся, и въ тоже время вѣрить, что нуждаемся въ чрезвычайной помощи, чтобы не обманываться болѣе.

Таково первоначальное движеніе души, которую Богъ привлекаетъ къ себѣ. Онъ трогаетъ ее, прикасается къ ней, Онъ успокоиваетъ ее мало помалу. Въ этомъ чудесномъ дѣлѣ, Богъ нечувствительно для насъ управляетъ переходомъ отъ разума къ вѣрѣ. Разумъ, любящій самого себя болѣе всего, самъ собою начинаетъ понимать свое невѣжество, сердце чувствуетъ свою слабость и силу своихъ худыхъ и порочныхъ склонностей. Съ этихъ же поръ душа перестаетъ замѣчать и подыскивать что либо странное въ христіанскихъ таинствахъ, старается не развѣдывать

болѣ объ этомъ, и при такомъ настроеніи своемъ, мало помалу, нечувствительно привязывается къ нимъ; она любитъ ихъ, какъ источникъ добрыхъ и благочестивыхъ чувствованій, поддерживающихъ и животворящихъ ее; она жаляетъ ихъ, жаждетъ, какъ засохшая земля жаждетъ чистой воды, и радуется струямъ ея, когда онѣ орошаютъ и покрываютъ зелень и плоды. Если же душа съ одной стороны приготовлена и предрасположена къ вѣрѣ въ таинства, по мягкости, смиренію и покорности сердца, то съ другой, въ этихъ самыхъ расположеніяхъ ея нельзя не видѣть той спасительной настроенности, къ которой приводитъ ее самъ Богъ, и которая устремляетъ ее къ сверхъестественному, безконечному, Божественному. Благодать раскрываетъ, развиваетъ эту настроенность, это расположеніе, которое заставляетъ сердце беспокоиться до тѣхъ поръ, пока оно не обрѣтетъ Бога и не ощутитъ въ себѣ мира, который можетъ быть дарованъ ему только Богомъ.

Во время своей земной жизни, Иисусъ Христосъ говорилъ бѣдной женѣ Самарянкѣ, показывая на древній кладязь Іакова: «тотъ, который напьется изъ этого источника, еще будетъ жаждать воды, а тотъ кто почерпнетъ изъ источника, которымъ я орошу, не вжаждетъ во вѣки». Душа стремится къ вѣчности

дышетъ ею; таинства христіанства вводятъ насъ въ вѣчность и доставляютъ намъ во времени тихое, неясное чувствованіе невыразимой радости и неизреченнаго утѣшенія, которыя понятны вѣрному христіанину, и въ которыхъ выражается дѣйствіе живой воды, текущей отъ источника жизни—Господа Спасителя. Языкъ этотъ покажется новостію многимъ изъ насъ,—многимъ, которые готовы сказать намъ: вы защищаете и доказываете силу христіанскихъ таинствъ посредствомъ новой тайны, не менѣе непонятной и непостижимой.

Заблужденіе ваше, отвѣтимъ таковымъ, всегда состоитъ въ томъ, чтобы постичь сущность истинъ, сила которыхъ такъ ясно, такъ наглядно вамъ является. Вы не можете анализировать, какъ воду вашихъ рѣкъ, воду таинственную, о которой Господь говорилъ жевѣ Самарянкѣ. Но не достаточно ли для васъ знать то, что она уврачевала человѣчество? Кто не знаетъ состоянія человѣчества, его быта до пришествія Мессіи; кто не знаетъ его тогдашнихъ правовъ, обычаевъ, законовъ, его вѣрованій и его богослужебныхъ обрядовъ? Кто не знаетъ того, что съ того времени, какъ оно было погружено въ священную купель, оно получило лучшее свойство и направленіе? Мы хотимъ сказать, что въ сознаніи истинныхъ христіанъ—эгоизмъ, самолюбіе и раз-

вращеніе древнихъ временъ замѣнены чистыми, живыми понятіями и небесными добродѣтелями. Вы это знаете, вы можете знать еще и то, что души самыя благородныя, самыя усердныя и расположенныя къ служенію бѣднымъ, вспомошествованію несчастнымъ, въ дѣлѣ устроенія ихъ фамилій, семейства,—суть тѣ, которыя образованы и воспитаны подѣ непосредственнымъ вліяніемъ нашихъ таинствъ и нашей вѣры.

Откуда это происходитъ, что два лица, равно и одинаково понимающія ученіе и проповѣдываніе христіанское, такъ неодинаково, неравно воспроизводятъ его въ своихъ убѣжденіяхъ; отъ чего это зависитъ, что они такъ неодинаково, неравно и такъ различно заявляютъ его въ поведеніи своей жизни? Гдѣ скрывается источникъ того, что малообразованный часто такъ отличенъ, такъ превосходитъ по живости своей вѣры, по привязанности, которую онъ имѣетъ къ ней, по жертвамъ, которыя онъ ей приноситъ, по чистотѣ своихъ нравовъ и по совершенству своихъ произведеній? Небесный даръ и вѣрность сдѣлать его плодоснымъ, желаніе употреблять его въ пользу—вотъ единственные истолкователи этихъ различій. Если вы спросите насъ о путяхъ, столько различныхъ и столько чудныхъ, по которымъ сердца доходятъ до вѣры и при-

обрътають ее, мы отвѣтимъ на это слѣдующее: отнюдь не надобно спрашивать и изслѣдывать, какимъ путемъ человѣкъ можетъ приходиться съ своею первоначальною настроенностію къ вѣрѣ, съ своимъ первымъ расположеніемъ, которое такъ непримѣтно и такъ отдаленно;—не надобно допытываться, какъ онъ можетъ доходить до вѣры самой живой, самой чистой, самой совершенной; не надобно также разыскивать, особенно подробно, и о томъ, въ чемъ состоитъ это расположеніе, которое Богъ влагаеть въ насъ издали, такъ сказать, безъ нашего вѣдома—такъ, чтобы мы сами не замѣтили этого. Не затруднили ли бы и мы васъ, когда заставили бы послѣ долгаго времени изслѣдовать въ глубинѣ вашего сердца и разсмотрѣть всѣ первоначальныя мысли и расположенія вашего духа самыя отдаленныя, которыя незамѣтно, нечувствительно привели васъ къ нѣкоторымъ принципамъ честности, къ извѣстнымъ правиламъ мудрости, къ чувствамъ благочестія, отъ которыхъ вы, быть можетъ, были такъ далеки во время вашей молодости? Могли ли бы вы отыскать нынѣ всѣ окольные, скрытныя, всѣ незамѣтныя пути, по которымъ вы наконецъ достигли этой цѣли? Въ то время вы не паблюдали надъ самими собою и не занимались тѣмъ, что происходило внутри

вась,—какъ же можете теперь, спустя столько лѣтъ, вспомнить все то, что миновало, что ускользнуло отъ вась?

Каждый человекъ, который пренебрегаетъ и почитаетъ за ничто все добрыя расположенія, какія только Богъ влагаеть въ него, еще болѣе далеко отъ возможности вспомнить ихъ ясно и отчетливо. Вся его забота состояла въ томъ, чтобы оставить ихъ въ пренебреженіи, въ невѣдѣніи, забыть о нихъ, закрыть глаза изъ боязни увидѣть ихъ: какъ же хотите вы, чтобы онъ ихъ собралъ, соединилъ для того, чтобы обратитъ противъ себя же самого? Кромѣ Бога никого нѣтъ, кто бы могъ снова вложить ихъ въ сознаніе въ ихъ порядкѣ и послѣдовательности, чтобы убѣдить каждаго человека во всемъ томъ, что онъ могъ и не хотѣлъ знать для своего благосостоянія и спасенія. Еще менѣе можно выяснитъ какими либо обстоятельствами, подробными описаніями,—какъ пзвѣстная истина привела каждаго человека къ другой истинѣ позднѣйшей. Кромѣ одного Того, кто самъ установилъ этотъ порядокъ и это сщѣпленіе, рядъ даровъ благодатныхъ, нѣтъ никого, кто могъ бы выяснитъ Его планъ и все тайныя связи всехъ частей этого плана. Никакой человекъ не узнаеть никогда того, къ чему мало помалу можетъ привести сдѣланный имъ пер-

вый шагъ,—равно и того, какое имѣетъ значеніе одно извѣстное расположеніе его души для другихъ расположеній отдаленныхъ и неизвѣстныхъ. Въ самой сущности своей мы непроницаемы даже для себя самихъ;—сцѣпленіе это, эта связь такъ неудобопонятна, что трудно, если не совсѣмъ невозможно, ихъ разобрать, распознать во всѣхъ предметахъ самыхъ даже естественныхъ и имѣющихъ самое близкое отношеніе къ жизни; потому отнюдь непозволительно желаніе подробно распытывать относительно того, что касается дѣйствій благодати самыхъ внутреннихъ, самыхъ таинственныхъ. Все, что только можно сказать объ этомъ предметѣ, состоитъ въ томъ, что верховный Владыка сердець человѣческихъ имѣетъ возможность и средства для внушенія, приуготовленія, убѣжденія, которыхъ духъ человѣческій не въ состояніи ни проникнуть, ни изслѣдовать во всемъ ихъ объемѣ.

Итакъ остановимся на томъ, что Богъ безконечно премудръ, безпредѣльно благъ, безконечно силенъ управлять и руководить нашею волею безъ всякаго для ней насилія и стѣсненія, что Онъ можетъ убѣдить каждого изъ насъ въ томъ, что одинъ только Онъ дасть намъ нужныя средства для постепеннаго достиженія истины и нашего спасенія. Безъ

сомнѣнія, не имѣя возможности разъяснить въ подробности этой истины, мы должны всецѣло вѣрить ей,—а этимъ-то, т. е. самою вѣрою мы обязаны одному Богу.

Тѣмъ не менѣе однакоже, посреди такихъ недоразумѣній относительно природы и существенныхъ свойствъ благодатныхъ даровъ, остается вѣрнымъ то, что эти дары существуютъ, что каждый изъ насъ чувствуетъ и ощущаетъ на себѣ ихъ вліяніе, что наша гордость почти всегда иссушаетъ источникъ оныхъ, что недовѣріе къ себѣ самимъ есть первый даръ благодати Божіей, подаваемый намъ для того, чтобы расположить насъ къ исканію высшаго свѣта и озаренія, соединеннаго съ любовію къ истинѣ, съ недовѣріемъ къ себѣ самимъ и съ полною увѣренностію найти желаемое, при содѣйствіи Существа высочайшаго. Кто ищетъ сего свѣта съ такимъ именно расположеніемъ души, тотъ ищетъ его искренно и благочестиво. Искать же его съ довѣріемъ къ себѣ самому, съ самонадѣянностію, не желая подчиняться при этомъ никакой сверхъестественной помощи, значитъ искать его нечестиво, съ надмѣннымъ предубѣжденіемъ въ свою собственную силу и могущество.

Человѣкъ долженъ обращаться къ Богу и просить Его благодатнаго содѣйствія со сми-

реніемъ и благоговѣйною молитвою; потому что онъ можетъ доходить до истины и добродѣтели лишь настолько, насколько благодать доводитъ его до нихъ и доводитъ тогда, когда онъ самъ научится быть смиреннымъ, когда навькнетъ благочестивой и покорной молитвѣ, которая одна заслуживаетъ быть выслушанною Отцомъ небеснымъ.

Богъ никогда и никому не отказываетъ въ этой необходимой для насъ благодати, т. е. познаніи чистой истины; Онъ даетъ ее, прибавимъ не потому, что бы человѣкъ имѣлъ на нее какія либо права,—иначе она и не была бы благодатию, но потому, что Онъ обѣтовалъ намъ ее, и потому еще, что Онъ всегда вѣрнѣе слову своему и своимъ обѣтованіямъ. Будемъ же съ своей стороны и мы вѣрны призывающему насъ къ себѣ Богу,—войдемъ въ живое сознаніе и глубокое чувство собственнаго нашего безсилія,—и это расположитъ нашъ духъ къ чистой и спасительной вѣрѣ въ истину христіанскаго ученія.

Въ свою очередь эти истины, сохраняемая и по возможности выясняемая Церковію, предупредятъ и предотвратятъ заблужденія разума, будутъ для него, такъ сказать, ярко освещеннымъ маякомъ, который прольетъ полный свѣтъ на всѣ наши вѣрованія, убѣжденія и понятія; не менѣе ощутительное

вліяніе будуть имѣть эти истины и на самую нашу жизнь.

Чтобы достигнуть этого источника драгоценнаго свѣта, мы необходимо должны прибѣгнуть къ молитвѣ и, съ нею обращаясь къ Богу, должны сказать съ глубокимъ и полнымъ чувствомъ сердца: Боже мой! я невѣжда, я немоцень, падаю подъ гнетомъ много-различныхъ пожеланій и вожелѣвій! Когда дѣло идетъ о познаніи Тебя, когда надлежитъ поразмыслить о твоёмъ законѣ, о твоихъ планахъ и намѣреніяхъ относительно чело-вѣчества,—мракъ охватываетъ мой умъ! Когда идетъ дѣло о любви къ Тебѣ,—земныя страсти отягощаютъ, сжимаютъ, давятъ мое сердце. Господи, просвѣти меня,—будь моею опорою, уврачуй мои раны, омой мои нечистоты, растопи ледяную кору сердца моего, воздвигни и укрѣпи скудное мое существо, пресмыкающееся и скорбное!

Пока душа не настроитъ себя такимъ образомъ, и не войдетъ въ тѣ чувства, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, она не можетъ начать дѣло своего возрожденія; она не имѣетъ да и не можетъ имѣть понятія о вещахъ Божественныхъ,—а тѣмъ не-мѣе возможно для нея наслажденіе этими вещами, равно какъ и извлеченіе изъ нихъ правилъ для своей жизни. Въ состояніи своего естественнаго омра-

ченія она обыкновенно бываетъ подвержена самой ужасной опасности и крайнему несчастью; находясь вдали отъ Бога, лишенная Его опоры и поддержки, она чувствуетъ, что свѣтъ исчезаетъ для нея; она теряетъ теплоту своей вѣры, свою силу. Въмѣсто того, чтобы возвышаться въ духовную область, она ниспадаетъ въ глубину самой себя; становится безсильной для пріобрѣтенія добродѣтелей, такъ сказать, умираетъ для нихъ, теряетъ возможность ощущенія и сознанія чистыхъ внушеній, ниспосылаемыхъ ей небомъ: самыя лучшія способности ея постепенно болѣе и болѣе теряютъ свою силу и плодоносность.

Въ этомъ состоитъ всецѣлое и полное паденіе чаловѣка! Подобно тому, какъ струя воды, текущая съ горной вершины, падаетъ на скалу и, разбиваясь объ нее въ дребезги, низвергается въ глубочайшую пропасть,—душа резонерствующая, умствующая, отпадаетъ отъ Бога, такъ сказать, разбивается о себя саму и ниспадаетъ въ нравственномъ отношеніи до самой послѣдней степени.

Христіанинъ можетъ,—особенно если онъ не обладаетъ огромнымъ знаніемъ лжеименнаго разума, и если онъ остается вѣренъ призывающему голосу благодати,—можетъ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ были святые, которыхъ торжественно прославляетъ и ублажаетъ св.

Церковь,—или же, если и не возвысится до такой чрезвычайной чести, можетъ, по крайней мѣрѣ, достигнуть такого состоянія нравственнаго, чтобы украшаться различными добродѣтелями, которыя составляютъ удѣлъ многихъ неизвѣстныхъ душъ, которыя представляютъ собою невыразимую сокровищницу чистѣйшихъ чувствованій, великодушнаго самопожертвованія, изобильной и плодотворной любви къ Богу и ближнимъ, которыя, наконецъ, служатъ освоеніемъ и источникомъ многихъ частныхъ прекрасныхъ дѣйствій, незамѣтныхъ для людей, но тѣмъ не менѣе однакожъ всегда извѣстныхъ Богу и Имъ однимъ благословляемыхъ,—дѣйствій, которыя случайно иногда открываются и, сдѣлавшись явными, возбуждаютъ удивленіе людей и вызываютъ ихъ на признательность и благодарность.

Если благодать ниспосылается нѣкоторымъ для того, чтобы одушевить ихъ сильную волю, оживотворить и поддержать могучій геній, то она доставляетъ имъ тогда такое удивительное и непонятное для насъ совершенство христіанской дѣятельности и разума, которое одинъ только Богъ можетъ дать человѣку, которому извѣстны все тайники души человѣческой и все сердечныя изгибы, и который одинъ можетъ управлять способ-

постями человека и привести ихъ въ совершенную гармонию. Смотри съ этой точки на дѣло, понятно становится существованіе Златоустовъ, Василіевъ великихъ, Амвросіевъ, Августиновъ и другихъ великихъ дѣятелей церковныхъ, знаменитыхъ проповѣдниковъ и учителей, которые въ различныя эпохи были свѣтилами Церкви.

Впрочемъ для всѣхъ,—какъ для тѣхъ, которымъ дано парить за облаками, равно какъ и для тѣхъ, которые получили отъ природы ограниченную степень разума,—для всѣхъ, говоримъ, первый шагъ, который они должны сдѣлать на пути ко спасенію, состоитъ въ познаніи и признаніи верховнаго владычества Божія надъ нами, съ призваніи Его со смиреніемъ, надеждою и любовію. Подъ этимъ только условіемъ свѣтъ возсіяетъ предъ нашими очами. Положимъ, что одни не могутъ стать выше понятій самыхъ обыкновенныхъ, первоначальныхъ, другіе напротивъ достигаютъ до самыхъ высшихъ созерцаній и размышленій; но не смотря на это, всѣ могутъ быть способны къ воспріятію одной и той же вѣры, къ одному и тому же богослуженію, къ одинаковымъ надеждамъ и, наконецъ, къ одной вѣчной жизни въ Богѣ, обѣщанной избраннымъ на небѣ.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

Статья третія.

—

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ЯРОСЛАВА I.

(окончаніе)

Б. *Дѣла, подлежащія суду не только церковной, но гражданской власти, обозначаются въ уставѣ Ярослава двоякимъ образомъ: 1) выраженіемъ «и князь казнить», т. е. право суда и наказанія за извѣстныя преступленія принадлежитъ, между прочимъ, и князю, и 2) выраженіемъ: «епископу въ выкъ со княземъ на-полю» (по-поламъ, вмѣстѣ), или: «платямъ виру князю со владыкою на-полю». Дѣла перваго рода судились княземъ иногда отдѣльно отъ суда духовной власти, иногда вмѣстѣ; дѣла послѣдняго рода суть дѣла именно «суда общаго» или «смѣсваго», при которомъ судныя денежныя взысканія шли въ пользу обѣихъ судившихъ властей— гражданской и духовной.*

1. Къ *первому* роду дѣлъ принадлежатъ преступленія противъ личности ближняго, или дѣла о безчестіи, преступленія противъ святости власти родительской и зажигательство.

а) Постановленія о *преступленіяхъ противъ личности ближняго*, за исключеніемъ постановленія о постриженіи головы или бороды (ст. 52, всѣ касаются оскорбленій, наносимыхъ *лицамъ женскаго пола*. Въ частности эти постановленія касаются оскорбленій, нарушающихъ святость брачныхъ отношеній, чистоту нравовъ и общественный порядокъ. Таковы—

аа) *Оскорбленія гражданской чести*: а) побой чужой дочери или женѣ—дочери или женѣ великихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ или добрыхъ людей (почетныхъ гражданъ) и простой чади (поселянъ, стг. 3 и 45). Въ мирномъ договорѣ кн. Ярослава Владиміровича и новгородцевъ съ нѣмецкими послами 1199 г., говорится: «оже пошибаетъ мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривень ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гривень ветхыми кунами... оже съгренеть (собьетъ) чужее женѣ повой (повойникъ) с головы, или дщъри, явится простоволоса, 6 гривень старые (т. е. кунами) за соромъ». Въ соборномъ дѣяніи 1667 мая 28, къ предметамъ

перковнаго суда причисляется: «кто кого обезчеститъ, мужеска или женска полу, дерзнетъ рукою за тайные уды, или кто чью жену опростоволоситъ». Въ уставной двинской граматѣ великаго кн. Василя Димитріевича 1398 года: «кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синева будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безчестіе, такожь и слузѣ» (1). β) Постриженіе кому либо головы или бороды (ст. 32). Въ Русской Правдѣ, ст. 134, назначается продажа за вырванный клочъ бороды: «аще кто порветъ бороду, а выиметь знаменье, а выльзуть людье (явятся свидѣтели-очевидцы, видоки), то 12 гривенъ продаже, аже безъ людій, а въ поклепѣ, то нѣту продажи» (2). Остриженіе головы почиталось величайшимъ безчестіемъ. Въ судебникѣ царя Константина назначается за святотатство, между прочимъ, остриженіе: «аже въбуду олтаря въ церкви възметъ: да тепеться и стрижется и отъ земля слеться, яко нечистъ» (3).

бб) *Оскорбленія чести супружеской*: α) обоганіе безчестною великобоярской жены (ст. 28). Сп. Русск. Правд. ст. 50: «за беществ-

(1) А. Э. т. IV. № 155. т. I. № 13.

(2) *Калачов*. Извѣд. о Русск. Правд. 1. с. 134.

(3) Русск. дост. ч. 2. сс. 169—170.

ную гривну золота; аще(ли) будетъ баба была въ золотѣ и мати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аще будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота: взяти ему гривна серебра, а за гривну серебра полъосми гривенъ» (1). β) Безпричинное и своевольное расторженіе мужемъ брака съ своею женою—ведикимъ или меньшимъ бояриномъ, добрымъ (или нарочитымъ) человекомъ и поселяниномъ (ст. 4). γ) Невѣрность мужа своей женѣ (первая половина 8-ой статьи).

вв) *Оскорбленіе чести дѣвичьеской*: α) похищеніе дѣвицъ боярскихъ, городскихъ и сельскихъ, и насиліе ихъ цѣломудрію (ст. 9). См. объ «умычѣ» въ статьѣ объ уставѣ св. Владиміра. Въ судебникѣ царя Константина статья о похищеніи дѣвицъ, читающаяся во древнѣйшимъ спискамъ: «иже увоситъ дѣвицю, то да текутся (бьются) уносци («умычници» Яросл. устава) въ триста» (подразум. каланомъ, ударовъ, ранъ), по позднѣйшимъ спискамъ является въ слѣдующемъ видѣ: «прложивыйся (насильствовавшій) дѣвицѣ дѣвою (т. е. невѣнчанной), въ пустѣ ибѣгѣ вудимъ, идѣже не могій будетъ кто помощи ей, да продастся, а

(1) *Калачов*, о Русск. Правд. 1. с. 97. См. выше прим. 2 на с. 30 (въ сентлбр. книжкѣ).

ниѣніе его да дается дѣвицѣ все за соромъ» (1). Если одинъ ударъ приравнявался гривнѣ (2), то 300 ударовъ будутъ равны 300 гривнамъ нуль или пяти гривнамъ золота, назначаемымъ въ уставѣ Ярослава за похищеніе и насиліе великобоярской дочери.—Правило митрополита Іоанна II постановляетъ: «аще отрокѣвица на поли нужду пріиметь отъ нѣкогого, и востанеть и возопіеть, и не будетъ кто отъ бѣды и тли тоя избавляя, дѣва есть и по тли, занеже противися и возопи» (3). Въ сборникѣ церковно-каноническихъ статей, находящемся въ солов. кормч. 1493 г. (4): «аще жена мужатая, или дѣвица, или черноризница осквернися отъ нѣкогого мужа насиліемъ: да аще далече будетъ былъ отъ человѣкъ, то вину имать рещи яко насиліе есть сіи,—не бысть ту близу нѣгдѣ человѣка, да взоветь къ нему, и мало нѣчто заповѣди да дастся ей отъ отца духовнаго, противу какому будетъ: аще ли мужата, то малѣйши, аще ли чернори-

(1) Русск. дост. ч. 2. с. 155; Соф. врем. ч. 1. с. 134; солов. кормч. № 858. л. 590; печ. кормч. гл. 46. ст. 16. изд. 1653. л. 374.

(2) См. 3-ю книжку Православнаго Соборѣдника за текущій 1862 годъ, с. 199.

(3) Правило 27 по изд. преосв. Макарія въ Ист. Р. Ц. т. II. прим. 430. с. 350.

(4) № 858. л. 439 об.—440.

лица, то множайши; аще ли посреди людей, посреди домовъ людскихъ, будетъ вщель и наспльмъ таковѣй: то въскую не възва та жепа гласомъ велицѣмъ въ слышаніе нѣкымъ? тѣмже да повину отъ правила написанаго да створить въ покаяніи, сирѣчь елико достоинъ каятися таковое дѣло сѣтворше своею волею, то сіа же не волею своею пострада таковое, половину покаяніа онога да створить; есть же и написано въ кпизѣ сей (кормчей) таковое правило, и да смотряеть отецъ духовный». β) Приглашеніе дѣвицы обманомъ въ безчестный домъ и наглое оскорбленіе ея чести (ст. 7). Сп. Улож. ц. Алексѣя Михайловича гл. 22. ст. 25: «а будетъ кто мужескаго полу, или жепскаго, забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ, учнутъ дѣлати свады женками и дѣвками на блудное дѣло, а сыщется про то до-пряма: и имъ за такое беззаконное и скверное дѣло .учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ». γ) Оскорбленіе дѣвицы ея женихомъ (ославленіе ея, рѣзаніе про нее сыра, ст. 35-й вторая половнина). По сводѣ извѣстныхъ намъ чтеній 35 ст., она получаетъ такой видъ: «оже про дѣвку сыръ крайнъ будетъ, а не такъ счинятъ, аще боярьскій человекъ отнялъ или городской будетъ, за сыръ гривна 1, а за срамъ ей 5 гривны, а что истеряли, то ей заплатятъ, а святителю 6 гривенъ, а князь

казнить». Ясно, что рѣзаніе сыра про дѣвицу означало отнятіе у ней чести; издержки или истраты, о которыхъ здѣсь говорится, указываютъ на несостоявшуюся сватьбу. Рѣзаніе сыра производилось по случаю рожденій. «Аже се Роду и Рожаницѣ крають хлѣбы и сиры и медь?» спрашивалъ новгородскій іеромонахъ Кирикъ у епископа Нифонта; Нифонтъ «бороняше велми; нѣгдѣ, рече, молвить (сказано): горе пьющимъ Рожаницѣ» (1). Въ «словѣ св. Исаи пророка истолкованномъ Златоустомъ» (2) сказано: «вы же... ставяюще трапезу Роду и Рожаницамъ, взопіете въ болѣзни сердца вашего» и проч. По свидѣтельству Котошихина, тотъ, кто смотрѣлъ невѣсту и послѣ того отъ нея отказывался и хулилъ ее другимъ, подлежалъ, въ случаѣ жалобы о томъ отца или вообще родственниковъ невѣсты, суду патріарха и другихъ властей, «и по сыску патріархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тое невѣсту, велятъ жевити его на ней силою; а будетъ онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возмутъ безчестье, по указу» (гл. 13. ст. 14. с. 126). Статьѣ устава, разсматриваемой нами, въ су-

(1) Вопрошаніе Кирика 1150—1186 г., въ *Пам. XII в.* с. 179.

(2) До-монг. періода. изд. *Срезневскимъ* въ *Архивѣ Калачова*. кн. II. ч. 1. с. 100.

дѣвникъ царя Константина соотвѣтствуетъ слѣдующее постановленіе: «если кто тайно отъ родителей оболъститъ ихъ дочь дѣвицу, а послѣ они узнаютъ объ этомъ: то, если онъ захочетъ на ней жениться и ея родители будутъ на это согласны, пусть будетъ сватьба; если же не захочетъ, или родители ея не будутъ согласны: то, когда онъ богатъ, долженъ дать дѣвицѣ за срамъ 72 златницы (фунтъ золота), а когда не можетъ—полъ-имѣнія своего, а когда совсѣмъ бѣденъ—долженъ дать сколько можетъ и подвергнуться оземствованію (ссылкѣ); кромѣ того, ему назначается церковная епитимія—семилѣтній постъ» (1). Въ сборникѣ каноническихъ статей, находящемся въ указанной соловецкой рукописной кормчѣ, на л. 439 об., находится правило: «аще ли съ дѣвицею (согрѣшитъ кто) и не пойметъ ю жену, лѣтъ 9 (да покается), а поклонъ 300 (на каждый день), имѣнія же его да возмутъ отъ него и дадутъ е дѣвици; аще ли обручена будетъ была иному мужу, а той осквернитъ ю, то да дастъ ѿ въ велиціи церкви златницъ 24; аще ли тайно будетъ кто осквернилъ дѣвицю и не поразумѣется ничтоже о немъ: да по-

(1) Соф. врем. ч. 1. с. 133—134; Русск. дост. ч. 2. с. 153—155; кормч. соловецк. библ. № 858. л. 589 об.; печ. кормч. гл. 46. ст. 9. изд. 1653. л. 379.

кается лѣтъ 12, поклонъ 300, и се по разсуженію отца духовнаго».

б) *Побой родителямъ отъ ихъ сына* (ст. 44). «Волостельская казнь», назначаемая за побой родителямъ, есть казнь, которой подвергались волостели за нарушеніе своихъ обязанностей, а впоследствии воеводы, замѣнившіе волостелей ⁽¹⁾, т. е. казнь смертная. «Иже біеть отца своего, или мать свою», говорится въ 6-й ст. законовъ Моисеевыхъ, «смертію да умреть» ⁽²⁾. Въ судебникѣ царя Константина постановляется: «аще кому будетъ сынъ непокоривъ и губитель, не послушная рѣчи отца своего и матери, и кажутъ и не послушаетъ: и отецъ его и мати наведета его предъ врата градная и мѣста града того, и да рекуть людемъ града того, глаголюще: сынъ нашъ непокоривъ есть и губитель, не послушаетъ рѣчій нашихъ, вѣтуд и шляница, да побьютъ и камешемъ мужи града того, да умреть, да измутъ злое сами отъ себе, да

(1) А. Э. т. I. №№ 242. 243. т. IV. № 137; А. И. т. III. № 107; Доп. къ А. И. т. III. № 114; Полн. собр. зак. т. I. № 123; воевода является уже въ послании митр. Кипріяна къ преп. Сергію 1378 г., іюня 23, см. въ майской кн. Прав. Соб. за 1860 г.

(2) Печ. кормч. гл. 45. изд. 1653. с. 364; Русск. докт. ч. 2. с. 231; Исх. 21, 15; таже казнь и за злословіе родителямъ своимъ, стихъ 16; Лев. 22, 9. Бритч. 20, 20. Мате. 15, 4. Марк. 7, 10. св. Свѣд. гл. 3.

и друзіи, уарѣвше сіе, убоятся» (3). Сн. о томъ же въ уставѣ св. Владимира.

в) *Зажигательство* (зажженіе двора, или гумна, или чего другаго: ст. 12). Сн. Русск. Правд. ст. 73: «аже кто зажьжетъ гумно, то на потокъ и на разграбежь домъ его, а преди пагубу исплативше, а въ прочи князю поточити и. Такожде оже кто и дворъ зажьжетъ» (1).

2. Къ разряду преступленій (уголовныхъ), судившихся *общимъ судомъ* гражданской и духовной власти, принадлежать:

а) *Татьба* или воровство (краденіе мужемъ или женою конопли, льна и всякого жита: ст. 33, также бѣлья, полотень и т. п.: ст. 34), и въ особенности татьба съ *полчимъ* (ст. 1; сюда же можетъ быть, относятся выраженія ст. 35: «свадебное и изгородное»). Сн. опредѣленія касательно различныхъ видовъ воровства въ Русск. Правд. стт. 41—49, 72, 107.

(1) Соф. врем. ч. 1. с. 145; Русск. дост. ч. 2. сс. 190—191; солов. кормч. № 858. л. 598 об.; Второзак. 21, 18—21.

(2) Статьи Константинова судебника о зажигательствѣ и зажигателяхъ въ Соф. врем. ч. 1. сс. 134—135; Русск. дост. ч. 2. сс. 157—160; солов. кормч. № 858. лл. 590 об.—591; печ. кормч. гл. 46. стт. 15 и 16. изд. 1653. л. 374 об.; сн. Исх. 22, 6.

б) *Разбой* («бой, убійство»: ст. 35). Совѣщаніе духовной власти съ гражданскою по дѣламъ о разбояхъ встрѣчается, какъ мы видѣли уже, еще при св. Владимірѣ въ 996 году. О разбоѣ, не основанномъ на «свадѣ» (ссорѣ), см. въ Русск. Правд. ст. 71.

в) *Смертоубійство* или душегубство (стт. 1 и 35). Стт. о душегубствѣ въ Русск. Правд. 74—89. Татьба, разбой и душегубство, какъ видно изъ большей части жалованныхъ князьми монастырямъ грамотъ, судились и въ послѣдствіи почти всегда судомъ общимъ. Право исключительнаго суда по этимъ уголовнымъ преступленіямъ князья усвоили духовнымъ судьямъ весьма рѣдко.

В. Съ постановленіями касательно исчисленныхъ преступленій соединены въ уставѣ Ярослава опредѣленія самыхъ *взысканій и накізаній* за оныя, иногда въ общихъ выраженіяхъ—«митрополиту въ винѣ, князь казнить, за срамъ и въ казни по закону»,—но большею частію мѣра взысканія обозначается точнымъ образомъ, указаніемъ на количество денежной пени, которою преступники должны были оплачиваться предъ судящею властію, по древне-русскому обычаю формальныхъ наказаній, во избѣжаніе наказанія матеріальнаго. За преступленія, подлежащія суду одной духовной власти, назначена боль-

нею частью только пени (вира, продажа); но иногда съ пенею соединяется назначеніе церковной епитиміи, смотря по качеству преступленія (стт. 11, 13, 14, 18—20, 26); иногда говорится просто «митрополиту (или «епископу») въ винѣ и въ казни» (ст. 48, см. стт. 13, 15, 19). Выраженіе: «митрополиту въ винѣ» означаетъ, что митрополитъ имѣетъ право судить лицо и взysкивать съ него пеню, по своему усмотрѣнію; потому въ уставѣ иногда говорится, что виновный «митрополиту въ винѣ, во что его обрядитъ» (1), или «во что осудитъ, воленъ (ст. 45); вмѣсто «въ винѣ» говорится иногда «въ продажѣ» (ст. 9) (2); когда судъ митрополита не былъ соединенъ

(1) Ст. 53.—такъ въ позднѣйшихъ спискахъ устава Ярослава; между тѣмъ въ древнѣйшихъ, вмѣсто «во что обрядитъ», говорится положительно: «40 гривенъ»; см. выраженіе 133 статьи Русской Правды: «виноватый въ продажѣ, во что и обложить». —

(2) «Свитокъ Ярославль» 1499 г. выражается: «аще кто отъ сановитыхъ во блудѣ яви живеть, да престанеть отъ блуда и на зерно събернуетъ да дастъ вины 500 рублей грошей широкихъ». Тамъ же: «аще ли кто отъ людей простыхъ обратится живя во бранѣ беззаконношъ, сихъ виныскоу яи суду своему да казнить залогомъ (денежною пенею), елико возможно, или иною казнию, и отъ общаго сожитія ихъ розвести а ко нероуму браку ихъ причитати, поучивши ихъ, да живутъ въ покаяніи» (Акт. Зап. Росс. т. I. № 166. с. 191). Вм. «платять виру» въ одномъ спискѣ устава стоять: «платять вику».

съ взысканіемъ съ виновнаго пени, тогда говорится: «въ видѣ безъ урока» (ст. 44). Подъ выраженіемъ «митрополиту въ казни» разумѣется и денежное взысканіе (1), и епитимія (2), и тѣлесное наказаніе (3). Ино-

(1) См. предыдущее примѣчаніе. *Калачов. Исслѣд. о Русской Правдѣ. 1. с. 134.*

(2) Епитимія—вразумленіе церковное; потому «казнь» эта назначается за чисто-церковныя преступленія, каково напр. упомянутое въ ст. 48. Для этого-то церковнаго вразумленія, мы думаемъ, извѣстныя лица присуждаемы были по уставу Ярослава къ поступленію «въ домъ церковный». По догадкѣ *Дубенская*, поятіе въ домъ церковный людей, осужденныхъ на покаяніе, означало временное обращеніе ихъ въ монастырскіе холопы (Русск. дост. ч. 2. с. 213. прим. 110).

(3) Такъ какъ «казнь» митрополничьяго суда назначается въ уставѣ Ярослава иногда независимо отъ денежной пени и епитиміи, какъ напр. въ стт. 13 и 19. Въ стт. 36 и 39 позволено мужу, въ извѣстныхъ случаяхъ, казнить свою жену. Въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго кн. Петра Димитріевича Троицкому Сергіеву монастырю на рыбную и бобровую ловлю по рѣкѣ Ворѣ, 1423 г. авг. 4, говорится: «а черезъ сю мою грамоту, кто иметь де ту рыбу ловитъ, или бобровъ... и заовѣдм два рубли, а отъ меча быти ему въ казни» (А. Э. т. I. № 22); въ другой жалов. грам. подобное же взысканіе пени независимо отъ тѣлеснаго наказанія: «а приметъ ли кого (изъ людей, живущихъ въ отчинѣ давшаго грамоту князя) приказанъхъ архимандричъ (въ монастырское село для поселенія), ино его казнити, а правда.. съ архимандритомъ на-поды» (тамъ же № 34. г. 1437—1461). По церковному правилу митр. Іоанна II (правило 7-е), церковныя власти могли подвергать творящихъ волхвованія и чародѣянiя, въ слу-

гда тѣлесное наказаніе назначалось независимо отъ нени и епитиміи (стт. 13, 19). Лица, не могшія платить за себя пеню, брались въ домъ церковный (напр. въ монастырь) для покаянія; за нихъ платили ихъ родственники (стт. 5, 8, 9, 14, 15, 17, 25 и 44). Наконецъ за незаконное сожитіе вѣрнаго съ иновѣркою, не прекращенное церковными увѣщаніями, назначается не только пеня (12 гривенъ кунъ), но и отлученіе отъ Церкви (ст. 52; см. ст. 51). За преступленія, подлежащія суду церковной и гражданской власти вмѣстѣ, назначается въ уставѣ или только денежное взысканіе, шедшее въ пользу той и другой власти (какъ за татьбу, разбой и душегубство, стт. 53—55), или вмѣстѣ и казнь князя: «а князь казнить». Миѣнія нашихъ ученыхъ касательно значенія этого выраженія («а князь казнить») различны ⁽¹⁾, конечно по той причи-

чаѣ ихъ упорства, и *тѣлеснымъ наказаніемъ* (Св. уст. Яросл. ст. 39), *только не смертной казни*, что было бы несообразно съ духомъ вразумленія церковнаго: «иже волхвованія и чародѣянія творяща, *иже мужу, и жень* (мужъ ли то, или жена), словеса наказаніемъ показати и обратити отъ злыхъ; якожь отъ зла непреложни пребудуть, яро казниги на возвращеніе злу, но не до смерти убивати *ни обрѣзати* (не уродовать) *сихъ тѣлесе* (напр. носа), не бо приимаеть церковное наказаніе ученія (т. е. обычая или образа наказанія).

(1) *Розенкампфъ* (О корычей, изд. '1, прим. с. 206, выноска): «сіе часто повторенное положеніе

нѣ, что въ немъ каждый думалъ найти указаніе на одну опредѣленную «казнь», между тѣмъ какъ «казнь» эта, зависѣвшая отъ воли князя, была различна. Подъ «казнью» разумѣлось вообще наказаніе—и казнь смертная, и наказаніе тѣлесное, и слылка, и т. п.; митрополитъ Фотій, въ посланіи къ псковскимъ посадникамъ и духовенству 1427 г. сент. 25, позволивъ имъ вразумлять стригольниковъ «казнями», прибавляетъ: «только не смертными, но внѣшними казнями и заточеньми» (1); нѣ къ чему

(т. е. «князь казнитъ») значить, что преступленіе разсматривается въ *смысленномъ судѣ*, составленномъ гражданскими и свѣтскими (можетъ быть, духовными?) особами, наказаніе же опредѣлено было приговоромъ княжескаго намѣстника». По мнѣнію г. *Калачова* (о Русск. Пр. 1. с. 154), слова «князь казнитъ» означаютъ по-преимуществу взысканіе княземъ *денежной пени*. *Неволинъ* высказываетъ два мнѣнія, независимо одно отъ другаго: по первому, слова эти указываютъ на то, что, *сверхъ платежа пени*, виновный подвергался отъ князя *еще другому наказанію*, можетъ быть зависѣвшему отъ воли князя, можетъ быть опредѣлявшемуся на основаніи *тѣхъ самыхъ законовъ греческихъ царей*, которые подъ разными наименованіями входили въ составъ нашихъ древнихъ кормчихъ книгъ; по второму мнѣнію, слова эти означаютъ, что *церковная власть препроводила преступника къ мірской власти, если находила его заслуживающимъ уголовную казнь* (Поли. собр. соч. т. 6. сс. 301 и 363). Всѣ эти мнѣнія въ своей степеніи справедливы и не исключаютъ одно другаго.

(1) Акт. ист. т. I. № 34. с. 66. Сн. выше 7-е правило митр. Іоанна II.

было бы пояснять слово «казнь», если бы поднимъ разумѣлось опредѣленное какое нибудь наказаніе. Такъ точно и съ выраженіемъ «князь казнить» соединяются разныя значенія. Оно означаетъ а) то, что, въ случаѣ неплатежа виновнымъ пени духовно-судебной власти, онъ препровождается былъ къ князю для наказанія по усмотрѣнію послѣдняго: князь или доправлялъ на немъ положенную закономъ пеню, или подвергалъ его тѣлесному наказанію ⁽¹⁾, б) то, что преступленія, за которыя, между прочимъ, «князь казнилъ», судимы были общимъ судомъ духовной и гражданской властей, съ раздѣломъ судныхъ взысканій меж-

(1) За постриженіе другому головы или бороды (ст. 32) въ уставѣ назначается продажа, въ пользу духовной власти, 12 гривенъ; но также самая продажа, и за тоже дѣйствіе, назначается, въ пользу гражданской власти, въ Русской Правдѣ (ст. 134); слѣдовательно, предъ гражданскою ли властію судился преступникъ, или предъ духовною, онъ долженъ былъ платить одну и ту же пеню; а какъ въ уставѣ означенное дѣйствіе отнесено къ суду духовному, то выраженіе: «князь казнить», въ отношеніи къ этому дѣйствію, означаетъ не иное что, какъ взысканіе пени, не взысканной на духовномъ судѣ. Странно было бы думать, что въ церковномъ уставѣ своемъ Ярославъ могъ опредѣлить два наказанія за преступленіе, за которое въ Русской правдѣ опредѣлялъ только одно; еще страннѣе предполагать, чтобы за преступленія, менѣе тяжкія, чѣмъ татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство, которыя подвергали преступника только денежной пенѣ, дѣлившейся по-поламъ между судившими властями, на-

ду тою и другою по-поламъ (1); в) то, что, независимо отъ платежа пени, виновный подвер-

значалась не только денежная пеня, и притомъ большею частію двойная, но и казнь княжеская, если, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ о ней говорится, она производилась независимо отъ денежнаго взысканія, а не замѣняла оное. Коль скоро извѣстно, что денежные пени освобождали преступника отъ тѣлеснаго наказанія, то смыслъ выраженія «князь казнить», въ большей части случаевъ, есть тотъ, что князь подвергаетъ наказанію преступника, не наказаннаго пенею. См. выше приведенную статью судебника царя Константина о побояхъ священнику: «иже бѣеть попа, рука его да ся отсѣкаетъ; аще ли, да дастъ 12 златницъ» (преступникъ, не платящій денежной пени, подвергается тѣлесному наказанію).

(1) См. стт. 3 и 43: въ первой за побой чужой дочери или женѣ (дочери или женѣ простой чадн) назначается 12 гривенъ, а въ послѣдней 6, т. е. половина. За похищеніе дѣвицы (ст. 2) назначается пеня и казнь отъ князя, между тѣмъ какъ въ уст. гражд. Ростислава Мстиславича (Доп. къ А. И. т. I. № 4. г. 1150) за то же преступленіе назначается общій судъ съ раздѣломъ пени: «четвертая (тяжа епископла) уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ на-полы, или посадникъ что възметъ свои тяжи, то съ епископомъ на-полы». Наконецъ, выше мы показали, что преступленія, за которыя въ уставѣ назначается и пеня и казнь отъ князя, судимы были не только духовною, но и гражданскою властію, слѣдовательно общимъ судомъ. Это нужно, между прочимъ, имѣть въ виду при сужденіи о подсудности духовной власти предметовъ, о которыхъ говорится и въ церковныхъ княжескихъ уставахъ и вмѣстѣ въ Русской Правдѣ: такіе предметы подлежали суду не исключительно одной какой либо власти, духовной или гражданской, а суду общему.

гался еще тѣлесному наказанію отъ князя (1),— смотря по роду преступленія и по важности лицъ, которыхъ оно касалось.—Наконецъ за побои родителямъ отъ ихъ сына, послѣднему назначается въ уставѣ смертная казнь или отсѣченіе руки (ст. 44).

Въ назначеніи взысканій и наказаній за преступленія, судившіяся церковнымъ и церковно-гражданскимъ судомъ, выражается главное значеніе Ярославова устава въ отношеніи къ церковному праву древней Россіи вообще, и въ частности—въ отношеніи къ огражденію онаго отъ посторонняго вмѣшательства и нарушеній. Касательно денежныхъ взысканій

(2) Въ спискѣ Ярославова устава, находящемся, въ лѣтописцѣ Переславлѣ Суздальскаго, ст. 3, послѣ назначенія денежнаго взысканія за побои чужой дочери или женѣ, сказано: «а еще князь казнить». Сн. въ уст. Всеволода Мстиславича новг. Соф. собору 1125—1137 г.: «а скривится (о мѣрахъ и вѣсахъ),—а кому приказано (владыкою смотрѣть за ихъ вѣрностью), а того казнить блиско смерти а животь его на-трое: треть живота святѣй Софѣи, а другая треть святому Ивану, а третьяя треть сочвымъ и Новугороду». Также въ жалов. грам. тверскаго кн. Бориса Александровича и его брата-ничевъ Отрочью монастырю 1437—1461 г.: «кто порушитъ сю нашу милостыню. . и проклять будетъ въ си вѣкъ и въ будуще, а къ тому азъ князь великій велю его казнити торговою казнью, а себѣ возмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ на-полы, а взятое велимъ взяти втрое и съ проторы» (Ак. Эксп. т. I. № 34).

устава Ярославова за вышеизложенныя преступленія мы должны замѣтить слѣдующее. Преступленія эти двоякаго рода: одни были судимы гражданскимъ судомъ и прежде отчисленія ихъ къ суду церковному, другія совсѣмъ не были признаваемы дѣйствіями преступными, подлежащими суду и взысканію; первыми нарушаются и уставы Церкви или правила нравственности и вмѣстѣ гражданскій порядокъ и благоустройство: потому Ярославъ назначилъ за эти преступленія сугубое денежное взысканіе, а иногда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наказаніе тѣлесное; послѣднія суть преступленія собственно-церковныя, противныя вѣрѣ и уставамъ Церкви, и признаны преступленіями по введеніи христіанства въ Россію: за эти преступленія назначены въ уставѣ одиночныя денежныя пени въ пользу духовной власти, съ предоставленіемъ ей иногда наказывать преступниковъ и другими мѣрами, независимо отъ денежнаго взысканія. Назначеніе двойныхъ денежныхъ пеней за преступленія перваго рода объясняется тѣмъ, что гражданская власть смотрѣла на нихъ какъ на преступленія вдвойнѣ тяжкія, требовавшія особенно сильныхъ мѣръ къ ихъ предупрежденію и искорененію,—также тѣмъ, что въ Россіи существовалъ обычай вдвое и даже втрое взы-

скивать за известныя преступленія (1),—нако-
нецъ тѣмъ, что большая часть изъ нихъ ка-
салась оскорбленій личности, за которыя
взыскивалась съ виновнаго двойная пеня—су-
дебной власти и обиженному лицу,—или онъ
предавался на жертву частнаго мщенія. Въмѣстѣ
съ тѣмъ, назначеніе двойныхъ денежныхъ пе-
ней за церковно-гражданскія преступленія
опредѣляло границы участія гражданской вла-
сти въ церковно-судныхъ дѣлахъ древней
Россіи. Назначеніе денежныхъ пеней за цер-
ковныя преступленія имѣло цѣлю, независи-
мо отъ доставленія духовенству одного изъ
мѣстныхъ, сообразно съ обстоятельствами и
духомъ времени, источниковъ содержанія,
дать церковнымъ правиламъ значеніе юриди-
чески-обязательное, и церковной власти, какъ
представительницѣ вѣры, значеніе власти пол-
ноправной; созваніе важности церковныхъ

(1) См. выше. Сп. Полн. собр. соч. *Неволина*.
Спб. 1859. т. 6. сс. 301—303. Тяжкими денежными
пенями преступникъ искуплялся не только отъ тѣ-
леснаго наказанія, но и отъ рабства. Рабство было
или только временнымъ, впредь до уплаты числя-
щейся за виновнымъ пени (за должникомъ долга),
имѣ ли то самимъ или кѣмъ бы то ни было, или,
за отсутствіемъ всякой поруки за возможность упла-
ты, всегдашнимъ. См. *Днна* о наказ. суш. въ Россіи
до ц. Алексѣя Мих. Спб. 1848. сс. 41, 46, 49; *Ка-
лашовъ* о Р. П. т. I. сс. 107, 126; *Карамз.* т. III.
прим. 244.

преступлений въ новообращенномъ, грубомъ еще по своимъ понятіямъ и обычаямъ, народъ могло быть пробуждено первоначально именно только такими мѣрами, которыя ясно внушали бы ему о необходимости хранить церковныя правила наравнѣ съ узаконеніями гражданскими (1).

(1) Выписавъ нѣсколько статей изъ церковнаго правила митроп. Іоанна II, *Карамзикъ* (т. II. прим. 158) спрашиваетъ: «гдѣ жѣ пеня денежная, будто бы собираемая нашимъ древнимъ духовенствомъ съ прелюбодѣевъ, какъ означено въ мнимомъ церковномъ уставѣ князя Ярослава? епископы учили добродѣтели, а не корыстовались порокомъ, и наказаніе состояло единственно въ отлученіи отъ Церкви». Не только въ церковномъ правилѣ митр. Іоанна II, но и вообще въ духовныхъ древне-русскихъ сочиненіяхъ (не говоримъ о свѣтскихъ), такъ или иначе касающихся правъ церковной власти по суду, не говорится о взиманіи ею съ преступниковъ денежной пени, по той причинѣ, что назначеніе денежныхъ взысканій исключительно зависѣло отъ гражданского правительства, а духовенство только слѣдовало его распоряженіямъ: какимъ же образомъ, напр., епископъ Нифонтъ, на вопросъ іеромонаха Кирика: «а иже то распустилася малжена, и предъ тобою, владыко, тягавшеса, что тѣмъ опитѣмья?»—отвѣтилъ бы: взять съ мужа 12 гривенъ кунъ.. Напрасно и странно поголовное обвиненіе духовенства, будто оно корыстовалось порокомъ; за оскорбленія личности, по древне-русскимъ законамъ, платилась пеня виновнымъ и свѣтскому правительству и оскорбленному лицу: неужели должно заключить отсюда, что свѣтское правительство и частныя лица корыстовались оскорбленіями личности? Назначеніе денежныхъ взысканій за преступления есть характеристическая черта вообще нашего древняго законодательства, которую объясняетъ самъ Карам-

Постановленія относительно церковныхъ правъ въ уставѣ Ярослава, какъ и въ уставѣ св. Владиміра, ограждаются отъ нарушеній страхомъ наказанія и отлученія отъ Церкви; но въ уставѣ Ярослава это огражденіе гораздо выразительнѣе: «аще кто уставъ мой преступитъ и уставленіе мое порушитъ—или сынове мои, или внуцѣ мои, или правнуцѣ мои, или отъ рода моего кто, или отъ рода боярьскаго боярь моихъ, бояре или простыи люди, а порушаютъ моя ряды и уставленное мое, мною княземъ Ярославомъ, и вѣступятъ въ судъ митрополичъ, чѣдъ есмь далъ митрополиту и епископомъ церковныа суды: по правиломъ святыхъ отецъ судивше ихъ по коейждо вини, казнити ихъ по закону тяжцѣ; а кто иметь судити, станеть со мною на страшнѣмъ судѣ предъ Богомъ, и да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ 318, иже въ Никіи, и всѣхъ

звнѣ (т. II. с. 38. изд. 5-е), и если въ ней нѣтъ ничего страннаго, то нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что великій князь Ярославъ, по нуждамъ и духу времени, сообщилъ духовенству въ извѣстной мѣрѣ право взимать пени, и духовенству оставалось только принять это право и воспользоваться имъ, не изыначивая установившихся обычаевъ прежде времени и не оставляя такимъ образомъ преступленія ненаказанными. Съ другой стороны, мы знаемъ, на какіе расходы употребляла церковная власть свои доходы (см. нашу статью объ уставѣ св. Владиміра).

святыхъ». Судъ надъ нарушителями церковныхъ правъ производился, слѣдовательно, и церковною и гражданскою властію, и производился, какъ видно ихъ «правила св. отецъ о обидящихъ церкви Божія» (1), сообразно съ званіемъ и состояніемъ виновныхъ: сановитое лицо подлежало лишенію сана и власти и сверхъ того обязано было, какъ и всякій, насильственно присвоившій себѣ какое либо церковное стяжаніе, возвратить взятое отъ Церкви въ четверо; въ случаѣ насилія со стороны самихъ князей, они подлежали отлученію.

КИРИЛЪ МЫСОВСКІЙ.

(1) См. 12-ю книжку Православнаго Собесѣдника за прошлый 1861 годъ.

—

Примѣчанія отъ сочинителя.

1. Въ дополненіе къ сказанному нами о древнемъ правѣ отечественной Церкви пользоваться выморочными имуществами лицъ, состоявшихъ въ ея вѣдомствѣ (см. статью о церковномъ уставѣ в. кн. Владиміра святаго кн. 6. с. 163—164), полагаемъ неизлишнимъ замѣтить еще слѣдующее. Можетъ показаться, что въ выраженіи устава Владимірова: «митрополитъ или пискушъ

вѣдаетъ межи ими судъ, или обида, или котора, или вражда, или задница», послѣднее слово относится къ судному праву Церкви въ дѣлахъ по наслѣдству вообще. Но объ этомъ правѣ уставъ говоритъ въ особомъ мѣстѣ весьма опредѣлительными словами: «братья, или дѣти, или племя тяжутся о задвнци» или «о спорномъ наслѣдїи»; между тѣмъ въ вышеприведенномъ выраженїи говорится о правахъ Церкви по отношенїю къ лицамъ ея вѣдомства, и рѣчь о правѣ Церкви судить спеціально тяжѣбно-наслѣдственныя дѣла этихъ людей была бы здѣсь, какъ кажется, излишнею. Поэтому мы полагаемъ, что словами «или задница» обозначается право Церкви на выморочныя имущества или «беззадщины» лицъ ея вѣдомства. Извѣстно, что церковная власть принимала людей въ свое вѣдомство «съ рѣзанкою, и и съ шестьюдесять, съ вию и съ полчинымъ, и съ безатшинами»: см. напр. Акт. ист. I. 14 (прежде 1402).

2. Въ предыдущей статьѣ (объ уставѣ Владимира, кн. 6. с. 145—146) трактать о помѣрныхъ и вѣсовыхъ пошлинахъ, собиравшихся въ городахъ непосредственно церковною властію за ея наблюденїе надъ вѣрностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, ошибочно помѣщенъ подъ рубрикою десятинныхъ сборовъ: пошлины помѣрныя и вѣсовыя, находившіяся въ исключительномъ вѣдѣніи Церкви и собиравшіяся безраздѣльно въ ея пользу, не принадлежали къ видамъ десятинныхъ сборовъ и слѣд. должны быть разсматриваемы особо отъ десятинь и послѣ нихъ.

ЛЮБОВЬ БОЖІЯ ПРИВЛЕКАЕТСЯ МУДРОСТІЮ.

—

*Никогоже бо любитъ Богъ,
токмо сего, иже съ премуд-
ростію пребываетъ (Прем.
Сол. 7, 28).*

Воззрѣлъ нѣкогда Богъ съ высоты своего величія на сыновъ человѣческихъ, чтобы видѣть, есть ли между ними разумѣвающіе Его своимъ умомъ и взыскающіе Его сердцемъ, и нашелъ, что всѣ они уклонились отъ Него своими помышленіями, всѣ оставили Его своею душею, и потому стали негодными Ему и недостойными Его благоволенія и милости (Пс. 15, 2 — 3); — была такая несчастная пора всеобщаго помраченія въ исторіи человѣчества!

Если бы и теперь дано было намъ прозрѣть въ сердца людей, прощипнуть въ сокро-

венныя ихъ мысли и движенія духа: то какъ мало нашли бы мы такихъ, которые помнятъ Бога, думаютъ о Немъ, заботятся объ угожденіи Ему и своемъ къ Нему приближеніи! О чемъ же думаютъ большею частію сыны человѣческіе; что занимаетъ ихъ сердце; куда стремятся они своими желаніями? Душа ихъ заключена въ предѣлахъ вѣка настоящаго; сердце ихъ приковано къ землѣ; ихъ мысли и желанія скитаются по пространству міра видимаго— по разнымъ царствамъ природы; вся цѣль ихъ существованія состоитъ въ томъ, чтобы достигать тѣхъ вещей, въ которыхъ они видятъ или свою пользу, или удовольствіе.

Не оскудѣли однакоже между сынами человѣческими и дѣти Божіи. Среди необъятнаго множества сыновъ заблужденія, которые осуетились своими помышленіями, омрачились неразуміемъ своего сердца и растлились духомъ, остается въ неизвѣстности малая часть и такихъ людей, которые смотрятъ на предметы міра, какъ на средство къ достиженію высшихъ цѣлей человѣка; которые мыслятъ о Богѣ, о Его вѣчномъ царствѣ и безконечной любви. Имѣя въ виду сихъ людей, уважая ихъ высокія и святыя стремленія духа, мы останавливаемся своею мыслию на томъ, какъ и чѣмъ можетъ заслужить человѣкъ вѣчную любовь Божію; что требуется съ его стороны,

чтобы войти ему въ живой союзъ съ своимъ Творцемъ и Промыслителемъ и быть достойнымъ блаженнаго съ Нимъ общенія?

Отвѣтъ на этотъ великій вопросъ даетъ намъ сама любовь Божія. Она всѣмъ ищущимъ и вождѣлевающимъ ея указываетъ на премудрость, какъ на единственный путь и средство, которымъ они могутъ достигнуть того, чего ищутъ и желаютъ. *Никогоже бо любитъ Богъ, ꙗкоже сего, иже съ премудростію пребываетъ* (Прем. Сол. 7, 28).— Здѣсь представляются намъ для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: почему любитъ Богъ только тѣхъ, которые пребываютъ съ премудростію? Выполнимо ли для людей это условіе любви Божіей, т. е. для всѣхъ ли достижима эта премудрость? И если она достижима для всѣхъ людей: то почему не во всѣхъ она обрѣтается?

Во-первыхъ, почему любовь Божія останавливается единственно на тѣхъ, которые любятъ премудрость и съ нею пребываютъ?— Премудрость происходитъ отъ Бога и въ Немъ имѣетъ свое пребываніе. Самъ Богъ возлюбилъ ее и основалъ въ Себѣ. Въ ней открывается Его слава, полнота жизни и безконечное совершенство. *Пара бо есть силы Божія, и изліяніе Вседержителя славы чистое. Сіяніе есть свѣта присносущнаго и*

*зерцало непорочное Божія дѣйствія, и образъ благодѣтели Его (Прем. 7, 25—26). Чрезъ нее приведено изъ небытія въ бытіе все существующее. Премудростію Богъ основалъ землю и совершилъ небеса; ея смысломъ и чувствомъ разверзлись бездны и облака даютъ росу. Премудрость Божія говоритъ о себѣ такъ: *Господь создалъ начало путей своихъ въ дѣла своя: прежде вѣкъ основа мѧ, въ началѣ, прежде нежели землю сотворити, и прежде нежели бездны содѣлати, прежде нежели произыти источникомъ водъ, прежде нежели горамъ водрузитися, прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ мѧ. Егда готовяше небо, съ нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облака, и егда тверды полагаше источники поднебесныя, и егда полагаше морю предѣлы ея, да воды не мимо идутъ устъ ея, и крѣпки творяше основанія земли, бѣхъ при Немъ устроая: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Ея, егда веселяшеся, вселенную совершивъ, и веселяшеся о сынѣхъ человѣческихъ (Прит. 8, 22—31). Такъ об. если премудрость составляетъ славу, зиждительную силу творчества и всю полноту величія самого Бога: то тѣмъ болѣе она есть начало и корень всякаго***

добра и совершенства какъ во всѣхъ вообще созданіяхъ Божіихъ разумныхъ, такъ и въ людяхъ.—Только съ премудростію чело-вѣкъ является въ полномъ своемъ величіи и достоинствѣ; безъ нея онъ утрачиваетъ свое значеніе, и чѣмъ бы ни обладалъ онъ, ничто не послужитъ ему въ пользу. Будетъ ли онъ надѣленъ силами и крѣпостію тѣлесною: безъ мудрости онъ не можетъ распорядиться своими силами какъ должно, и ничѣмъ не будетъ отличаться отъ грубаго животнаго. Будетъ ли возвышаться надъ другими благообразіемъ и красотою: безъ мудрости онъ погубитъ и самую свою красоту, которая послужитъ ему поводомъ къ большому безумію и унынію. Будетъ ли онъ имѣть въ рукахъ своихъ сокровище и великое богатство: безъ мудрости не сбережетъ его и расточитъ напрасно. Будетъ ли славенъ знатностію рода и благородствомъ происхожденія: безъ мудрости обезчеститъ и самый свой высокій родъ. Такъ, *аще кто будетъ и совершенъ въ сынѣхъ чловѣческихъ, отсутствующей премудрости, ни во чтоже вльнётся* (Прем. 9, 6).—Съ премудростію напротивъ приходитъ къ чело-вѣку все; ибо она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ дары и сокровища. Она вразумляетъ души простыя, незлобивымъ даетъ коварство (т. е. опытность); отрочати же юну чувство и

смыслъ (Прит. 1, 4). Она наставляетъ чело-
вѣка на путь правый, поддерживаетъ на этомъ
пути шествіе его и сохраняетъ отъ всѣхъ золъ.
Нѣтъ ничего выше мудрости; она лучше серебра
и злата, драгоценнѣе камней многоцѣнныхъ
(Прит. 3, 14—15). Она благолѣпнѣе солнца и
паче всякаго расположевія звѣздъ, свѣту срав-
няема обрѣтается первая (Прем. 7, 29—30).
*Таибница бо есть Божія хитрости и обрѣ-
тательница дѣлъ Его. И аще богатство
есть возделънное притяжаніе въ животъ,
что мудрости богатѣе, еюже дѣлают-
ся вся; аще же разумъ дѣлаетъ, кто ея
отъ сущихъ лучшій есть художникъ;
и аще правду любитъ кто, труды ея
суть добродѣтели: цѣломудрію бо и разуму
учитъ, правдѣ и мужеству, ихъже потреб-
ныя ничтоже есть въ житіи челоукомъ.
Аще же и многого искусства желаетъ кто,
въсть древняя, и быти хотящая разсмотр-
яетъ: въсть извѣстія словесъ, и разрѣше-
нія гаданій, знаменія и чудеса проразумѣ-
ваетъ, и сбытія временъ и лѣтъ* (Прем. 8,
4—9). — Блаженъ поэтому челоукъ, который
нашелъ эту премудрость, и смертный, который
уразумѣлъ и постигъ ее! Отъ устъ ея исхо-
дитъ правда, законъ же и милость на языкѣ
носитъ. Пути ея добры и мирны; она есть
древо жизни для всѣхъ, держащихся ея, и

опирающимся на нее тверда, какъ самъ Богъ (Прит. 3, 13—18). И такъ, вотъ почему любить Богъ пребывающихъ съ премудростію. Онъ любитъ ихъ ради самой этой премудрости, которая есть рожденіе Его сущности, чистѣйшее изліяніе Его естества. Премудрость полагаетъ печать совершенства на всемъ, гдѣ является; безъ нея не на чемъ остановиться взору Божію въ человѣкѣ, и онъ ничѣмъ не можетъ привлечь къ себѣ Его любви!

Перейдемъ теперь къ другому вопросу: для всѣхъ ли достижима Божія премудрость? Удобноисполнимо ли это со стороны людей требованіе? — Если бы предоставлено было собственнымъ силамъ человѣка искать премудрости: то онъ никогда бы не достигъ ея и не открылъ пути къ ней. Хотя о ней говоритъ весь міръ, потому что Господь излилъ ее на вся дѣла своя: однакоже никто не можетъ вполнѣ уразумѣть ее и собрать въ одно цѣлое то, что по частямъ открываютъ о ней разные предметы вселенной. *Песка морскаго, и капли дождевыя, и дни вѣка кто изочтетъ? Высоту небесе, и широту земли, и бездну, и премудрость кто изслѣдитъ?* (Сир. 1, 2—9). *Не вѣсть человѣкъ пути ея, ниже обрѣтется въ человѣцѣхъ. Бездна рече: нѣсть во мнѣ; и море рече: нѣсть со мною. Утаися отъ всякаго человѣка и отъ*

*птицъ небесныхъ скрыся. Пагуба и смерть рекоста: слышахомъ ея славу (Иов. 28, 13—22).—Кто же возвѣстятъ людямъ объ этой премудрости; кто откроетъ имъ ея тайны?—Сама премудрость. Она низошла на землю, поселилась между сынами челоѣческими и указала мѣсто своего пребыванія среди ихъ. *Азъ, говоритъ она, изъ устъ Вышняго изыдохъ, и яко мла покрыхъ землю: Азъ на высокихъ вселихся и престолъ мой въ столпъ облачный: кругъ небесный обидохъ едина, и во глубинѣ бездны походихъ: волну морскую и всю землю, и вся люди и языкъ стяжахъ: со всѣми сими покоя взыкахъ и въ наслѣдїи чїемъ водворюся? Тогда заповѣда ми Создатель всѣхъ и рече: во Иаковѣ вселися, и во Израили наслѣдствуй. Въ скинии святыи предъ Нимъ послужихъ, и тако въ Сионѣ утвердихся: во градѣ возлюбленномъ препокои мя, и во Иерусамѣ власть моя: и укоренихся въ людехъ прославленныхъ, въ части Господни наслѣдіе Его (Спр. 24, 3—15).—Избравъ мѣсто своего впиталища во Израили, и утвердивъ свое пребываніе во Иаковѣ, премудрость всѣхъ призываетъ къ себѣ, и съ каждымъ бесѣдуетъ голосомъ нѣжнѣйшей любви и дружества. *Азъ, говоритъ она, любящїе мя люблю, ищущїе же мене обрящутъ благодать. (Прит.***

8, 17). Приступите ко мнѣ желающіе мене, и отъ плодовъ моихъ насытитесь; память бо моя сладка паче меда, и наследіе мое паче сота медвѣна. Идущи мнѣ еще възлчутъ, и пьющи мнѣ еще възлждутся: слушай мене не посрамится, и дѣлающіе у мене не согрѣшатъ (Спр. 24, 21—24). Услышите премудрость и уморитесь, и не отместите. Блаженъ мужъ, иже послушаетъ мене, и человекъ, иже пути моя сохранитъ, бдѣй при моихъ дверехъ присно, соблюдая праги моихъ входовъ: исходи бо мои, исходи живота (Прит. 8, 33—35). Сыне, моихъ законовъ не забывай, глаголы же моя да соблюдетъ твое сердце: долготу бо житія, и лѣта жизни и миръ приложатъ тебѣ. Сыне, да не преминеша, соблюди же мой совѣтъ и мысль: да жива будетъ душа твоя, и благодать будетъ на твоей вышн: будетъ же исцѣленіе плотемъ твоимъ, и уврачеваніе костемъ твоимъ. Да ходиши надѣясь въ миръ во всѣхъ путехъ твоихъ, нога же твоя не поткнется. Аще бо сядеши, безбоязненъ будеши, аще же поспиши, сладостно поспиши. И не убоишися страха нашедшаго, ниже устремленія нечестивыхъ находящаго: Господь бо будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ, и утвердитъ ногу твою, да не попо-

лзнешися (Прит. 3, 21—26). *Послушайте, дѣти, наказія отча, и вземлите разумѣти помышленіе. Даръ бо благій дарую вамъ: моего закона не оставляйте* (Прит. 4, 1—3). *Слыши, сыне, и приими моя словеса, и умножатся лѣта живота твоего, да ти будутъ мнози пути житія. Путемъ бо премудрости учу тя, наставляю же тебе на теченія правая. Аще бо ходиши, не запнутся стопы твоя: аще ли течеши, не утрудишися. Имися моего наказанія, не остави; но сохрани е въ жизнь твою* (Прит. 4, 10—13). *Трижды напиши себѣ (моя словеса) на совѣтъ и смыслъ и разумъ, на широтъ сердца твоего: учу бо тя истинному словеси, и разума благаго слушати* (Прит. 22, 21).—Послѣ сего никто не можетъ жаловаться на недоступность и сокровенность премудрости Божіей, когда она такъ откровенно и ясно возвѣщаетъ людямъ свою волю и наставленіе. Значить, мы за несомнѣнное должны принять то, что говорится о премудрости: *свѣтла и неувядаема есть премудрость, и удобно видится отъ любящихъ ю, и обрящется ищущимъ ю: предваряетъ желающимъ предувѣдितися. Утренневавый къ ней не утрудится: прискѣдную бо обрящеть при вратѣхъ своихъ. Яко достойныхъ ея сама обходитъ ищущи, и на стезяхъ показуется имъ благо-*

пріятно, и во всемъ провидѣніи срѣтаетъ ихъ (Прем. 6, 12—15).

Отселѣ самъ собою рѣшается и тотъ вопросъ: почему не всѣ люди находятъ премудрость, отчего не во многихъ обрѣтается она? Не всѣ находятъ высочайшую премудрость потому, что немногіе изъ людей имѣютъ искреннее желаніе знать ее и учиться ея наставленіямъ. Если бы каждый человекъ искренно желалъ принять мудрость: то никто не былъ бы лишень ея разума и тѣхъ благихъ даровъ, какіе она приноситъ съ собою. *Начало бо ея истиннѣйшее наказанія возжелнїе. Попеченіе же наказанія любви; любви же храненіе законовъ ея; храненіе же законовъ утверженіе нерастлѣчїя; нерастлѣчїе же творитъ близъ быти Бога: возжелнїе убо премудрости возводитъ къ царству вѣчному* (Прем. 6, 12—20).—Возжелѣвіе премудрости возводитъ къ царству вѣчному; но этого-то условія и недостаетъ въ сердцахъ многихъ людей! Почему недостаетъ, когда премудрость сама въ себѣ есть сокровище ни съ чѣмъ несравненное, и когда дарованія ея такъ велики и неисчислимы? Тутъ есть свои тайны человеческого сердца! Чистѣйшая премудрость Божїя, вселяясь въ душу человека, прежде всего раскрываетъ предъ нимъ естественное его безобразіе и не-

чистоту, обличаетъ пороки и несовершенства, указываетъ правила къ лучшей жизни и дѣятельности, и чтобы сильнѣе подѣйствовать на него, употребляетъ прещенія и угрозы, поражаетъ его своимъ страхомъ, тяготитъ и мучитъ его сердце; однимъ словомъ: она вначалѣ обходится съ своимъ питомцемъ строго и грозно,—притомъ невдругъ открываетъ ему свои тайны, веселящія душу и сердце. Это дѣлаетъ она съ одной стороны для того, чтобы очистить душу человѣка отъ примѣшавшейся къ ней нечистоты и приготовить ее въ достойный сосудъ себѣ,—съ другой для того, чтобы испытать его вѣрность и убѣдиться въ искренности расположенія его сердца.—Счастливъ, кто устоитъ въ этомъ испытаніи премудрости, перенесетъ строгость первоначальнаго ея обхожденія и не отступитъ отъ ея внушеній! Такой человѣкъ скоро почувствуетъ спасительные плоды мудрости и получитъ возделѣнное вознагражденіе за свои труды и печали. *Премудрость, говоритъ премудрый, стропотно ходитъ съ человѣкомъ во первыхъ; боязнь же и страхъ наведетъ на нь. Получитъ его въ наказаніи своемъ, бондеже въру иметъ души его и искуситъ его во оправданіихъ своихъ: и паки возвратитъся прямо къ нему и возвеселитъ его и открыетъ ему тайны свои* (Свр. 4, 17—

21).—Не всѣ расположены по внутреннему настроенію своего сердца принести эту жертву, какой требуетъ отъ человѣка премудрость; для многихъ требованія ея кажутся стѣснительными и тягостными. Что же дѣлаютъ въ этомъ случаѣ нерасположенные сердцемъ къ мудрости? Совсѣмъ оставляютъ внушенія ея, притворяются непонимающими ея смысла, а иногда открыто возстаютъ на нее своимъ разумомъ, усиливаются опровергнуть ее и представить, какъ безуміе. Отсель произошла та надмѣнная, измышленная собственнымъ разумомъ человѣческимъ мудрость, которая не покоряется разуму Божію, которая хочетъ ниспровергнуть мудрость высшую и стать на ея мѣсто. Чѣмъ же оканчивается такое противленіе со стороны людей премудрости Божіей? Какое выходитъ слѣдствіе изъ этой борьбы съ вею ихъ разума и самоизмышленной мудрости? *Погиблю премудрость премудрыхъ, говоритъ Господь, и разумъ разумныхъ отвергну (1 Кор. 1, 19). Се предложу вамъ моего дыханія реченіе, научу же васъ моему словеси. Понеже звахъ васъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посьмьюся, порадуясь же, егда приидетъ вамъ пагуба, и егда приидетъ на вы внезапно мятежъ, низращеніе же подобно бури при-*

детъ, или егда приидетъ вамъ печаль и градоразореніе, или егда найдетъ на вы пагуба. Будетъ бо, егда призовете мя, Азъ же не послушаю васъ: възыщутъ мене зліи, и не обряцутъ. Возненавидѣша бо премудрость, словесе же Господня не пріяша: ниже хотѣша внимати моимъ совѣтомъ, ругахуся же моимъ обличеніямъ. Тъмъ же спядятъ своихъ путей плоды, и своего нечестія насытятся (Прит. 1, 25—32). Таковъ конецъ уклоняющихся отъ мудрости Божіей и отвергающихъ ея совѣты! Отметая эти совѣты, человекъ думаетъ расширить пути своей жизни, возвыситъ свое счастье, утвердить свой миръ и блаженство; а того не примѣчаетъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ поставляетъ свой домъ при смерти и стопы свои направляетъ къ аду (Прит. 2, 18). Путь, которымъ идетъ онъ, не приводитъ къ жизни, и пока остается на немъ, является погибшимъ—совершенно умершимъ для другихъ собратій своихъ, водящихся духомъ праваго разума. Въ глазахъ ихъ онъ хуже мертвеца, который скончался только для жизни временной, потерялся для этого свѣта. *Надъ мертвымъ плачися, исчезе бо свѣтъ: и надъ буимъ плачися, исчезе бо разумъ. Сладчае плачися надъ мертвымъ, яко почилъ есть: буяго же лучше смерть, неже животъ золь.*

Стюваніе о мертвецѣ семь дней: о буюмъ же и нечестивомъ вся дни живота его (Сир. 22, 9—12).

Сколько поэтому представляется намъ побужденій любить мудрость и заниматься изученіемъ ея со всѣмъ расположеніемъ души, съ полнымъ участіемъ сердца! Мудрость сама по себѣ есть благо ни съ чѣмъ несравненное и все, въ себѣ содержащее. По одному этому мы должны цѣнить и уважать ее такъ, какъ цѣнилъ и уважалъ ее премудрый. *Предсудихъ ю, говоритъ онъ, паче скиптровъ и престоловъ, и богатство вмѣннихъ ни во чтоже къ сравненію тоя: ниже уподобихъ ея каменію драгоцѣнному, яко все злато предъ нею песокъ малый, и яко брение вмѣнится предъ нею сребро: паче здравія и красоты возлюбихъ ю, и предызбрахъ ю вмѣсто свѣта имѣти, яко неугасяемо есть блистаніе ея. Придоша же мнѣ благая вся закупъ съ нею и безчисленно богатство рукама ея: и возвеселихся о всѣхъ, яко ими владѣетъ премудрость (Прем. 7, 8—12).*—Затѣмъ любить мудрость должны мы по страху и опасенію тѣхъ послѣдствій, которымъ подвергаются оставляющіе ее. Кто оставляетъ мудрость, тотъ оставляетъ самого Бога, отпадаетъ отъ Его любви и навлекаетъ на себя Его осужденіе и гнѣвъ.

Сколько возжелѣнно быть въ любви Божіей, столько же ужасно лишиться ея и отпасть отъ ней! Потому-то говоритъ премудрость: *согрѣшающіи въ мя нечествуютъ на своя души, и ненавидящіи мя, любятъ смерть* (Прит. 8, 36)!

Опредѣленны и ясны слова премудрости, и для тѣхъ, которые внутренно расположены пребывать въ ней, они не требуютъ никакихъ изъясненій, или толкованій.—Что думаютъ при этомъ нечествующіе противъ этой мудрости? Они, по своему обыкновенію, или представляютъ непонимающими ея смысла, или же въ духѣ своего невѣрія не хотятъ признать за нею принадлежащаго ей свойства—происхожденія божественнаго, такъ чтобы въ словахъ ея видѣть слова Господа; почему съ дерзостію вопрошаютъ: *гдѣ есть слово Господне; да пріидетъ* (Иерем. 17, 13)? Отрицая обѣтованія и угрозы вѣчныхъ судовъ Божіихъ, они небоязненно выступаютъ противъ нихъ, и хотятъ убѣдиться въ ихъ истинности не прежде, какъ съ самымъ ихъ исполненіемъ; почему съ отважностію говорятъ: *скоро да приблизатся, яже сотворитъ, да видимъ, и да пріидетъ советъ Святаго Израилева, да разумьемъ* (Исаи 5, 19)!—Итакъ, вотъ чего недостаетъ этимъ людямъ для убѣжденія ихъ въ вѣрности словъ Господа—самаго совершенія

ихъ на дѣлѣ! Это значить, что они хотятъ сперва дождаться своей смерти и на опытѣ дознатъ свою гибель, чѣмъ угрожаетъ имъ глаголь Господень, а потомъ они согласны признать за истину то, что возвѣщаетъ имъ этотъ глаголь! Какъ вѣрно, поэтому, сказано о нихъ, что они нечествуютъ на свои души и любятъ свою смерть!

Дѣйствительно, если бы они не любили смерти: то не стали бы дожидаться ея, чтобы сойти съ пути погибельнаго, не спѣшили бы призывать на главу свою то, что по благодати Божіей, не хотящей смерти грѣшника, отсрочено до послѣдующаго времени и долготерпится, въ ожиданіи покаянія и обращенія заблуждающихъ. Если бы они не любили смерти: то могли бы убѣдиться въ истинности возвѣщаемаго Богомъ изъ примѣра другихъ нечестивцевъ и исторіи цѣлыхъ народовъ, которымъ задолго впередъ объявлялъ Господь страшную судьбу ихъ, и которая наконецъ исполнилась въ свое время со всею точностію предсказанія. Не говорилъ ли Господь заранѣе своему народу, тому самому возлюбленному Израилю, котораго Онъ избралъ въ достойніе свое для храненія своихъ заповѣдей, что этотъ народъ будетъ наслаждаться счастіемъ и благоденствовать только подъ условіемъ своей Ему вѣрности; а за измѣну Ему и отступленіе

отъ Его повелѣній и самъ будетъ оставленъ и преданъ на позоръ всему міру? *Оставится дщерь Сіоня, яко куца въ виноградъ, и яко овощное хранилище въ вертоградъ, яко градъ воюемый..... И аще хотите и послушаетъ Мене, благая земли спъсте: аще же не хотите, ниже послушаете мене, мечъ въ полстъ: уста бо Господня глаголаша сія..... И сокрушатся беззаконнии и грѣшницы вкупъ, и оставившіи Господа скончуются..... Будутъ бо яко теревинѣ отметнувшій листвія своя, яко виноградъ не имый воды. И будетъ крѣпость ихъ яко стебель изгребія и дѣланія ихъ яко искры огненныя, и сожгутся беззаконницы и грѣшницы вкупъ, и не будетъ угашаяй (Ис. 1, 8—31).* Не исполнилось ли это страшное предреченіе надъ народомъ, нѣкогда возлюбленнымъ, который содѣлался теперь живымъ урокомъ для всѣхъ, внимательныхъ къ словамъ Господа? Пусть читаютъ исторію и другихъ знаменитѣйшихъ народовъ древности, о которыхъ сохранились въ священныхъ книгахъ пророчества, каковы на примѣръ: вавилоняне, египтяне, тиряне, и повѣряютъ совершившіяся событія съ самыми о нихъ предсказаніями, вызванными несправедливостію, грабительствомъ, притѣсненіями и надмѣннымъ превознесеніемъ этихъ народовъ, забывшихъ Бога и въ своемъ ослѣпле-

нія дерзнувшихъ присвоить себѣ честь, принадлежащую Ему (Ис. главы: 13—14—19—23—24; Иезек. 17, 32—36. 28, 1—23). Велико было нечестіе упомянутыхъ нами народовъ: но какой ужасный постигъ ихъ и конецъ! Для людей, упорно противящихся премудрости Божіей, эти примѣры неубѣдительны,—и у нихъ, конечно, найдется на всѣ историческія событія свое толкованіе, почему надлежало совершиться то, или другое въ судьбѣ народовъ, независимо отъ предсказанія о нихъ слова Господня: нечего и толковать съ ними; потому что они твердо рѣшились не вѣрить симъ словамъ, пока сила ихъ не оправдается надъ ними самими. Они возлюбили смерть, избрали для себя пагубу: и придетъ имъ!

Для насъ важно въ этомъ случаѣ то, что какъ вѣрны слова Господа въ отношеніи къ нечестующимъ противъ Его премудрости, такъ истинны они и непреложны въ отношеніи къ тѣмъ, которые принимаютъ эту премудрость и пребываютъ въ ней. Эти люди привлекаютъ къ себѣ благовольтельный взоръ любви Божіей; они воспитываются и предназначаются для вѣчнаго царства, въ которомъ примутъ въ свое время свое наслѣдіе, если не измѣнятъ премудрости Божіей и не отпадутъ отъ нея къ противоположному образу мыслей.—Нельзя не порадоваться при этомъ отъ глубины души

тому, что человеку предоставлено достигать вѣчнаго царства Божія такимъ вѣрнымъ и легкимъ способомъ, который не представляетъ собою никакого затрудненія и тяжести, который вполне согласенъ съ его природою и примененъ къ его силамъ. Никого не обременяетъ Господь своими требованіями и не налагаетъ на насъ тяжести непосильной. Если же кто отказывается отъ исполненія того, чего Онъ требуетъ отъ насъ для любви своей: то въ этомъ только открывается нечестіе души, которая не расположена пребывать въ завітѣ съ своимъ Господомъ и не дорожить Его любовію.

Бываютъ минуты въ жизни, когда духъ нашъ ослабѣваетъ и упадаютъ его силы, при высотѣ нравственныхъ требованій, когда тяжелыя мысли ложатся на сердце, какъ густой туманъ, среди котораго готовъ погаснуть самый свѣтильничекъ нашей вѣры, освѣщающій и согревающій душу, когда вокругъ и внутри насъ становится темно и страшно, при сознаніи своего естественнаго немоществованія и нравственныхъ недостатковъ, когда мы сами произносимъ на себя полное осужденіе и какъ-бы не смѣемъ помышлять о любви къ намъ Божіей, чувствуемъ себя далекими отъ ней и сами не знаемъ, за что намъ взяться, или къ чему прибѣгнуть для поддержанія въ себѣ свѣтильника вѣры и благодатнаго упо-

ванія на милосердіе Божіе: въ эти-то тяжелыя минуты нужно намъ помнить, что мы, при всемъ своемъ правственномъ несовершенствѣ и внутреннемъ недостоинствѣ, еще не вовсе лишены основанія и залога любви Божіей, что у насъ еще сохраняется корень благочестія, когда стремимся духомъ къ своему Владыкѣ и Господу, удерживаемъ правыя о Немъ понятія, которымъ научены Его премудростию, и носимъ въ своемъ представленіи великій Его образъ. Нечестіе души, являющейся недостойною и непотребною предъ Богомъ, состоитъ въ томъ, когда она отрицаетъ Его премудрость, не ищетъ истиннаго разумѣнія о Немъ, перестаетъ стремиться къ Нему и не имѣетъ Его въ своихъ мысляхъ. Велико въ душѣ нашей значеніе чистой мысли и правильнаго представленія о Богѣ;—это есть крѣпкая связь души съ Богомъ. Велико дѣйствіе и Божіей премудрости, пребывающей внутри насъ! Эта премудрость, исходя отъ Бога, и являясь какъ сила, которою все устроено и приведено въ совершенство, что мы видимъ во кругъ себя (Прит. 8, 27—30), остается зиждительнымъ началомъ и въ душахъ, сохраняющихъ ее въ себѣ, творить и созидаетъ ихъ въ достойное вмѣстительство Божества, возводитъ ихъ къ совершенству, котораго требуетъ Богъ отъ своей разумной

твари для того, чтобы она могла вѣчно царствовать съ Нимъ. И если такъ думать уполномочиваетъ насъ сама премудрость Божія: то каждому мыслящему и разумному существу нужно оцѣнить ее должнымъ образомъ и глубоко напечатлѣть смыслъ ея въ себѣ самомъ.

Трижды напиши себѣ моя словеса, говоритъ намъ премудрость, *на совѣтъ и смыслъ и разумъ, на широтъ сердца твоего* (Прит. 8, 21)!— Напиши, человѣкъ, наставленія премудрости прежде всего на свой совѣтъ. Совѣтъ необходимъ тамъ, гдѣ изъ двухъ различныхъ вещей намъ нужно избрать одну. Двѣ представляются намъ въ жизни мудрости: мудрость земная и мудрость небесная. Разсуди, размысли каждый, какая изъ нихъ предпочтительнѣе и надежнѣе, чтобы избрать ее въ свою собственность и предаться ея водителству. При сравненіи той и другой мудрости, могутъ представиться нѣкоторые преимущества и выгоды на сторонѣ мудрости земной; именно: эта мудрость свободнѣе разсуждаетъ обо всѣхъ вещахъ и самомъ человѣкѣ, о его назначеніи въ жизни, о его дѣлахъ, обязанностяхъ и правилахъ поведенія; она расширяетъ и углаживаетъ пути на поприщѣ временнаго теченія человѣка и отличается большимъ числомъ своихъ послѣдователей, которые притомъ удерживаютъ за собою

славу людей образованныхъ, передовыхъ, чуждыхъ предразсудковъ и давнихъ убѣжденій, наследуемыхъ дѣтьми отъ отцовъ. Но прежде нежели предашься, человѣкъ, этой мудрости и поставишь ее предметомъ своего изученія, размысли и посовѣтуйся въ душѣ своей, насколько ли эти преимущества ея важны и уважительны, чтобы предпочесть ее высшей мудрости? Свободные взгляды земной мудрости вытекаютъ не изъ сознанія разума человѣческаго истины, а изъ свободныхъ стремленій падшаго человѣка жить и дѣйствовать такъ, какъ внушаетъ ему природа; вмѣсто того, чтобы сдерживать эти стремленія и давать лучшее, разумное направленіе силамъ души, мудрость земная примѣняется къ этимъ самымъ стремленіямъ, возводитъ ихъ въ силу закона, прислушивается къ различнымъ желаніямъ испорченнаго сердца, которыя ему пріятны, придаетъ имъ разумный смыслъ и такъ об. разчищаетъ и уравниваетъ путь, послѣдняя котораго зрять во дно адово (Прит. 16, 25). Нерадостно поэтому мыслящему человѣку смотрѣть на ту легкомысленную толпу, которая шумно и весело несется по этому пути! Многочисленность такихъ путниковъ нисколько не говоритъ о какомъ нибудь внутреннемъ достоинствѣ и истинномъ превосходствѣ ихъ предъ тѣмъ малымъ числомъ избранныхъ людей, которые тихо и незамѣтно для взоровъ

постороннихъ, въ терпѣніи и смиреніи направляются инымъ путемъ къ иной цѣли, указываемой имъ свѣтомъ небесной истины. Какъ бы ни было велико численное количество заблуждающихъ, какою славою ни пользовались бы нѣкоторые изъ нихъ, преуспѣвающіе въ заблужденіи, и какъ бы ни было могущественно вліяніе ихъ на современные умы единомысленнаго съ ними общества своего;—это ничто не значитъ тамъ, гдѣ идетъ оцѣнка человѣку по высотѣ той цѣли, какою указываетъ ему истинная мудрость. По отношенію къ этой цѣли только тѣ и признаются истинными людьми, которые держатъ себя на прямомъ пути къ ней, и, при своемъ усильномъ стремленіи, достигаютъ ея; прочіе же являются не болѣе, какъ одна капля, которая отдѣляется отъ массы воды, при наполненіи сосуда, въ котораго она теряется и исчезаетъ. Потому-то не только объ одномъ какомъ нибудь отдѣльномъ человѣкѣ, но и о цѣлыхъ народахъ, уклонившихся отъ своей истинно человѣческой цѣли и потерявшихъ для истины, читаемъ слѣдующее въ ученіи премудрости Божіей: *вси языцы, аки капля отъ кади, и аки притяженіе вѣса вмѣнишася, и аки плюновеніе вмѣнятся* (Ис. 40, 15). *О лютъ множеству языковъ многихъ! Аки море волнующееся, тако смятетеся: и хребетъ*

языковъ многихъ, аки вода возмутитъ. аки вода многа языцы мнози, аки шумъ воды многія нудею носимыя: и отвержетъ ихъ, и далече поженетъ ихъ, аки прахъ плевный вьющихъ противу вѣтра и яко прахъ колесный буря возносящая (Ис. 17, 12—13). Такъ оцѣниваетъ премудрость Божія всѣхъ, отступившихъ отъ ея водительства! Это многочисленное собраніе людей, по своей обширности равняется волнующемуся морю, а по внутреннему значенію оно есть только ничтожная капля отъ кади и незамѣтная пылинка, приставшая къ вѣсовой чашкѣ, на которой взвѣшивается чистое золото, или еще выразительнѣе сказать—это одно плюновение, выдѣляющееся изъ живаго организма!

Напиши, человѣкъ, слова премудрости на свой смыслъ и разумъ. Этого требуетъ достоинство самаго разума нашего, если мы хотимъ имѣть въ пемъ то, чѣмъ онъ долженъ быть въ насъ. Разумъ нашъ тогда только есть въ собственномъ смыслѣ разумъ, когда ему присуща мудрость Божія; въ противномъ случаѣ онъ напрасно носить это великое названіе, потому что онъ чуждъ свѣта истины и кругомъ объять тьмою невѣдѣнія. Всѣ его теоріи, которыя онъ развиваетъ изъ самого себя, на основаніи своихъ началъ, о важнѣй-

шихъ и существенныхъ предметахъ нашего познанія, и въ которыхъ онъ поставляетъ свою мудрость, сами по себѣ несостоятельны и ложны, а потому ничѣмъ не отличаются отъ тѣмъ перазумія;—ими не разъясняется истина, а только вводятся въ заблужденіе тѣ, которые принимаютъ ихъ за чистую истину. Истина — въ одномъ Богѣ, и отъ Него исходить; честь нашего разума въ этомъ случаѣ состоитъ только въ томъ, что онъ способенъ воспринимать ее и сознать въ себѣ;—въ этомъ и состоитъ его чистая, непогрѣшительная мудрость. Разумъ не хочетъ сознаться въ необходимости для него высшаго свѣта истины, онъ силится найти ее въ себѣ самомъ,—и вотъ отсель-то произошли всѣ его заблужденія, за которыя онъ стоитъ какъ за великую и чистую мудрость. Но эта мудрость носитъ только одно имя, подъ которымъ вовсе нѣтъ самаго содержанія, соответствующаго своему названію. *Премудрость бо есть по имени ея, и немнозицы есть явна*, замѣчаетъ одинъ премудрый (Свр. 6, 25). Этой-то мудрости и нѣтъ у тѣхъ, которые присвоили себѣ честь мудрыхъ и разумныхъ; она далека отъ нихъ именно потому, что они пренебрегаютъ тѣмъ источникомъ, изъ котораго она можетъ быть заимствована. Разубѣдить ихъ въ такомъ крайнемъ ослѣпленіи трудно, или

даже совсѣмъ невозможно. Но ихъ заблужденіе весьма ясно для всякаго, кто впишетъ въ свой смыслъ и разумъ чистое ученіе премудрости божественной; при ея свѣтѣ разоблачается и становится совершенно понятнымъ то, что на сторонѣ противниковъ дѣйствительно одна ложь и прельщеніе. Первымъ нагляднымъ и непререкаемымъ доказательствомъ этой ихъ лжи служить неустойчивость и разнорѣчіе тѣхъ взглядовъ, какіе они составляли себѣ въ разныя времена на одни и тѣже предметы. Постоянства и единства въ ихъ образѣ мыслей никогда не было и нѣтъ доселѣ, такъ что, если бы ищущій истины захотѣлъ перейти на ихъ сторону: то онъ не зналъ бы, на чемъ ему остановится? Ясно, что въ этихъ переменчивыхъ и разнорѣчивыхъ воззрѣніяхъ нѣтъ истины, которая должна быть всегда одинакова и во всемъ съ собою согласна. При дальнѣйшемъ разборѣ этихъ воззрѣній, легко примѣтитъ и то, что мудрость человѣческая состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ одной попыткѣ разума опровергнуть и подорвать въ своемъ основаніи истину Божию, къ чему она приступала въ разныя времена съ разныхъ сторонъ. Слѣд. напрасно сталъ бы кто нибудь искать въ ней что либо самостоятельное, творчески выработанное разумомъ; въ ея содержаніи, духъ и характеръ выражается одно

лишь отрицаніе того, что открываетъ людямъ самъ Богъ. Если же такъ образомъ мудрость человѣческая состоитъ въ одномъ отрицаніи истины Божіей и противленіи ей: то каждый согласится, что лучше дать мѣсто въ своемъ разумѣ истинѣ Божіей, нежели содѣлать его вмѣстилищемъ всякой лжи и заблужденія;—ибо послѣдствія, къ которымъ приводятъ заблужденія своихъ плѣнниковъ, мы уже видѣли.

Напиши, человѣкъ, слова премудрости и на широтѣ твоего сердца!—Когда слышимъ, что премудрость выше и драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ міра, что она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ богатства и блага жизни (Прем. Сол. 7, 11. Прит. 3, 15—16): то не съузнимъ своихъ представленій о ней до того, будто всѣ, сдѣлавшіеся въ извѣстной мѣрѣ участниками ея, получали бы непремѣнно въ свое обладаніе богатство и сокровища земныя. Если бы эти сокровища приходили непремѣнно ко всякому съ самою премудростію: то она сдѣлалась бы средствомъ для людей пріобрѣтать богатство тѣльное и земное. Мы должны любить мудрость потому единственно, что она есть мудрость, которая ни съ чѣмъ несравненна,—должны искать ее потому, что она въ своей десницѣ держитъ долгоденствіе и жизнь, а въ шуйцѣ ея—богатство и слава (Прит. 3, 16). Довольно для насъ, чтобы воз-

любить ее всею широтою сердца, и того одного, что сама премудрость обладаетъ всѣми сокровищами и драгоценностями міра, которыя произведены ея смысломъ и художествомъ. Потому она сама знаетъ, кому, когда и въ какой мѣрѣ удѣлить отъ своихъ сокровищъ! Мы должны быть вполне увѣрены съ своей стороны въ томъ, что всѣ преданные ей своею душею и сердцемъ, не останутся въ лишеніи и не обманутся въ своихъ упованіяхъ на тѣ великія обѣщанія, которыя она изрѣкаетъ имъ.—Какая это премудрость и какъ нужно понимать ее, знаетъ тотъ, кто искренно внимаетъ ея словамъ, и съ кѣмъ она бесѣдуетъ языкомъ вѣжно любящаго отца: *слыши, чадо, и прими волю мою, и не отвержи совѣта моего: и введи нозъ твои во оковы е и въ гривну ея выю твою: подложи ramo твое, и носию, и не гнушайся узами ея: всею душею твоею приступи къ ней, и всею силою твоею соблюди пути ея. Изслѣди, и взыщи, и познана ти будетъ, и емься за ню, не остави ея: напоследокъ бо обрящещи покой ея, и обратится тебѣ на веселіе. И будутъ ти пути ея на покой крѣпости, и гривны ея на одѣяніе славы..... Во одежду славы облечешися ею, и вѣнецъ радости возложиши на ся (Сир. 6, 24—32). Если мы въ этихъ словахъ мудрости*

не слышимъ сладчайшаго голоса, который долженъ быть вожделѣннѣе для нашего чувства всякаго звука, издаваемого серебромъ и золотомъ: то мы недостойны ея;—она не наша собственность, а достояніе тѣхъ, которые съ апостоломъ Павломъ считаютъ все за тщету и уметы, только бы приобрѣсть превосходящее разумѣніе, которое открываетъ мудрость любящимъ ее (Филип. 3, 8)!

—

БОГОПОЗНАНІЕ.

—

Какъ существа сознательныя и мыслящія, мы естественно жаждемъ вѣдѣнія, стремимся къ разнаго рода знаніямъ. Остановиться на пути этого стремленія—подавить въ себѣ жажду любознательности такъ же невозможно намъ, какъ невозможно пересоздать самихъ себя и переименовать свою природу; ибо потребность знанія глубоко лежитъ въ нашей природѣ и есть одно изъ основныхъ и существенныхъ ея требованій. Потому-то дорого для насъ всякое истинное, основательно выработанное и сознательно усвоенное знаніе, въ слѣдствіе чего мы не можемъ не уважать тѣхъ благородныхъ изыскателей истины—безкорыстныхъ тружениковъ науки, которые посвящаютъ свою жизнь какимъ либо умственнымъ изслѣдованіямъ и чрезъ которыхъ распространяется мысленный свѣтъ на другихъ.

И если мы это говоримъ о всякомъ познаніи вообще, къ какому бы отдѣлу предметовъ оно ни относилось: то безъ сомнѣнія мы должны сказать это преимущественно о томъ знаніи, которое имѣетъ своимъ предметомъ Существо высочайшее.

Высоко призваніе тѣхъ избранниковъ человечества, которые поставляютъ цѣлію своей жизни раскрытіе и уясненіе для себя тайнъ боговѣдѣнія, священно ихъ служеніе въ обществахъ человѣческихъ, многополезны и душеспасительны ихъ труды, выше и достоуважаемы которыхъ не можетъ быть никакого другаго занятія. На этотъ-то предметъ и должно быть обращено преимущественное вниманіе каждаго человѣка. Прекрасно было бы, конечно, если бы мы одновременно и равномерно могли совмѣстить все познанія, до какихъ только дошелъ разумъ человѣческій, слѣдуя тому, или другому направленію; но поелику это невозможно, по обширности и разнообразію самыхъ познаній, и по ограниченности нашего разума: то поэтому на первомъ планѣ и на первомъ мѣстѣ у насъ должно стоять богопознаніе, какъ первое и необходимое изъ всѣхъ знаній по важности своего предмета.

Въ самомъ дѣлѣ, область умственныхъ познаній человѣческихъ такъ обширна и

разнообразна, что едвали найдется какойнибудь, въ отдельности взятый умъ, который могъ бы объять и вмѣстить въ своемъ сознаниіи то, что открыто, изслѣдовано и обработано въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ многими милліонами людей. Между тѣмъ самое свойство человѣческихъ познаній не таково, чтобы ими обнимался міръ дѣйствительный вполне и совершенно. При всей обширности и глубинѣ ихъ, много еще остается для насъ таинственнаго и неразгаданнаго въ мірѣ бытія, и эта таинственность простирается до того, что достаточно одного какогонибудь самаго незначительнаго предмета въ мірѣ дѣйствительномъ чтобы заняться имъ на весь краткій срокъ нашего земнаго существованія. При такой многосторонности познаній, при такой ограниченности своего ума и краткости жизни, чѣмъ былъ бы человѣкъ, остановившійся на какомънибудь второстепенномъ—совершенно малозначущемъ предметѣ, и увлекшійся имъ до того, что въ изслѣдованіи его провелъ бы всю свою жизнь? Онъ уподобился бы тогда ничтожному червю, для котораго избранный имъ на деревѣ листокъ обращается въ цѣлый міръ, гдѣ онъ находитъ могилу и гробъ для своего кратковременнаго бытія.—Что же требуется со стороны нашей, чтобы не впасть намъ въ такую неосмотрительную и непрости-

тельную погрѣшность? Очевидно, что изъ необъятнаго множества познаній намъ должно главнымъ образомъ избрать для себя такое познаніе, котораго по преимуществу требуетъ нашъ духъ и безъ котораго самая наша жизнь не имѣла бы ни своего надлежащаго значенія, ни своей главной и истинной цѣли. А это знаніе есть богопознаніе, подъ именемъ котораго мы разумѣемъ все, что намъ открыто и дано знать о Богѣ, Его высочайшихъ свойствахъ, творческихъ дѣйствіяхъ, зиждительномъ промыслѣ какъ общемъ, такъ и частномъ, относящемся собственно къ человѣку. Слѣд. богопознаніемъ обнимается вся сфера нашего умозерцанія и опредѣляется вся полнота нашей высшей мудрости. Объ этомъ-то богопознаніи мы намѣреваемся теперь изложить свое сужденіе.

Преимущественную и высочайшую важность взятаго нами предмета можно разсматривать съ слѣдующихъ сторонъ: во-первыхъ со стороны его значенія и силы для нашей теоритической или умозрительной дѣятельности; во-вторыхъ—для нравственной или практической; въ-третьихъ—со стороны его вліянія на чувство нашего сердца, ищущаго покоя и счастія въ жизни временной, и наконецъ—со стороны его значенія для будущей, предстоящей намъ вѣчности.

1. Въ области умозрительной богопознание есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ познаній. Безъ этого главнаго познанія нѣтъ основанія для нашего разума, съ котораго онъ могъ бы начать нить своихъ изслѣдованій;—нѣтъ и цѣли, къ которой онъ долженъ вести эту нить.—Что богопознание дѣйствительно есть начало и основаніе всѣхъ нашихъ познаній, это видно изъ того, что самъ Богъ есть начало всего сущаго. Міръ бытія держится на творческой силѣ Божіей, безъ которой онъ совсѣмъ не существовалъ бы: и сфера нашихъ истинныхъ—непогрѣшительныхъ представленій о мірѣ дѣйствительномъ главною и послѣднею точкою своей опоры имѣетъ понятіе о Богѣ. Этимъ понятіемъ поддерживается и осіявается весь кругъ нашихъ умозрѣній точно такъ же, какъ сіяніемъ солнца озаряется вся видимая природа и дѣлается открытою для нашего чувственнаго зрѣнія. Погасите на небѣ солнце со всѣми окружающими его свѣтилами, тогда по необходимости мракъ обыметъ вселенную и все сокроется отъ нашего взора: отнимите отъ ума богопознание со всѣми, пронтекающими отъ него понятіями, и онъ останется во тьмѣ невѣдѣнія относительно всего прочаго.

Утверждая эту мысль, мы не то хотимъ сказать, что бы безъ богопознанія умъ нашъ

не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о вещахъ міра видимаго;—нѣтъ! Много есть наукъ, съ которыми можно познаться и безъ богопознанія; много есть знаній положительныхъ—естественныхъ, которыми обладаютъ безбожники и всѣ нечестивые люди, которыми въ нѣкоторой степени пользуются и самыя неразумныя твари. Но такого рода познанія имѣютъ свое приложеніе только къ жизни настоящей и польза ихъ слишкомъ ограничена,—она не простирается далѣе предѣловъ временнаго бытія человѣка. Слѣд. эти знанія были бы достаточны для человѣка тогда, когда бы онъ съ прекращеніемъ этой жизни оканчивалъ все свое существованіе. Но человѣкъ безсмертенъ. За предѣлами этой жизни для него начнется жизнь вѣчная; а потому и познанія наши должны простираться не только на жизнь настоящую, но и будущую, и только подъ этимъ условіемъ они необходимы и существенно-важны. Въ противномъ случаѣ они не имѣютъ никакой цѣны на судѣ высшаго разума—того разума, который смотритъ вдаль будущаго, прозираетъ въ область сокровенную и духовную, по отношенію къ которой и даетъ знаніямъ великое имя чистыхъ, полныхъ и совершенныхъ знаній.

Потому-то нашъ умъ вовсе не довольствуется одними положительными и естествен-

пыми знаніями, не останавливается на нихъ, какъ чѣмъ-то законченномъ и совершенномъ. Онъ хочетъ созерцать истины по своему содержанію гораздо важнѣйшія и существенныя, истины такія, которыя освѣщали бы ему путь къ вѣчности и раскрывали бы предъ нимъ ея тайны. По этой причинѣ онъ и въ самомъ видимомъ мірѣ ищетъ такихъ сторонъ, на которыя или совсѣмъ не обращаетъ вниманія разумъ естественный, или судить о нихъ превратно. Вотъ эти стороны: какъ смотрѣть на бытіе видимаго нами міра? Откуда и какъ онъ произошелъ? Какое назначеніе человѣка среди этого міра, и въ какомъ онъ долженъ быть отношеніи къ окружающимъ его предметамъ и къ верховной Винѣ всего существующаго? Эти и подобныя симъ вопросы постоянно занимаютъ духъ нашъ, и только рѣшеніе ихъ можетъ удовлетворить жаждѣ нашей любознательности. Богопознаніе есть единственный ключъ къ разрѣшенію такихъ вопросовъ. Кто не знаетъ Бога, для того сіи вопросы останутся неразрѣшимыми навсегда, и сколько бы разумъ человѣка ни усиливался дать на нихъ успокоительный отвѣтъ, никогда не въ состояніи сего сдѣлать. И вотъ почему въ древнія времена, когда люди оставались въ невѣдѣніи истиннаго Бога, они, можно сказать, ничего не сдѣлали въ области умствен-

паго развитія; ибо не рѣшили тѣхъ вопросовъ, которые занимали и занимаютъ родъ человѣческой. Попятія, на которыхъ остановились они при размышленіи о сихъ вопросахъ, были самыя темныя, сбивчивыя и пелѣныя. Мракъ покрывалъ умы пелѣдующихъ Бога, и они заблуждались во всемъ. Умъ ихъ, незаренный небеснымъ свѣтомъ богопознанія, терялся въ представленіи тѣхъ предметовъ, которые объявляются намъ только богопознаніемъ. И неудивительно! Ибо, если Богъ есть вина всего сущаго: то можно ли знать что нибудь въ сущемъ, не зная его причины.

Такъ, безъ богопознанія умъ нашъ не имѣетъ прочнаго основанія для своихъ изысканій! Не имѣетъ онъ и цѣли, къ которой направлялъ бы ея изысканія. Ибо какую мы назначимъ цѣль своимъ умственнымъ познаніемъ, если вышлетимъ изъ виду правильное и вѣрное разумѣніе высочайшаго Существа божественнаго? Поставимъ ли ее въ самихъ себѣ—въ своемъ умѣннн жить и распоряжаться предметами міра, чтобы извлечь изъ нихъ свое удовольствіе и благо? Но безъ понятія и мысли о Богѣ нѣтъ для насъ никакого другаго удовольствія и блага, кромѣ удовольствія чувственности и плоти; а это удовольствіе недостойно быть цѣлію разумаго существа, такъ какъ въ

немъ нѣтъ никакой мысли—и конецъ его есть упадокъ душевныхъ силъ, расслабленіе умственной дѣятельности и совершенное оупѣвленіе разума, который также теряется и гаснетъ среди разлива чувственныхъ наслажденій, какъ угасаетъ искра, упавшая въ волны моря.

2. Обращая вниманіе на свою нравственную сторону, мы прежде всего не можемъ, при правильномъ раскрытіи своего разума, не сознавать всей возвышенности и обязательной для насъ силы закона нравственнаго, и, не отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, идти вопреки священныхъ требованій сего закона; но въ то же время мы чувствуемъ свое безсиліе выполнить требованія этого закона, потому что этому противоборствуютъ другія противоположныя влеченія, свойственныя нашей раздѣленной природѣ. Въ слѣдствіе такого несчастнаго раздвоенія, замѣчаемаго въ самихъ себѣ, мы находимся въ мучительной внутренней борьбѣ, подъ вліяніемъ которой нерѣдко претыкаемся и падаемъ, испытываемъ тяжелое чувство самоосужденія, лишаящаго насъ лучшей въ жизни радости, которая составляетъ награду совершенной добродѣтели. Отсель самъ собою возникаетъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ высшей степени должно быть важно и замѣчательно для cadaго: какъ устоять чело-

вѣку въ требованіяхъ добродѣтели и тѣмъ оправдать свое призваніе въ жизнь и то назначеніе, для котораго дано ему бытіе? Откуда онъ можетъ почерпнуть достаточныя для себя силы и крѣпость духа, чтобы стать выше оболъщенной своей плоти, усиливаемыхъ искушеніями и соблазнами міра, которыя неудержимо влекутъ его волю на зло, противное Богу и унижительное для него самого? Въ чемъ состоитъ тайна его успѣха въ осуществленіи великой идеи нравственнаго добра и опора его святой, богоугодной дѣятельности?—Здѣсь-то мы должны остановиться своимъ вниманіемъ на высочайшей важности для насъ богопознанія, которое заключаетъ въ себѣ начало и конецъ нашего нравственнаго добра. Къ такому понятію о богопознаніи приводитъ насъ само божественное Писаніе, на страницахъ котораго читаемъ слѣдующее достопримѣчательное мѣсто: *еже бо знати Тебе (Господи), всесовершенна есть правда, и вѣдѣти державу твою корень есть бессмертія* (Прем. Сол. 15, 3).

Вникая въ смыслъ этого божественнаго изреченія, для отстраненія всякаго сомнѣнія, хотимъ прежде всего прояснить себѣ то, въ какомъ значеніи нужно принять употребленное въ этомъ мѣстѣ слово «всесовершенна есть правда»,—въ значеніи ли законности и

справедливости для человѣка самаго знанія, предметомъ котораго есть Богъ, или въ значеніи святости и совершеннаго благочестія того, кто обладаетъ симъ знаніемъ? Приписываемъ его въ значеніи послѣднемъ, т. е. въ значеніи благочестія и святости; ибо первое значеніе ничего особеннаго не открываетъ въ богопознаніи и ничѣмъ не отличаетъ его отъ всякаго другаго знанія. Не одно только богопознаніе, но и всякое другое знаніе есть дѣло законное и совершенно справедливое для человѣка, одареннаго разумомъ и призваннаго въ жизнь съ тѣмъ, чтобы онъ зналъ предметы, подлежащіе его знанію. Итакъ выраженіе: *еже бо знати Тебе (Господи), всесовершенство есть правда*, наводитъ насъ на ту мысль, что въ самомъ богопознаніи заключается истинная святость и совершенная добродѣтель человѣка.

Но какимъ образомъ можетъ быть то, что бы одно знаніе Бога составляло всесовершенную правду и благочестіе того, кому принадлежитъ оно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается самъ собою, когда обращаемъ свое вниманіе на единичность души человѣка, на тѣсную и неразрывную связь, существующую между его умомъ и волею, между его мыслями и дѣланіи. Мысль и дѣйствіе соединены между собою въ человѣкѣ такъ, какъ соединена при-

чина съ своимъ слѣдствіемъ. Дѣйствию всегда предшествуетъ мысль, и въ мысли уже завито самое дѣйствіе. Кто какъ мыслить и понимаетъ, тотъ такъ и поступаетъ. Потому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые не даютъ никакой оцѣнки тайнымъ мыслямъ и сокровеннымъ движеніямъ души человѣка, которые привыкли измѣрять заслуги и достоинства людей только тѣмъ, какъ они заявляютъ себя во внѣшней жизни и какими представляются въ глазахъ другихъ по своимъ дѣламъ и поступкамъ. Не такъ смотритъ на человѣка Богъ и не таковъ Его судъ объ насъ! *И по помысламъ твоимъ сужду тя*, глаголетъ Господь (Іез. 24, 14). Вотъ откуда начинается Божій судъ о человѣкѣ и разборъ его дѣйствій! Вотъ гдѣ скрывается основаніе и корень справедливой оцѣнки нашего нравственного достоинства! Святъ и праведенъ Божій судъ о человѣкѣ!—Ибо съ одной стороны человѣкъ можетъ скрывать въ себѣ гораздо болѣе того, нежели сколько успѣлъ проявить въ дѣлахъ своей жизни; съ другой—самыя, повидимому, высокія проявленія души человѣка, на самомъ дѣлѣ могутъ быть совсѣмъ не таковы, по внутреннимъ своимъ побужденіямъ, какими они являются на видъ другихъ, и потому гдѣ мы можемъ найти надлежащую точку опоры для вѣрнаго разсмотрѣнія истин-

наго достоинства человѣка? Нигдѣ, кромѣ его мыслей и внутреннихъ расположеній сердца!

Послѣ сего ставится яснымъ то, почему истинное богопознаніе принимается за основаніе всесовершенной правды, или совершеннаго благочестія человѣка. Кто истинно знаетъ Бога, тотъ сообразно съ этимъ знаніемъ непременно устанавливаетъ внутренній строй своихъ мыслей, чувствованій и желаній, по которымъ сама собою располагается вся его жизнь;—тотъ въ самомъ приобрѣтеніи этого знанія имѣеть уже трудъ и подвигъ воли, который не иначе можетъ быть цѣннымъ, какъ дѣло благочестія, если только этотъ трудъ предпринимается человѣкомъ не по какимънибудь внѣшнимъ расчетамъ и не для цѣлей земныхъ, или для одного пустаго тщеславія быть ученымъ и славнымъ мудростію. Утверждая эту мысль, т. е. что съ богопознаніемъ необходимо соединяется благочестіе и святость, мы не отрицаемъ и того, что человѣкъ по немощи своей воли, по слабости и поврежденности своего естества, можетъ падать и согрѣшать при самомъ свѣтѣ своего ума; но этотъ же самый умъ не допустить, чтобы человѣкъ долго оставался въ порабоженіи грѣху и коснѣлъ въ немъ. Животворный лучъ небснаго свѣта скоро проникнетъ въ его чувство, согрѣетъ его существо, благотворно по-

дѣйствуетъ на его волю и дать ей другое — высшее направленіе. Такъ капля небесной росы, упавъ на землю и смѣшавшись съ земнымъ прахомъ, недолго остается въ этомъ нечистомъ смѣшеніи; восходитъ солнце, усиливается теплота его, и она разрѣшается въ тонкій паръ и улетаетъ въ эфирное пространство небесъ.

Всматриваясь далѣе въ смыслъ приведеннаго нами текста, находимъ, что знаніе всевластной державы Божіей—разумѣніе вседѣйствующей и всемъ управляющей силы творческой, есть корень нашего безсмертія. *И вѣдѣти державу твою корень есть безсмертія.* Здѣсь нужно изъяснить значеніе слова: «безсмертіе».—Безсмертіе бываетъ двухъ родовъ: одно, какъ безконечное продолженіе бытія за предѣлами временной жизни;—другое, какъ песковчаемое блаженство избранныхъ Божіихъ въ будущемъ вѣкѣ. Въ какомъ же смыслѣ принять безсмертіе, возвѣщаемое словомъ Божіимъ тѣмъ, которые разумѣютъ всевластную державу Божію? Привинаемъ его въ смыслѣ послѣднемъ, т. е. въ смыслѣ безконечнаго блаженства праведныхъ; ибо перваго рода безсмертіе принадлежитъ всемъ, даже невѣдущимъ Бога, которые будутъ продолжать свое существованіе внѣ царствія сыновъ Божіихъ; но ихъ существованіе будетъ

безъ блаженства,—ихъ безсмертіе будетъ не иное что, какъ смерть вторая и вѣчная. Жизнь, соединенная съ блаженствомъ безконечнымъ, по истинѣ есть жизнь безсмертная и вѣчная;—она-то принадлежитъ тѣмъ, которые знаютъ Бога.—*Се же есть животъ вѣчный*, сказалъ Господь и Спаситель нашъ, *да знаютъ Тебе, единого истиннаго Бога и егоче послалъ еси въ міръ Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3—4). Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что какъ въ области умозерцательной богопознаніе есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ высшихъ познаній: такъ и въ области нравственной оно есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ добродѣтелей и подвиговъ духовныхъ; пбо послѣдняя цѣль ихъ для насъ состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ достиженіи вѣчнаго блаженства; а это блаженство уже заключается въ богопознаніи. Слѣд. здѣсь содержится начало и завершеніе всей нашей нравственной жизни;—отсюда получаетъ свою силу наше истинное и чистое добро, раскрывающееся во всѣхъ видахъ благочестія.

3. Имѣя такое великое значеніе для чловѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, созидавая и возвышая его духъ свѣтомъ разума и силою добродѣтели, богопознаніе служить лучшею ему опорою среди различныхъ тревогъ и непріятностей, неизбѣжныхъ

въ жизни настоящей, умиротворяя его сердце и поставляя его въ такомъ внутреннемъ настроеніи, какого только онъ можетъ желать. Слѣд. этимъ путемъ человѣкъ вѣрнѣе и скорѣе приходитъ къ тому, чего напрасно ищутъ въ жизни люди, пренебрегающіе богопознаніемъ и нисколько не заботящіеся о приобрѣтеніи этого столь важнаго и необходимаго для каждаго человѣка познанія.— Если пройти всѣ классы и званія людей, разсмотрѣть ихъ занятія, вникнуть въ тайныя ихъ побужденія, управляющія этими занятіями: то окажется, что люди столь неутомимо дѣйствующіе и хлопотливо трудящіеся въ своей жизни, имѣютъ въ виду одно—найти покой душѣ своей, доставить сердцу внутреннее довольство и наслажденіе, называемое обыкновенно счастіемъ жизни. Но достигается ли эта цѣль великихъ трудовъ и усиленныхъ стремленій земныхъ тружениковъ? По общему и единодушному всѣхъ сознанію—не достигается. Противъ этого никто, конечно, и спорить не станетъ. Согласные въ томъ, что на землѣ нѣтъ для человѣка полнаго и прочнаго счастья, люди расходятся своими понятіями только въ томъ, гдѣ причина этого явленія? Откуда произошло на свѣтъ горе, преслѣдующее всѣхъ и каждаго на пути жизни; какъ и

чѣмъ отразить его, чтобы сдѣлать свою жизнь безпечальною и блаженною?

Разумъ, просвѣщенный истиннымъ богопознавiемъ, знаетъ этотъ источникъ бѣдствiй рода человѣческаго; не сокрыты предъ нимъ и способы къ облегченiю этихъ бѣдствiй; ему извѣстенъ и конецъ ихъ,—и вотъ подъ руководствомъ этого разума одна часть людей идетъ своимъ путемъ къ истинному счастию и покою духа; другая, не вѣдущая Бога, рассуждаетъ по-своему и стремится къ этой цѣли сообразно съ своими понятiями. Разумъ, озаренный свѣтомъ богопознавiя, говоритъ, что корень всѣхъ золъ человѣка скрывается прежде всего въ немъ самомъ, въ разстройствѣ его природы, въ его отступленiи отъ праваго пути, указаннаго ему Творцемъ и Богомъ, въ неумѣренности его желанiй и пустотѣ тѣхъ предметовъ, которыми онъ обольщается и въ обладанiи которыми думаетъ найти свой покой и счастье. Слѣд. для избѣжанiя этихъ золъ человѣку надлежитъ сперва устроить свою собственную природу, поставить ее въ назначенные ей предѣлы, дать вѣрное направленiе своимъ силамъ и взыскать истинное благо, которое можетъ успокоить его сердце. Это первое и необходимое условiе къ достиженiю счастья; безъ этого условiя человѣкъ будетъ вѣчно томиться, страдать и мучиться

духомъ. Ибо какое онъ можетъ ощущать въ себѣ благо и довольство, когда онъ внутренно разстроенъ и пораженъ смертельно? Кто въ себѣ самомъ носитъ убійственную стрѣлу, для того не существуютъ радости, испытываемыя только живыми и здоровыми существами. Кто отклонился отъ истиннаго добра и стоитъ на ложномъ пути къ нему, тому никогда не достигнуть того вождельнаго состоянія, о которомъ втайнѣ воздыхаетъ наше сердце. Такъ думаетъ, такъ убѣжденъ человѣкъ, руководимый свѣтомъ Богопознанія.

Не такъ мыслятъ и разсуждаютъ люди, чуждые этого свѣта. По ихъ понятіямъ, человѣкъ мучится и страдаетъ въ жизни потому, что онъ не всѣми обладаетъ способами удовлетворять своимъ желаніямъ, а онъ не обладаетъ этими способами потому, что еще не дошелъ своимъ разумомъ до того, чтобы владѣть окружающими его предметами и извлекать изъ нихъ свою пользу,—и вотъ они разсчитываютъ на свой разумъ, на его успѣхи и развитіе, на его изобрѣтенія и разнаго рода открытія, которыми благоустроится высшій бытъ жизни человѣка. Не споримъ, что успѣхи ума человѣческаго много содѣйствуютъ къ улучшенію нашей жизни и облегченію ея тяжестей; но никогда не согласимся, что бы этимъ способомъ человѣкъ могъ дойти когда нибудь

до полнаго и прочнаго своего счастья. Знаемъ, что по мѣрѣ успѣховъ разума человѣческаго въ наукахъ, по мѣрѣ умножающихся открытій и развивающагося искусства, много улучшается и вѣншній бытъ нашей жизни; но знаемъ и то, что съ развитіемъ разума, усовершенствованіемъ искусства, растутъ и требованія плоти, усиливаются прихотливыя ея желанія, утончается вкусъ, открываются новыя нужды, которыми не успѣваетъ удовлетворять наука и искусство. Слѣд. этимъ способомъ не только не врачуется страданіе души, но даже и не покрывается наружно. Судя по этому одному обстоятельству, мы приходимъ къ серіозному вопросу: есть ли какая нибудь положительная польза отъ всѣхъ успѣховъ ума человѣческаго для блага и счастья людей? Сдѣлалъ ли что нибудь разумъ для упроченія и поддержанія этого счастья между людьми? Подвинулся ли онъ хотя на одинъ шагъ впередъ въ этомъ важномъ дѣлѣ? Не такъ же ли страдаетъ образованный европеецъ, окруженный всѣми удобствами жизни и владѣющій богато устроенными дворцами, какъ какой нибудь дикарь, который умѣлъ поставить для себя безыскусственный шатеръ на какомъ нибудь отдаленномъ—удаленномъ берегу сѣвернаго океана, куда не пропикла цивилизація образованнаго міра? И кто знаетъ, при умѣренности своихъ

желаній, при отсутствіи тѣхъ потребностей, какія развиваетъ, такъ называемое, просвѣщеніе; при неиспорченности и свѣжести своихъ силъ, укрѣпляемыхъ самою суровостію природы, среди которой этотъ динаръ нашелъ себѣ пріютъ и бѣдное жилище, не испытываетъ ли онъ, хотя по временамъ, лучшихъ радостей, нежели какими забавляетъ себя міръ образованный? Мы можемъ презирать эти радости, считать ихъ грубыми, не имѣющими тонкости и облагороженія, и потому можемъ сожалѣть о человѣкѣ даже тогда, когда онъ находитъ себя довольнымъ и безпечальнымъ. Такъ; но это будутъ уже наши взгляды на человѣка, до которыхъ ему нѣтъ дѣла! По крайней мѣрѣ онъ по-своему веселъ, беззаботенъ и счастливъ,—чего же еще болѣе? Не къ этой ли цѣли стремится и сама образованность? И если она своею утонченностію вкуса и облагороженіемъ удовольствій не избавляетъ людей отъ противоположныхъ чувству радости скорбныхъ ощущеній: то опять мы не видимъ, чего достигаетъ эта гордящаяся своими успѣхами образованность, стремящаяся къ великой цѣли—сдѣлать человѣка спокойнымъ и довольнымъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни? Успѣхи ея въ достиженіи этой цѣли такъ малы и незначительны, что въ результатъ ихъ остается одно и то же, какъ если бы

она ничего не предпринимала, совѣтъ не беспокоила человѣка своими обязаніями и услугами, не вызывала его на тяжелые труды ученія,—оставила бы его при своей первобытной простотѣ и безыскусственности!

Но человѣку, говорятъ, невозможно оставаться въ одномъ и томъ же положеніи; онъ долженъ идти впередъ—къ лучшему! Такъ, онъ долженъ идти впередъ—и идетъ! Но обозрѣвая весь пройденный имъ путь впередъ, мы видимъ, что скорби и страданія, отъ которыхъ онъ хочетъ уйти, всегда остаются неотлучными его спутниками; онѣ и будутъ сопровождать его постоянно и неизбежно, сколько бы онъ ни подвигался впередъ. Иначе и быть не можетъ! Ибо основаніе и корень злѣ, какъ мы сказали прежде, въ самомъ человѣкѣ. Никакая человѣческая наука не берется за врачеваніе этого зла, а если и берется, то оказывается безсильною. Разныя изобрѣтенія и искусства вовсе оставляютъ въ сторонѣ это внутреннее зло, и хотятъ закрыть его только совиѣ—черезъ одно отстраненіе послѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ своего внутреннего источника. Безполезное предпріятіе, напрасный трудъ! Предоставляемъ эти мечты тѣмъ, которые вѣрятъ въ ихъ силу и дѣйствительность;—пусть занимаются ими не знающіе ничего лучшаго и не уважающіе здраваго об-

раза мыслей! Мы не отступимъ отъ своихъ убѣжденій и будемъ стоять твердо въ томъ, чему научены лучшимъ разумомъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ богопознанія. Богопознаніе, возвышая нашъ разумъ, давалъ вѣрное направленіе воли, очищая сердце, приводя въ порядокъ чувства, привноситъ сюда миръ и возделѣнное ощущеніе истиннаго блага. Если при этомъ ощущеніи и остается предъ человекомъ суровая дѣйствительность, которую онъ не въ силахъ перестроить и пересоздать, которой онъ волею, или неволею долженъ поклониться и перенести терпѣливо: то онъ мужественно стоитъ въ борьбѣ съ нею и въ радостномъ упованіи ожидаетъ прекращенія ея въ другомъ мірѣ—въ иной области бытія, скрывающейся за предѣлами могилы. Ибо такова непреложная воля великаго Бога о человѣкѣ, пока онъ остается въ этомъ мірѣ—на этой землѣ: *проклята земля въ дѣльцѣхъ твоихъ, въ печальцѣхъ сплеси твоей вся дни живота твоего: терніе и волчцы возраститъ тебѣ, и сплеси траву сельную. Въ потъ лица твоего сплеси хлѣбъ твой, дождеже возвратиши въ землю, отъ неяже взять еси: яко земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 17—20). Смирись, человѣкъ, предъ этимъ опредѣленіемъ Божиимъ и не думай измѣнить своей земной участи ни-

какими усилями твоего слабого разума! Ты не можешь оставаться въ неподвижномъ состояніи, — тебѣ нужно идти впередъ: иди же впередъ, но только найди вѣрный путь къ своей цѣли и ясно вырази самую цѣль, къ которой стремишься. Не мѣшало бы и помедлить на одномъ мѣстѣ, пока не обдумаешь, что предпринимаешь и чего ищешь! Пойдешь необдуманно: утомишь самого себя, встревожишь и обрѣменишь своими затѣями другихъ, и наконецъ пожалѣешь самъ о своихъ напрасно положенныхъ трудахъ и безъ пользы утраченныхъ силахъ!

Многіе хорошо понимаютъ и глубоко чувствуютъ эту истину и теперь, а на послѣдокъ должны сознать ее неизбѣжно и самые передовые мудрецы, заправляющіе ходомъ наукъ, ревнующіе о просвѣщеніи разума, расширеніи его познаній и развитіи искусствъ. Настанетъ и для нихъ великая минута жизни, когда они вполне признаютъ бесполезность своихъ великихъ предпріятій—несбыточность широкихъ плановъ, пожалѣютъ о своихъ давнихъ убѣжденіяхъ, и въ тѣснотѣ души—въ болѣзни сердца скажутъ то, что высказалъ о себѣ одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ древности: *и сердце мое вдахъ, еже въдѣти премудрость и разумъ: и сердце мое видѣ многая, премудрость и разумъ, притчи и жи-*

трость уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть произволеніе духа. Яко во множествѣ мудрости множество разума, и приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь (Еккл. 1, 17—18);—творити книги мнози нѣсть конца, и ученіе многое—трудъ плоти (Еккл. 12, 12). Какой неожиданный поворотъ слѣдствій, къ которымъ ведетъ естественная мудрость земная и обыкновенная книжная ученость! Человѣкъ предается этой учености въ надеждѣ получить отъ ней внѣшнее обезпеченіе и успокоеніе своей плоти, а въ результатъ остается одинъ трудъ и болѣзнь этой плоти. И если къ такому заключенію о тяжеломъ и многотрудномъ образованіи вѣка сего приходитъ человѣкъ еще въ продолженіи своей жизни настоящей: то тѣмъ болѣе, при переходѣ его въ жизнь другую—вѣчную, она покажется ему ничего незначущей, которую тогда необходимо придется отложить прочь, какъ вещь безполезную и пустую. Дальнѣйшія надежды и чаянія въ ту пору останутся для человѣка за мудростію высшею, которая основнымъ и существеннымъ своимъ предметомъ имѣетъ богопознаніе. Эта мудрость и въ жизни временной служитъ человѣку источникомъ чистѣйшихъ радостей; но вся полнота ея богатства и внутренняго содержанія раскрывается въ жизни вѣчной.

4. Что такое богопознаніе въ отношеніи къ жизни вѣчной, объ этомъ мы уже высказали свою главную мысль; именно: оно есть корень безсмертія души и основаніе ея безконечнаго блаженства. Къ дополненію этой мысли и большему ея подкрѣпленію считаемъ за нужное въ настоящемъ мѣстѣ остановиться своимъ вниманіемъ на слѣдующемъ вопросѣ: точно ли есть будущая жизнь для человѣка? Не все ли оканчивается для него гробомъ и могилою; а потому не бесполезны ли его труды, какіе онъ употребляетъ на пріобрѣтеніе богопознанія? Не лучше ли, не разумѣе ли было бы съ его стороны то, чтобы искать для себя такихъ познаній, которыя прямо пригодны къ жизни настоящей, въ предѣлахъ которой, быть можетъ, заключено все его бытіе?—Сомнѣніе относительно дѣйствительнаго существованія вѣчной жизни предполагаетъ крайнюю скудость богопознанія въ душѣ сомнѣвающагося человѣка. Оно есть прямое доказательство того, что такой человѣкъ не знаетъ Бога и Его неизмѣнной воли, съ какою Онъ далъ человѣку жизнь временную и поставилъ его среди этого міра.

Человѣкъ истинно разумный, знающій Бога, не можетъ сомнѣваться въ безсмертіи души и своемъ загробномъ существованіи. Онъ необходимо допускаетъ вѣчность уже по-

тому, что для него есть бытіе временное, которое безъ отношенія къ бытію вѣчному не имѣло бы значенія и цѣли; слѣд. представляло бы собою одинъ призрачный сонъ, обманчивую мечту, пустую игру воображенія. Прекрасное разсужденіе объ этомъ находимъ въ книгѣ премудраго Екклезіаста, который обзрѣлъ своимъ умомъ весь міръ, начиная отъ движенія солнца, стремленія вѣтровъ, теченія водъ и обращенія ихъ къ своимъ источникамъ—до послѣдней вещи, существующей подъ солнцемъ, и во всемъ этомъ онъ, безъ отношенія къ нравственному усовершенствованію и вѣчности, усмотрѣлъ одну обширную пустоту, не имѣющую никакой мысли, названную имъ выразительнымъ словомъ: «суета»!—Далѣе, нисходя въ сферу жизни людей, разбирая дѣла ихъ, заботы, радости и печали, онъ и тутъ ничего не находилъ, кромѣ одной суеты, для которой не стоитъ и жить разумному существу. Разсматривалъ онъ самихъ людей и хотя замѣчалъ, что одни изъ нихъ преимуществуютъ предъ другими мудростію, хотя сознавалъ невыгоды тѣхъ, которые ваходятся въ жалкомъ состояніи безумія; но безъ отношенія къ жизни вѣчной не нашелъ никакого различія между тѣми и другими; потому что всѣмъ имъ одинъ конецъ—уничтоженіе. *Яко случай одинъ случится всѣмъ имъ* (Еккл. 2, 14). Значитъ, нѣтъ пользы чело-

вѣку въ томъ, будетъ ли онъ временно премудръ, или безуменъ! Этого мало: если нѣтъ для человѣка безсмертія и вѣчности: то, по разсужденію мудраго проповѣдника, нѣтъ даже различія въ томъ, быть ли скотомъ, или человѣкомъ; *ибо и тѣмъ якоже случай сыновъ человѣческихъ, случай единъ имъ: якоже смерть того, тако и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ, и что излишне имать человѣкъ паче скота? Ничтоже: яко всяческая суета. Вся идуть во единю мѣсто; вся быша отъ персти, и вся въ персть возвращаются* (Еккл. 3, 19—20).

При этихъ разсужденіяхъ премудраго, ненавистною показалась ему жизнь со всѣмъ, что въ ней есть великаго, радостнаго и привлекательнаго для человѣка (Еккл. 2, 17), и онъ предпочелъ участь умершихъ участи живыхъ, а блаженнѣйшими тѣхъ и другихъ называлъ еще перодившихся на свѣтъ, которые даже не видали лукаваго творенія, сотвореннаго подъ солнцемъ (Еккл. 4, 2—4).— Но поелику такой взглядъ на міръ крайне противорѣчитъ разуму: то самый разумъ необходимо требуетъ смотрѣть на міръ настоящій въ неразрывной связи съ будущимъ, при чемъ онъ является уже не суетою, а величественнымъ храмомъ, отражающимъ въ себѣ славу своего Творца, въ которомъ все запечатлѣно,

глубокимъ смысломъ и который разнообразіемъ своихъ предметовъ открываетъ обширныя и мудрыя средства къ достиженію цѣлей вѣчныхъ существамъ разумнымъ и бессмертнымъ. Правда были и есть мыслители, которые хотятъ установить свой взглядъ на вселенную независимо отъ жизни вѣчной и которые въ самомъ дѣлѣ не допускаютъ различія между человѣкомъ и скотомъ, кромѣ одной вѣшной организаціи ихъ тѣлеснаго состава; но этотъ взглядъ и не содержитъ въ себѣ ничего разумнаго; онъ показываетъ только крайнюю степень ниспаденія этихъ людей до скотоподобія. А до такого жалкаго ниспаденія человѣкъ всегда можетъ доходить, если онъ не возвышается къ лучшему образу мыслей силою богопознанія. Въ такихъ людяхъ можно ли и искать истины?

Кому присуща истина, тотъ не можетъ иначе смотрѣть на временную жизнь человѣка, какъ на приготовительный періодъ его бытія, въ продолженіи котораго онъ свободно долженъ дать себѣ извѣстное образованіе, чтобы потомъ вѣчно оставаться такимъ, какимъ самъ пожелалъ быть. - Человѣкъ можетъ не соглашаться съ этою истиною, можетъ упорно противиться ей; но дѣло въ томъ, что онъ ничего неможетъ сказать противъ нея разумнаго и основательнаго. Мыслящій разумно всегда

признаетъ дѣйствительность будущей вѣчной жизни; а признавъ вѣчную жизнь, онъ по необходимости почувствуетъ особенное расположеніе къ пріобрѣтенію свѣта богопознанія; потому что подъ вліяніемъ сего свѣта яснѣе раскрываются предъ нимъ черты будущей жизни и совершается внутреннее, таинственное его перетвореніе для оной жизни.

Такимъ образомъ, съ какихъ сторонъ мы ни рассматривали бы богопознаніе, оно во всѣхъ отношеніяхъ представляется познаніемъ первымъ—существенно необходимымъ для человѣка. Таково это познаніе по самому своему предмету, который есть Богъ. Великъ этотъ предметъ самъ въ себѣ; великое дѣло—наше познаніе о Немъ;—велика вещь, только уже съ противной стороны, и наше незнаніе сего предмета!

Богъ есть истинная, безконечная и вѣчная жизнь; въ Немъ одномъ источникъ жизни и всѣхъ тварей, слѣд. и человѣка. Отпадая отъ Него невѣдніемъ, духъ человѣка отпадаетъ отъ истинной, вѣчной жизни, становится мертвымъ и безбожнымъ въ мірѣ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ о язычникахъ, невѣдущихъ Бога (Еф. 2, 12).

Богъ есть вѣчная Истина—источникъ истины и премудрости для разумныхъ тварей. Отпадая отъ Него невѣдніемъ, разумъ чело-

вѣческій повергается въ область лжи и заблужденія, человѣкъ становится сыномъ отца лжи и предается въ неискусенъ умъ творити неподобная (Рим. 1, 28).

Богъ есть истинное и вѣчное благо, святость и источникъ освященія для всего существа человѣческаго. Отпадая отъ Него невѣдѣніемъ, духъ человѣческій ниспадаетъ изъ свѣтоносной области добра и святости въ мрачную область зла, грѣха и всякой нечистоты.

Въ Богъ наконецъ источникъ вѣчнаго счастья и блаженства всѣхъ тварей; въ Немъ одномъ обрѣтаетъ духъ человѣческій совершенное удовлетвореніе всѣхъ лучшихъ своихъ желаній и стремленій, вѣчный покой и блаженство; въ Его срѣтають его бѣдствія и муки, скорбь и всякая тѣснота. Отпадая отъ Бога невѣдѣніемъ, духъ человѣческій неминуемо впадаетъ изъ состоянія покоя и блаженства въ состояніе скорбей и мученій.

Предоставляемъ послѣ сего судить каждому о той образованности, безъ которой человѣкъ считается въ свѣтѣ непроевѣщеннымъ и невѣждою, которая потому любителями превѣщенія покушается на вѣсь сребра и золота, и которая между тѣмъ идетъ вопреки священныкъ истинъ, изъ совокупности которыхъ составляетъ спасительное богопознаніе! Удивительно, какъ защитники и представители

такой образованности, чрезъ которыхъ она распространяется на другихъ, терпятъ въ обществахъ человѣческихъ, и не только терпятъ, но и находятъ себѣ здѣсь сочувствіе, пользуются уваженіемъ и, какъ народные просвѣтители, признаются за какихъ-то благодѣтелей, тогда какъ для нихъ нѣтъ имени, которое съ точностію обозначало бы весь ужасъ зла, отъ нихъ происходяго! Чѣмъ дарить эту образованность человѣчеству и какое благодѣяніе получаетъ отъ ней тотъ, кому она достается въ собственность, это само собою видно изъ нашихъ предыдущихъ разсужденій о важности и значеніи богопознанія. Скажутъ: всегда ли и само богопознаніе приноситъ въ человѣкѣ тѣ великіе плоды, которые мы ему усвоаемъ? Напротивъ не бываетъ ли на дѣлѣ и такъ, что тѣ, которые изучили всѣ богословскія истины, перенесли, такъ сказать, все евангельское ученіе въ свое сознаніе, и между тѣмъ по своей жизни и своимъ внутреннимъ качествамъ ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ, остающихся въ невѣдѣніи Бога? Такой вопросъ часто приходится слышать, и онъ обыкновенно выставляется какъ возраженіе противъ силы и важности богопознанія.—При разрѣшеніи таого возраженія прежде всего считаемъ за нужное обратить вниманіе самихъ возражающихъ на то, не надѣлине ли они

строги въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, хранящихъ въ себѣ свѣтъ богопознанія? Не слишкомъ ли они скоропоспѣшно и какъ-бы преждевременно хотятъ видѣть въ другихъ плоды, приносимые богопознаніемъ въ свою пору и въ свой, опредѣленный для этого, срокъ? И если этотъ срокъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ для плодовъ духовныхъ: то представленное нами возраженіе легко разрѣшается однимъ горчичнымъ зерномъ, взятымъ изъ евангельской притчи, въ которой Господь раскрываетъ послѣдовательность развитія небснаго царствія, или силы своего ученія въ душахъ, приемяющихъ его. *Подобно есть царствіе небесное, говоритъ Онъ, зерну горшичну, еже вземъ человекъ всѣя на сѣль своемъ: еже малыше убо есть отъ всѣхъ сѣмень: егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зельй есть, и бываетъ древо: яко приити птицамъ небеснымъ, и витати на вѣтвехъ его* (Мѡ. 13, 31—32). Въ слѣдъ за этою притчею приводится Господомъ другая, выражающая тотъ же смыслъ: *ину притчу глагола имъ (ученикамъ): подобно есть царствіе небесное квасу, екоже вземши жена скры въ сатъхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся* (ст. 33). Это значитъ, что какъ зерно, брошенное въ землю, невдругъ возрастаетъ и является въ полномъ своемъ развитіи, или

какъ закваска, полагаемая въ хлѣбный составъ, не тотчасъ проникаетъ его и сообщаетъ ему свой вкусъ, но для этого требуется немалое время: такъ и сила божественнаго ученія, привившись къ душѣ человѣка, нескоро производитъ въ ней всю полноту своихъ дѣйствій и приноситъ свои плоды. А потому справедливы ли тѣ, которые разомъ хотятъ видѣть въ человѣкѣ то, что имѣетъ открыться въ немъ впоследствии подѣ влияніемъ спасительной силы божественныхъ истинъ?

Впрочемъ не отрицаемъ и того, что есть люди, въ душахъ которыхъ спасительныя истины божественнаго ученія остаются безплодными и недѣйствующими, хотя онѣ хорошо извѣстны имъ. Такіе люди замѣчены въ св. евангеліи, которое говоритъ объ нихъ слѣдующее: *горе вамъ законникомъ, яко взясте ключъ разумнїя: сами не внидосте, и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). Вотъ, до чего можетъ простираться омертвѣніе человѣческаго духа, что онъ, обладая знаніемъ божественныхъ таинъ, ни самъ не пользуется ими во спасеніе себѣ, ни другимъ не содѣйствуетъ къ приобрѣтенію жизни вѣчной, и не только не содѣйствуетъ, но даже препятствуетъ, примѣшивая къ чистой истинѣ свою ложь, и запутывая души простые, жаждущія истины, въ сѣтяхъ личныхъ своихъ расчетовъ. По-

чему въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ объ этихъ людяхъ такъ: *внемлите отъ лживыхъ пророковъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодовъ ихъ узнаете ихъ* (Мѡ. 7, 15—16). Какъ же изъяснить это явленіе, что человѣкъ, и при сознаніи истины, привоситъ плоды не истины, а лжи и неправды? Отвѣтъ на этотъ вопросъ скрывается въ тайнѣ сердца людей подобнаго рода, т. е. въ неискренности ихъ чувства, лукавствѣ души, нечистыхъ цѣляхъ, съ какими они приступаютъ къ изученію истинъ Божіихъ, употребляя ее въ одно прикровеніе того, что лежитъ въ глубинѣ ихъ духа. Слѣд. собственно говоря, не истина Божія остается безсильною и недѣйствительною въ этихъ людяхъ, а они сами оказываются нерасположенными къ тому, чтобы она являла въ нихъ свою силу, и такую нерасположенностію своею они сами обращаютъ себя въ сухія и безплодныя деревья. Такихъ людей мы и не имѣли въ виду, при своемъ разсужденіи о силѣ и важности взятаго нами предмета, какою онъ имѣетъ для душъ, прямыхъ, поставляющихъ себя въ искреннее—чуждое всякаго предзанятаго лукавства и лицемѣрія, отношеніе къ сему предмету. А если бы кто сталъ представлять намъ именно людей лукавыхъ и совсѣмъ нераспо-

ложенныхъ къ истинѣ въ подрывѣ высказанныхъ нами мыслей о своемъ предметѣ: то намъ остается сказать святое слово евангелія: *еда обѣмлютъ отъ тернія грозды, или отъ репѣя смоквы? Тако всяко древо доброе плоды добры творитъ: а злое древо плоды злы творитъ.... Тъмъже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѡ. 7, 16—20).— Недобрые плоды, приносимые тѣми, которые, повидимому, представляются хранителями истины, свидѣтельствуютъ, что они на самомъ дѣлѣ находятся въ союзѣ не съ истинною, а ложью.

—

СВИДѢТЕЛЬСТВА СТАРОПЕЧАТНЫХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ О ДОСТОПОКЛАНЯЕМОМЪ ИМЕНИ ІИСУСЪ.

—

Къ доказательствамъ того, что наши раскольники въ своихъ спорахъ о преимуществѣ своихъ обрядовъ богослуженія предъ нами, стоятъ не за истинную церковную древность, а за свои толки, надобно причислить и то, что они, несмотря на свидѣтельства старопечатныхъ нашихъ книгъ о наименованіи Господа Христа, въ старину, Іисусомъ, не хотятъ признать это имя принадлежащимъ Ему. При такихъ свидѣтельствахъ, изъ благомыслящихъ людей, безъ сомнѣнія, никто не сталъ бы утверждать, будто у насъ на Руси до патріарха Никона не именовали Господа и Спаса Христа Іисусомъ, а всегда и въ книгахъ и на иконахъ имя Его писалось—подъ титлою Іс, а безъ титлы Ісусъ ⁽¹⁾; но они не перестаютъ

(1) Помор. отв. 50. ст. 13.

думать, будто подъ именемъ Иисусъ надобно поклониться антихристу—существу во всемъ противоположномъ воплотившемуся, нашего ради спасенія, Сыну Божию.

Хотя въ оправданіе свое они и говорятъ, что потому несогласны называть вмѣстѣ съ нами, по примѣру предковъ нашихъ, жившихъ до патріарха Никона, Господа Христа Иисусомъ, что такъ называютъ Его, изъ старинныхъ книгъ, печатанныя въ городахъ кіевской митрополіи, и то очень рѣдко; а кіевская митрополіа, со времени митрополита Михаила Рагозы (1595 г. по Р. Х.) отпала отъ истиннаго православія (1); притомъ въ этихъ же самыхъ книгахъ имя Иисусово называется образомъ Христовымъ, ибо здѣсь о сынѣ Навинѣ сказано, что у него *имя Иисусово образъ бѣше Христовъ* (2); но одни эти обстоятельства не могли бы побудить ихъ имя Иисусово относить не къ Господу Христу. Ибо въ другихъ случаяхъ они не сомнѣваются въ истиннѣ старинныхъ нашихъ книгъ, печатанныхъ въ городахъ кіевской митрополіи; но какъ сами нерѣдко свидѣтельствуются ими (помор. отв. 5, 50), такъ и всѣмъ православнымъ хри-

(1) Разглагольствія старообрядца съ новообрядцемъ. отв. 18.

(2) Бесѣд. на 14 посланій ап. Павла. л. 3042.

стіанамъ вѣняють въ обязанность читать многія изъ нихъ, для собственнаго назиданія (Кирил. кн. л. 7). Притомъ Иисусомъ Господь Христосъ въ старину именовался не въ однихъ печатанныхъ въ области кievской митрополіи книгахъ. Въ бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу (изд. 1850 г. л. 82), показаны четыре старинныя евангелія, изъ печатанныхъ въ Москвѣ, въ которыхъ Онъ названъ Иисусомъ. Сверхъ сего Онъ именуется *Иисусомъ* въ бол. Іосифовскомъ сборникѣ (л. 50, 51, 720, 721, 800, 807), *Иисусомъ*—въ постной тріоди Іосифовской (Пешехонова отв. 52, и Истинно древн. и православн. Церк. изданія четвертаго. част. 2). А о томъ, что усвоенное Ему въ старинныхъ книгахъ имя Иисусъ, усвоено Ему въ подлинномъ, а не переносномъ смыслѣ, и спору быть не можетъ. Ибо ужели Иисусово имя есть образъ Христовъ въ слѣдующихъ словахъ евангелій—Гермогеновскаго, печатан. 1606 г. на об. 3 л.: *Иісѣ Хво рожство сиць бѣ*, и Іосифовскаго, печат. 1644 г. Лук. зач. 8: *Иісѣ преспѣваше премудростію*, зач. 10: *Иісу крещшуся?* И ужели упоминаемые въ Дѣяніяхъ апостольскихъ заклинатели (гл. 19), произнося надъ насло-ванными отъ злыхъ духовъ имя Иисусово, заклинали неподлиннымъ именемъ Христовымъ? Въ бесѣдахъ на Дѣянія апостольскія

это обстоятельство такъ описано: «начаша же нѣщыи отъ скитающихся іудей обаявникъ именувати на имущыя духи нечистыя имя Га Іса глаголюще: заклинаеть вы *Iscovsomъ*, его же Павель проповѣдуетъ» (л. 368) (1). Если взять во вниманіе то, что они говорятъ о появленіи имени Іисусъ въ книгахъ, печатанныхъ въ области кіевской митрополіи; то нельзя не видѣть, что они не принимаютъ сего имени вслѣдствіе своей увѣренности въ томъ, что будто оно не можетъ принадлежать воплотившемуся, нашего ради спасенія, Сыну Божію. Ибо они говорятъ, что чрезъ напечатаніе имени Іисусъ, въ печатанныхъ въ Кіевѣ книгахъ, оно введено на Руси пока частно; Никонъ же уже во всѣ свои книги ввелъ оно. Почему въ томъ, что имя Іисусъ прежде стали употреблять въ кіевской митрополіи, гдѣ въ 1595 г. введена унія, они видятъ приуготовленіе, со стороны папистовъ, къ истребленію имени Іисусъ во всей русской Церкви, со времени патріарха Никона (2).

(1) О томъ, почему имя Іисусъ въ старину писалось и печаталось Іс, Ісусъ, чит. Бесѣд. къ глаголемому старообрядцу на об. 68 и 99 л.; Исторіи раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, л. 77 и далѣе; Истин. соловецкой обители стр. 48, 49.

(2) Въ цвѣтникахъ, писанныхъ безпоповцами, имя Іисусъ рѣшительно представляется изобрѣтеніемъ

Если ясныя свидѣтельства старопечатныхъ книгъ объ имени Иисусъ доселѣ не расположили раскольниковъ называть Господа Христа Иисусомъ: то главною причиною сего есть то, что они думаютъ, будто чрезъ никоновское исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ, въ русской Церкви, истреблена преданная св. апостолами и св. отцами вѣра, и весь истинно православный церковный чинъ и уставъ нарушенъ, никоновскія же книги всѣ напечатаны богопротивно и развращенно. Подъ вліяніемъ такого понятія о нынѣшнихъ нашихъ книгахъ, они видятъ въ каждомъ обрядѣ и каждомъ словѣ здѣсь, которыхъ не было въ печатанныхъ до Никона книгахъ, отступленіе отъ истинной вѣры, и проявленіе свойствъ и дѣйствій антихриста, какъ онъ описанъ св. апостолами, и св. Ипполитомъ и Ефремомъ, въ извѣстныхъ словахъ ихъ объ антихристѣ. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, Иисусъ есть антихристъ отъ того, что со введеніемъ сего имени въ церковныя книги, воспрещено именовать Господа Христа Иисусомъ; ибо антихристъ, говорятъ они, ссылаясь на Ефрема Сирина, *всяцѣмъ коварствомъ куется, да отнюдь имя Господа Спасителя пресвя-*

емъ римскаго папы, на основаніи Апокалипсиса (безъ сомнѣнія раскольническаго, семитолковаго).

тое и славное не именуется (л. 234); отъ того, что св. Димитрій ростовскій, чтобы доказать, что Христось Господь не можетъ называться Исусомъ, объяснилъ подлинный смыслъ греческаго слова Исусъ; ибо антихристь, говорятъ они, на основаніи словъ Іоанна богослова, отверзетъ уста свои въ хуленіе къ Богу хулити имя Его (Апок. 13, 6); отъ того, что у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ церковныхъ книгахъ начали печатать имя Исусово, отмѣнили раскольническіе обряды богослуженія; ибо антихристь, по словамъ ихъ, основаннымъ на словахъ апостола Павла, превознесетъ паче всякаго Бога или чтимища, яко състи ему въ церкви, аки Богу, показующу себе, яко Богъ есть (2 Сол. зач. 275); отъ того, что раскольниковъ отъ своеволія удерживаютъ гражданскими мѣрами; ибо антихристь, говорятъ они, свидѣтельствуясь Ипполитомъ, не хотящихъ его послушати томленьемъ и неизцѣтными муками лютыми и казньми изнуритъ (л. 132); кратко сказать отъ того, что со временъ введшаго у насъ въ церковныя книги имя Исусово, патріарха Никона перестали молиться Богу, по печатаннымъ, при прежнихъ пяти русскихъ патріархахъ, книгамъ; ибо во время антихриста, говорятъ они, основываясь на Ипполитѣ, писанія небрегома будутъ, священницы

лжу возлюбятъ, всюду будутъ церковная развращенія, богоугодная служба неимать быти; печатавныя же до Никона квиги они почитаютъ несомнительно вѣрными, потому что по нимъ якобы спасались прославившіеся до Никона святые, рускіе.

Въ особенности же у нихъ Исусъ есть инъ Исусъ (не только отличный, но и совершенно противный Исусу, котораго одного якобы у насъ на руси до Никона исповѣдали), большею частію, отъ превратнаго пониманія ими словъ: а) самого Господа Христа: *азъ приидохъ во имя Отца, и не приимете мене; аще инъ приидетъ во имя свое, того приимете* (Іоан. 5, 43). Ибо подъ именемъ иного, пришедшаго во имя свое, они разумѣютъ Исуса, принявшаго букву *и* въ писанное, въ старинныхъ книгахъ, имя Христа Господа Исусъ, а не лжехристовъ и лжепророковъ (Матѳ. 24, 24), которые, не бывъ посланы отъ Бога, самовольно являлись къ іудеямъ, и вопреки Исусу Христу не учили любви Божіей, а только возбуждали народъ іудейскій къ неповиновенію римскому правительству.

б) Іоанна богослова: *кто есть лживый, точію отмѣтайся, яко Ис нльсть Христосъ, сей есть антихристъ, отмѣтайся Отца и Сына* (1 посл. 2, 22). Ибо они думаютъ, будто воплотившійся Сынъ Божій

Христомъ можетъ быть, только именуясь Іс; а если прибавить здѣсь букву *и*, то Христа не будетъ, а явится, вмѣсто воплотившагося Сына Божія, противникъ Его—антихристъ.

в) Апостола Павла: *аще бо грядый инаго Іса проповѣдаетъ, егже не проповѣдохомъ* (2 Кор. 4, 4). Ибо проповѣдующимъ инаго Іса они почитаютъ называющаго Христа Господа Иисусомъ, а не того, кто воплотившемуся Сыну Божию приписываетъ совѣмъ другія дѣла и свойства, нежели о которыхъ проповѣдали св. апостолы Его.

г) Бол. Катихизиса, въ которомъ объ употреблявшемся, въ старину, Христовомъ имени *Исусъ* сказано, что оно есть еврейское. Ибо они воображая, что Спаситель у евреевъ въ самомъ дѣлѣ называется *Исусъ*, думаютъ, будто у насъ чрезъ то, что въ это имя внесена буква *и*, измѣнено самое лице Спасителя міру, и на мѣсто Его поставлень, имѣющій явиться въ концѣ міра, противникъ Его.

д) Блаженной памяти митрополита московскаго Платона, который въ своемъ богословіи, на основаніи ученія св. апостола Павла о крещеніи (Тит. зач. 302 и 1 Кор. зач. 134), къ видимымъ дѣйствіямъ тайны крещенія относитъ погруженіе крещаемаго въ воду, съ произнесеніемъ словъ: крещается рабъ Бо-

жій N во имя Отца и Сына и Св. Духа, а къ невидимымъ и вѣрою постигаемымъ—омовеніе крещаемого отъ всѣхъ грѣховъ, кровію Христовою, т. е. то, что Отецъ небесный съ вѣрою крещаемому оставляетъ грѣхи, ради заслугъ и смерти Ходатая нашего. Ибо изъ сихъ словъ его они заключаютъ, будто поклоняемый нами Іисусъ не единосущенъ Отцу, самъ не имѣетъ власти прощать грѣхи человѣческіе, и прощаетъ грѣхи крещаемому одинъ Отецъ (единъ составъ отчій), безъ всякаго участія Сына и Св. Духа.

е) Нынѣшняго иконописанія. Ибо они думая, что икона и изображаемый на ней одно и тоже, утверждаютъ, что воплотившійся нашего ради спасенія, Сынъ Божій на иконахъ долженъ изображаться только такъ, какъ въ старину, большею частію, изображали Его—съ евангеліемъ въ рукахъ, съ двуперстнымъ благословеніемъ, съ надписью на иконѣ словъ: *ὁ υἱος* или *Ις, Χς*; почему, по ихъ словамъ, если на иконѣ изобразить другія обстоятельства и дѣла земной жизни Его, то существо Его измѣнится, и выдетъ противникъ Его—антихристъ (1).

(1) Чит. раскольниковскія сочиненія: Мечъ духовный; Щитъ вѣры; Обзоръніе крещенія великороссійской Церкви; и сочиненія объ антихристѣ.

Послѣ сего нетрудно понять, что пока раскольники не отрекутся отъ суетной самоувѣренности въ своемъ знаніи божественныхъ писаній, то нельзя ожидать, чтобы они не воспрещали *провѣщавати, или учити о имени Иисусовѣ* (Дѣян. зач. 11), не смотря на то, что о имени *Иисусовѣ* всегда покланялось, покланяется и будетъ покланяться *всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. зач. 240). Ибо какъ всѣ вообще отступленія отъ соборной, апостольской Церкви происходили отъ того, что отпадавшіе *извѣтомъ благочестія мнѣша хранити божеств. писанія и священныхъ канонъ извѣстіе* (посл. патіарха Нила къ новгород. стригольникамъ. Истор. акт. том. 1. стр. 5): такъ и раскольники наши по-своему мудрствуютъ объ имени Иисусъ отъ того, что не имѣютъ ни должнаго уваженія къ подвигамъ, которые предприняли святители православной Церкви (1653—1667 г.), по дѣлу никоновскаго исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ, ни истиннаго понятія объ ученіи, заключающемся въ служащихъ имъ поводомъ къ своимъ толкамъ, старопечатныхъ книгахъ.

ПРОТ. В. ВИШНЕВСКІЙ.

ДѢВЫ МУДРЫЯ И ДѢВЫ ЮРОДИВЫЯ, ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОВИНОВЕНІЯ.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА.

(Матѣ. 25, 1—13).

—

Второе пришествіе Іисуса Христа, изображенное въ этой притчѣ подь образомъ жениха и въ другихъ мѣстахъ подь образами еще болѣе величественными, по своей противоположности съ уничиженіемъ Его въ ясляхъ и на крестѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ объѣваніяхъ Евангелія и въ ожиданіяхъ Его послѣдователей; первенствующая Церковь была сильно занята ожиданіемъ этого пришествія, его ожидали во всѣ времена, ожидаютъ и въ наше время тѣ изъ христіанъ, которые смотрятъ на это событіе какъ необходимое но по времени никому недовѣдо-

мое. Не входя въ семь отношеній въ бесплодныя разсужденія, достаточно помнитъ слѣдующее торжественное изреченіе самого Спасителя: *о дни же томъ и часть никтоже вѣсть, ни ангели небесни, токмо Отецъ мой единъ* (Матѳ. 24, 36).

Но для того, чтобы возчувствовать необходимость приготовиться къ этому славному прішествію Сына человѣческаго, нужно ли знать опредѣленный срокъ его, или необходимо ли исключительно устремить свои взоры на скончаніе временъ и на всеобщій судъ? Не имѣетъ ли оно для каждаго изъ насъ характера дѣйствительности самой непосредственной и самой близкой, дѣйствительности, не позволяющей намъ смотрѣть вверхъ и вдаль? Когда вдругъ приходятъ сказать намъ о человѣкѣ, подобномъ намъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ боленъ, онъ умираетъ; когда образы внѣшняго міра носятся предъ его ослабѣвшими глазами подобно неопредѣленнымъ тѣнямъ; когда самые любимые и самые знакомые голоса доходятъ до его слуха какъ смѣшанные и нераздѣльные звуки; когда смертный холодъ, быстро разливаясь въ его тѣлѣ, останавливаетъ біеніе его сердца, и отъ живаго человѣка остается одинъ только трупъ; когда, говоримъ мы, все это случается съ какимъ нибудь человѣкомъ, — міръ, оканчиваю-

щійся для этого человѣка и новый міръ, начинающійся для него, не есть ли міръ вѣчной дѣйствительности, міръ въ которомъ Иисусъ Христосъ является въ своей славѣ? И не случается ли это, въ самомъ дѣлѣ, каждодневно, ежечасно и ежеминутно съ кѣмънибудь изъ сыновъ Адама? Не случится ли это неизбежно съ каждымъ изъ насъ въ какіе-нибудь годы, въ какіе-нибудь мѣсяцы, въ какіе-нибудь дни, даже, быть можетъ, въ одинъ день, и не достаточно ли этого, чтобы мы примѣнили къ себѣ это торжественное увѣщаніе Иисуса Христа: *бдите убо, яко не вѣсте дне ни часа, въ оныже Сынъ человѣческій придетъ* (Мат. 25, 13)!

Таковъ главный урокъ притчи о дѣвахъ, образъ которой заимствованъ изъ брачныхъ обрядовъ и обычаевъ древняго Востока. Такъ какъ эти обычаи не наши, то мы воспользуемся извлеченными изъ нихъ образами и сравненіями настолько, насколько они могутъ пролить новый свѣтъ на свойство и необходимость того бдѣнія, которое требуется отъ всѣхъ насъ.

Дѣвы, которыхъ Иисусъ Христосъ называетъ *мудрыми*, и дѣвы, которыхъ Онъ называетъ *юродивыми*, одинаково дремлютъ и засыпаютъ въ ожиданіи прибытія жениха; а если мы приложимъ къ себѣ всѣ подробно-

сти и всѣ обстоятельства притчи;—мы увидимъ здѣсь образъ того, что случается вообще со всѣми людьми при ожиданіи смерти, послѣ которой долженъ наступить судъ. Всѣ спятъ, то есть всѣ, среди развлеченій, забываютъ, по крайней мѣрѣ на время, труды и обязанности жизни, забываютъ, что имъ определено умереть, и въ этомъ смыслѣ можно приложить ко всѣмъ людямъ сказанное Иисусомъ Христомъ о современникахъ Лота и Ноя: ѣсть и пить, насаждать и строить, продавать и покупать, жениться и посягать,—вотъ то, что во всѣ времена составляло и будетъ составлять обычное теченіе человѣческой жизни, и это не единственный признакъ, отличающій сыновъ міра сего отъ сыновъ Божіихъ; ибо тѣ и другіе подчинены однимъ и тѣмъ же житейскимъ потребностямъ. Но если бы кто подумалъ, что страхъ смерти можетъ или долженъ заставить всякаго удалиться изъ міра и, такъ сказать, заживо умереть,—мы можемъ сказать, что ученіе Евангелія не таково. Ученіе Евангелія въ этомъ отношеніи всецѣло заключается въ слѣдующей молитвѣ Господа: *не молю, да возмещи ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (Іоан, 17, 15). Но между сынами Божіими и сынами міра сего, даже тогда, когда они, по видимому, живутъ подѣ вліяніемъ однихъ и

тѣхъ же условій, есть существенное различіе, которое изображено въ притчѣ въ видѣ различія дѣвъ мудрыхъ отъ дѣвъ юродивыхъ. Правда, первыя подобно вторымъ спятъ, но свѣтильники ихъ горятъ, сверхъ того они обильно наполнены елеемъ, необходимыхъ для поддержанія въ нихъ огня, такъ что женихъ, въ какой бы часъ онъ ни пришелъ, найдетъ ихъ готовыми. Другія спятъ безъ всякой заботы и свѣтильники ихъ угасаютъ; скоро у нихъ не будетъ елея, свѣтильники ихъ не будутъ зажжены, и когда онъ захотѣтъ купить елея, будетъ уже поздно, дверь будетъ заперта. Объяснимъ теперь кратко эти образы, которые, будучи понятны въ общемъ примѣненіи, оправдываются другими изреченіями нашихъ священныхъ книгъ.

Свѣтильникъ есть душа; пламя жизнь; елей пища, назначенная для ея поддержанія: это есть вѣра, это—молитва, это—упованіе, это—трудъ, это—надежда, это—любовь, это—все то, что питаетъ, все то, что возстановляетъ, все то, что заставляетъ душу жить жизнью Бога, приближая ее къ Нему.

Спящіе, не запасшись этимъ елеемъ радости, какъ называетъ его слово Божіе, суть тѣ, которые всецѣло дѣлаются рабами видимыхъ вещей, тѣ, которые думаютъ только о землѣ и о настоящемъ и которые слѣдовательно

живутъ согласно съ пожеланіями своихъ
 очесъ и своего сердца, отдавшись въ рабство
 страстямъ и грѣху. Это тѣ несчастные не-
 вольники чувственности, тѣ идолослужители
 матеріи и плоти, которые унижаютъ до са-
 мыхъ низкихъ инстинктовъ благородныя спо-
 собности души, созданной Богомъ по Его обра-
 зу. Это тѣ скупцы, страстные поклонники зо-
 лотаго тельца, которые всегда говорятъ фор-
 тунѣ: приложи, приложи, которые только ду-
 маютъ о наполненіи своихъ житницъ и умно-
 женіи своихъ сокровищъ, забывая о той ночи,
 когда душа ихъ будетъ потребована отъ нихъ.
 Это тѣ честолюбцы, которыхъ сѣдаетъ суета,
 которыхъ пожираетъ тщеславіе, которые
 съ безразсудною горячностію преслѣдуютъ
 тысячи ложныхъ благъ, не могущихъ попасть
 въ ихъ руки, и которые не видятъ конца сво-
 ему поприщу и своимъ стремленіямъ, не ви-
 дятъ, какъ они стремятся къ неизбежной
 безднѣ, всегда готовой поглотить ихъ. Это,
 однимъ словомъ, всѣ тѣ грѣшники, которые
 находятъ удовольствіе въ своихъ грѣхахъ и
 которые коснѣютъ въ нихъ, не видя ни
 серьезной цѣли для своей жизни, ни утѣши-
 тельной надежды послѣ своей смерти. Что
 будетъ съ вамп, грѣшники, когда небесный
 Женихъ вашей души придетъ взять ее среди
 ея сна, когда обманчивыя сновидѣнія, кото-

рыми она питалась, исчезнуть, уступая мѣсто вѣчной дѣйствительности, забытой ею?

Вотъ тѣ новыя небеса и та новая земля, гдѣ должна обитать правда; вотъ тотъ день вѣчной жатвы, когда цвѣлы отдѣлятся отъ доброй пшеницы; вотъ то частное, такъ сказать, пришествіе Сына человѣческаго, котораго такъ сильно всегда желали многія благочестивыя души. Но вы, которые не признали Его и, быть можетъ, отверглись Его предъ людьми, если не своими словами, то, по крайнѣй мѣрѣ, своимъ поведеніемъ, вы, которые не искали ни Его царства, ни оправданія въ Немъ, вы, которые ударяете въ двери Его святаго града, имѣя сердце, еще, быть можетъ, преисполненное вашею суетою и вашими сквернами,—чего вы можете ожидать отъ Него, кромѣ этихъ страшныхъ словъ: Я не знаю васъ, Я никогда не зналъ васъ!

Блаженъ, напротивъ, рабъ, котораго найдеть бодрствующимъ его господинъ! Блаженъ вѣрующій, который, по примѣру благо-разумныхъ дѣвъ, запасется елеемъ для своего свѣтильника, то есть, душа котораго будетъ снабжена пищею, оживляющею ее! Блаженъ тотъ, который, освѣтившись лучами солнца свыше, рано устремилъ къ царству Божию свои очи, свои мысли, свое сердце, свою цѣлую жизнь, и хранитъ живущій въ его душѣ

небесный свѣтъ вѣры, надежды и любви! Онъ неменьше другихъ наслаждается всѣми благами, рассыпаемыми благостию Бога по пути его страствія. Онъ наслаждается, напротивъ, ими лучше, съ большею безопасностію и большимъ спокойствіемъ. Никто кромѣ него не находитъ природы болѣе прекрасною, ибо она одушевляется для него присутвіемъ Бога, сохраняющаго ее и оживотворяющаго; никто кромѣ него не вкушаетъ болѣе полно общественныхъ и семейныхъ удовольствій, ибо онъ одинъ чувствуетъ и знаетъ всю цѣну и все достоинство ихъ; никто, наконецъ, кромѣ него не находитъ жизни болѣе цѣлесообразною и болѣе полною, ибо никто не знаетъ, какъ онъ, ея цѣли и ея смысла; такъ что въ ожиданіи благъ будущей жизни онъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ наслаждается всѣми благами настоящей жизни.—Но это бываетъ особенно тогда, когда *день* уменьшается, когда наступаютъ скорби и испытанія, когда пути дѣлаются болѣе трудными и дни болѣе мрачными, когда приходятъ и болѣзнь, и слабость, и старость, печальные предвѣстники смерти, которая ударяетъ въ дверь; тогда особенно бываетъ то, что божественный свѣтильникъ разливаетъ живое пламя, сіяетъ самымъ пріятнымъ и самымъ чистымъ блескомъ; тогда бываетъ то, что душа, пожинающая посѣянное ею,

находить въ себѣ самой опору вѣры самой крѣпкой, надежды самой живой, любви самой возвышенной и самой истинной; тогда она даетъ міру великое зрѣлище, достойное зрѣнія ангеловъ, зрѣлище человѣка внутренняго, который обновляется въ той мѣрѣ, въ какой вѣншній человѣкъ разрушается, и который, подобно святому Павлу, можетъ сказать: *гдѣ ты, смерте, жало; гдѣ ты, аде, побѣда?* (1 Кор. 15, 55). Я знаю, что если наше земное жилище разрушается, то на небѣ мы имѣемъ вѣчное жилище, которое не есть дѣло рукъ человѣческихъ; я знаю, что для меня лучше умереть, чтобы скорѣе быть со Христомъ; я знаю, что живъ мой Искупитель и что Онъ сохранитъ мою сокровищницу, сокровищницу моей души, которую я навсегда отдаю въ Его руки!

Но втайнѣ вы, быть можетъ, думаете, не будетъ ли всегда времени исполнить возложенную на насъ обязанность и приготовиться къ соединенію со Христомъ, когда пробьетъ торжественный часъ смерти, когда царство Божіе будетъ близко? Съ этимъ общимъ заблужденіемъ, съ этимъ обычнымъ самообольщеніемъ мы, по большей части, никогда не расстаемся. Притча, разсматриваемая нами, имѣетъ цѣлю разсѣять его. Когда наступила полночь, раздается крикъ: *се женихъ грядетъ, исходите въ срътеніе его!* Всѣ дѣвы

поднимаются въ срѣтеніе ему, и юродивыя говорятъ мудрымъ: *дадите намъ отъ елѣа вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ* (Матѳ. 25, 8). Но мудрыя отвѣтили: мы не можемъ дать вамъ, опасаясь, что не достанетъ намъ и вамъ; идите лучше къ продающимъ. И въ то время, какъ они пошли купить елѣа, приходитъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ, и двери были затворены. Послѣ того пришли и другія дѣвы и говорили: *Господи, Господи, отверзи намъ*; но опъ отвѣчаетъ имъ: *аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ*.

Мы оставляемъ образъ, достаточпо объясненный, и переходимъ къ дѣйствительности, изображаемой имъ. Этотъ духовный елѣа, питающій душу и поддерживающій ея жизнь, не занимается и не покупается на серебро, ибо онъ долженъ составлять существенную часть нашей души; онъ есть нѣчто внутреннее и личное, и каждый изъ насъ въ семъ отношеніи будетъ отвѣчать самъ за себя. Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ за меня ни вѣрить, ни надѣяться, ни повиноваться, ни освящаться; и это совершенно справедливо, въ этомъ увѣряетъ насъ Тотъ, кто питаетъ духовную жизнь души, кто предуготовляетъ ее къ совершенному просвѣщенію, къ совершенной жизни въ царствѣ Божіемъ на небѣ. Какъ ве-

лко слѣдовательно заблужденіе тѣхъ, которые, проведя жизнь въ духовномъ снѣ и равнодушіи къ своимъ вѣчнымъ благамъ, разсчитываютъ въ послѣднюю минуту на какую либо стороннюю помощь; непонятно, на какую можно надѣяться внѣшнюю силу, которая могла бы дать средства вознаградить потери и восполнить лишенія души! И однако какъ обыкновенна эта ложная надежда! Какъ многочисленны даже между христіанами или, по крайней мѣрѣ, между тѣми, которые называютъ себя христіанами,—какъ многочисленны эти легкомысленные и безпечные люди, которые каждый день идутъ навстрѣчу вѣчности безъ всякаго приготовленія, кромѣ неопредѣленной надежды приготовиться къ ней, въ самый часъ ея наступленія, чудною переменною, имѣющею придти къ нимъ отвнѣ! Грѣшники, кто бы вы ни были, одумайтесь, она не придетъ къ вамъ ни отъ земли, ни съ неба. Ни отъ земли, ибо никакая земная сила не можетъ возвратить вамъ времени, безумно потраченного вами, или возобновить изсякшій источникъ, долженствующій поддерживать жизнь вашей души. Ни съ неба, ибо если всемогущая сила Божія и Его неисчерпаемое милосердіе дѣлаютъ чудеса для спасенія грѣшниковъ, то это дѣлается, конечно, не для тѣхъ, которые познаніе о милосердіи и всемогуществѣ Бо-

жіемъ думаютъ приложитъ къ своему разврату. Внимайте этому вы, которые рассчитываете на предсмертное покаяніе и представительство за ваши грѣхи св. Церкви. Конечно и эта надежда ветшета, и это упованіе небезосновательно; но кто изъ васъ поручится въ томъ, что непремѣнно воспользуется ими, когда будетъ нужно? и притомъ можно ли такъ дерзко и такъ слѣпо надѣяться чрезъ нихъ загладить нерадивость и беспечность всей вашей жизни? Одумайтесь и откажитесь отъ этой неразумной надежды. Въ васъ и у васъ то, чѣмъ долженъ поддерживаться и питаться этотъ божественный свѣтъ, назначенный разогнать мракъ послѣдняго часа; а если вы своимъ небреженіемъ погасите его,—никакая внѣшняя помощь не будетъ въ состояніи возжечь угаснувшій, по вашему небреженію, этотъ свѣтъ Божіей благодати.

Какую надежду это самообольщеніе оставляетъ тому, кто до послѣдней минуты отсрочивалъ великое дѣло своего обращенія, своего спасенія, своего предуготовленія къ вѣчности. То, чего онъ не можетъ найти вовнѣ, найдетъ ли онъ въ себѣ самомъ? Можетъ ли онъ самъ собою и въ одну минуту пріобрѣсть тотъ духовный запасъ, который онъ безумно растратилъ? Условія спасенія, предложенныя всякому человѣку, таковы ли, что

могутъ быть исполнены въ одну минуту? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, достаточно сослаться на простой здравый смыслъ, на самый обыкновенный опытъ, на самое поверхностное познаніе Евангелія и человѣческаго сердца. Какое ни давали бы вы толкованіе Евангелію, а человѣку нужно приготовленіе къ вѣчности, для которой онъ назначенъ. Чѣмъ вы ни назовете это, усовершенствованіемъ ли по вѣрѣ, или освященіемъ,—это равно; по Евангелію, равно какъ по здравому смыслу и по опыту ни то, ни другое не составляютъ дѣла одной минуты. Вѣра не свѣтъ, внезапно образующійся въ душѣ, подобно ночному сіянію; она есть живое сѣмя, которое должно быть посеяно въ землю, взойти, возрасти, принести плоды. Освященіе не есть внезапное преобразованіе; оно есть дѣйствованіе души, сильное и постоянное, которое обнимаетъ всѣ мысли, чувства, желанія, дѣйствія и все поведеніе, которое слѣдовательно есть дѣло всей жизни. И это дѣло, для совершенія котораго самые великіе святые считали недостаточною цѣлую жизнь; это дѣло, которое святой Павелъ, послѣ жизни всецѣло посвященной совершенію его, не считалъ оконченнымъ; это дѣло, для котораго онъ постоянно распиналъ свое тѣло, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, изъ опасе-

ния, не представитъ себя достигшимъ (Филип. 3, 19), вы отсрочиваете съ часа на часъ, изодня на день до послѣдняго дня, до послѣдняго часа, до тѣхъ послѣднихъ мгновеній, когда слабѣетъ всякая сила, когда гаснетъ всякій свѣтъ. И то, чего вы не дѣлаете изъ опасенія лишиться мнимыхъ и самыхъ непостоянныхъ и самыхъ суетныхъ благъ и удовольствій, вы не страшитесь дѣлать это для приобрѣтенія благъ вѣчныхъ! Вы надѣетесь приобрѣсть ихъ, не будучи въ состоянii даже подумать о нихъ! И послѣ этого вы живете спокойно! Вы говорите: всегда будетъ время приготовиться къ послѣднему часу!.. А напротивъ надобно сказать вамъ, что не будетъ болѣе времени. Это говорить вамъ Евангеліе, здравый смыслъ и опытъ. Этотъ часъ придетъ какъ тать въ нощи, онъ застигнетъ васъ совершенно нечаянно, какъ это бываетъ съ человекомъ, неожиданно пробужденнымъ отъ сна, въ какуюнибудь тревогу. Онъ не оставитъ вамъ ни свободы ума, ни силы духа, необходимыхъ для того, чтобы серьезно заняться чѣмънибудь, чтобы хоть скольконибудь удержатъ васъ отъ непостоянства и сомнѣнія въ вѣрѣ, чтобы хоть скольконибудь очистить всѣ скверны вашего сердца и вашей жизни, тогда всякій трудъ будетъ напрасенъ, всякое возбужденіе бесплодно, вы воззовете и вамъ

не отвѣтятъ, вы будете ударять въ двери и вамъ не отворятъ; двери будутъ затворены, будетъ уже поздно.

Будетъ поздно! Эта притча имѣетъ значеніе крайне скорбное и страшное, когда примѣняется къ мірскимъ дѣламъ и интересамъ нашимъ, когда мы принуждены бываемъ, послѣ всѣхъ ошибокъ, обмановъ, неудачъ и раскаяній, сказать: «ужь поздно»—о какомънибудь несчастіи, которое одно нерадѣніе наше сдѣлало неотвратимымъ, объ опасности, которую можно было бы предотвратить. Что же будетъ, когда дѣло коснется бесполезно потраченной жизни, назначенія не выполненнаго, вѣчности потерянной? Что будетъ, если мы будемъ принуждены сказать себѣ: уже поздно обратиться къ освященію, спасенію и приготовленію достойно предстать предъ Богомъ!

О ЧЕРКЪ

РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВЪРОВАНІЙ ЧЕРЕМИСЪ (1).

—

I.

«Егда преплывишася Суру рѣку, тогда и черемиса горная, а по ихъ, чуваша зовомые, языкъ особый, начаша встрѣчати по пяти сотъ и по тысящѣ ихъ, аки бы радующесея цареву пришествію» (2). Въ такихъ словахъ рисуетъ Курбскій первоначальныя отношенія черемисъ къ русскимъ. Не знаемъ, насколько вѣрно это по отношенію къ черемисамъ горнымъ, а что луговые черемисы не были расположены къ русскимъ, объ этомъ свидѣтельствуесть самъ же Курбскій. Такъ онъ говоритъ, что «луго-

(1) Сами черемисы называютъ себя *Мара* и *Марь*, что значитъ собственно мушнина. Татары и чуваша зовутъ ихъ—*чармусь*, а русскіе—*черемисы*.

(2) Сказ. Курбск. стр. 18.

вѣя черемисы з' галицкія дороги» дѣлали «частыя набѣжавія» на русскихъ (1). Въ 1555 году, когда вспыхнулъ въ Казани мятежъ, черемисы принимали въ немъ дѣятельное участіе, подъ предводительствомъ своего князя Алекв. Въ 1555 году черемисы опять взбунтовались, пригласили себѣ царя изъ погайской орды и воевали съ русскими (2). Въ времена самозванства, неурядицы и розни областей черемисы опять заявляли свою самостоятельность.—Въ актахъ этого времени «луговая черемиса», какъ ихъ тогда называли, является постоянно дѣйствующимъ лицомъ и принимаетъ участіе въ земскихъ совѣтахъ. Во времена Пугачева черемисы опять волновались и убивали священниковъ (3).—Мы не намѣрены подробно разбирать причины недовольствія и возстаній черемисъ и говоримъ объ этомъ только потому, что этимъ объясняется отчасти отдѣленность и замкнутость черемисъ. Какъ будто бонся черемисинъ русскихъ и все дальше и дальше жметя отъ нихъ въ глубь лѣсовъ!!

(1) Сказ. Курбск. стр. 24. 27.

(2) Тамже стр. 61. 67.

(3) Въ чебоксарс. уѣздѣ убито: 12 священниковъ, 5 дьяконовъ, 2 дьячка. Въ царевokok. уѣздѣ—1 священникъ. Въ козмод.—2 свящ., 2 дьякона, 1 дьячекъ.. Истор. Пугачев. бунта. Пушк.

Курбскій въ такихъ словахъ описываетъ общественный бытъ черемисъ: «взяла была черемиса луговая царя себѣ съ ногайскія орды, броящаяся христіаномъ и воююще: бо тотъ черемисскій языкъ не малъ есть и зѣло кровопійственъ, и обирается ихъ, глаголютъ, вѣще двадесять тысящей войска; потомъ же егда разсмотривши, пже мало имъ прибыли съ того царя, убиша его и сущихъ съ нимъ татаръ, акн три ста, и главу ему отсѣкоша и на высокое древо взоткнули и глаголали: «мы было взяли тебя того ради на царство, съ дворомъ твоимъ, да обороняеши насъ; а ты и сущи съ тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько волонъ и коронъ нашихъ поѣлъ: а нынѣ глава твоя да царствуетъ на высокомъ колѣ». Потомъ, избравше себѣ своихъ атамановъ, бѣюще и воююще съ нами крѣпцѣ, акн два лѣта, и пакн потомъ ово примиряхуся, ово пакн брань начинаху» (1). Въ этихъ словахъ рисуется весь строй общественной жизни тогдашнихъ черемисъ. Этотъ народъ искалъ только воли и простора, а всякая государственная дисциплина, хотя бы вполне полезная имъ, была имъ ненавистна. Понятно, что общественно-государственный русскій строй былъ имъ несроденъ. Имъ нуж-

(1) Сказ. Курбск. стр. 67.

на была жизнь безъ всякаго вѣшняго контроля, безъ всякой власти. Вотъ и пошли черемисы дальше въ глубь лѣсовъ.. Нагорные черемисы также, большою частію, перешли въ луговую сторону и поселились тамъ по рѣкамъ: малой и большой Кокшагамъ и Илетъ, вытянувшись отъ берега Волги къ вятской и оренбургской губерніямъ. Въ нагорной сторонѣ Волги ихъ осталось очень немного. Въ настоящее время ихъ живетъ тамъ около 10 тысячъ душъ ⁽¹⁾, въ козмодемьянскомъ уездѣ. (Между ними въ настоящее время совершается довольно замѣчательное религиозное движеніе, о которомъ мы скажемъ ниже).

На сѣверѣ казанской губерніи тянется сосновый лѣсъ—боръ. Въ этомъ лѣсу, куда русская колонизація очень мало проникла еще и въ настоящее время, и живутъ черемисы. Черемисскія деревни—это вполнѣ «почивки въ лѣсѣхъ». Поэтому, лѣсъ сдѣлался роднымъ черемисину: въ немъ онъ родился и выросъ, знаетъ всѣ тропинки роднаго лѣса, его ручьи, болота и озера. Лѣсъ же—это и мать кормилица черемисина. Песчаный грунтъ земли мало вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, отъ

(1) Всѣхъ черемисъ въ каз. губ. около 40,000 душъ ревизскихъ.

этого черемисинъ мало привязанъ къ хлѣбопашеству. Онъ скорѣе обращается къ лѣсу и тамъ находитъ возможность добыть копѣйку, а значить и средства къ жизни. Понятна, послѣ этого, симпатія черемисина къ лѣсу. Лѣсъ—это волшебный міръ черемисина, его *idea fixa*; около лѣсу вертится все его міросозерцаніе. Весь сказочный міръ черемисъ вертится около лѣса и его обитателей; всѣ загадки и поговорки вертятся около его же. Черемисскія сказки, большею частію, начинаются такъ: пошелъ мужикъ въ лѣсъ, гдѣ и разъигрывается уже самое дѣйствіе. Дѣйствующими лицами являются: лиса, волкъ, медвѣдь и другіе обитатели лѣса. Лѣсъ, по возрѣніямъ черемисъ, населенъ волшебными существами: въ немъ расхаживаютъ боги, тамже живутъ и злые демоны. Поэтому богослуженія, религіозныя торжества и жертвоприношенія совершаются черемисами въ лѣсу.

Религіозная жизнь этого дикаго, лѣснаго народа должна была, естественно, развиваться подъ вліяніемъ окружающей его природы.—Бѣдна и однообразна окружающая его природа, отъ того бѣдна и однообразна его мифологія. Среди однообразной природы негдѣ разъиграться фантазіи, отъ того и мифологія черемисъ не имѣетъ тѣхъ поэтическихъ картинъ, которыми богаты мифологіи гругичъ сѣвер-

ныхъ народовъ, даже финскихъ племенъ. Предъ нимъ только одинъ лѣсъ, отъ того одинъ лѣсъ только и послужилъ ему въ этомъ случаѣ. Его богъ есть по преимуществу богъ лѣса.

Другія финскія племена, какъ пазѣство, боготворили камни и деревья: приносили жертвы и поклонялись имъ.—Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Уваловъ и Алауна много огромныхъ скалъ. Скалы эти своею громадностію, своею неподвижностію, своею непзмѣняемостію возбуждали въ дѣтскомъ воображеніи финновъ удивленіе и благоговѣніе. На этихъ скалахъ лѣпились и росли, между прочими деревьями, преимущественно хвойной породы, березы, которыя своею формою и видомъ ⁽¹⁾ были довольно отраднымъ явленіемъ на тощемъ сѣверѣ. Кромѣ этого, древесина березы съиздревле служила матеріаломъ для освѣщенія ихъ жилья въ длинныя зимнія и осеннія ночи, а ея кора служила крышею для ихъ жилья, отъ дождя и непогоды. Поэтому, финнъ-язычникъ боготворилъ березу и приносилъ ей жертвы. Какъ житель востока чтилъ лотосъ и пальму, защищавшихъ его отъ зноя, такъ и финнъ чтилъ березу, которая защила его отъ непо-

(1) Черемисы очень любятъ бѣлый цвѣтъ: вся одежда у нихъ бѣлая.

годы.—Черемисы не сохранили вѣры въ камни, потому что въ мѣстѣ ихъ настоящаго жительства нѣтъ почти вовсе камней (1), но почитаніе березы сохранилось до сего времени. Береза всего чаще встрѣчается въ черемисскихъ деревняхъ,—едвали даже это не единственное растеніе, разводимое искусственно луговыми черемисами. Березы растутъ у черемисъ на дворахъ, въ огородахъ и на гумнахъ. Общественныя моленія и жертвоприношенія совершаются преимущественно въ березовыхъ рощахъ. Священныя березы увѣшиваются разными амулетами. На свадьбѣ, въ кругу, гдѣ пируютъ родственники и посторонніе гости, и гдѣ сидятъ женихъ и невеста, ставится молодая березка (2). Огонь при жертвоприношеніяхъ разводится изъ березовыхъ дровъ. Все это показываетъ, что береза есть священное дерево для черемисъ.—Это и должно быть такъ.—Береза для черемисина, въ его домашнемъ быту, также полезна и необходима, какъ она была необходима для жителей Алауна. И теперь еще она служитъ ему матеріаломъ для освѣщенія жилья въ длинныя ночи. Изъ коры ея онъ и теперь еще дѣлаетъ себѣ домашнюю

(1) Въ царевок. уѣздѣ, при его песчаномъ грунтѣ, вовсе почти нѣтъ камней.

(2) Срав. русскую березку на семкахъ...

посуду, напр. кузовья, пещеры и т. п.; ею онъ и теперь покрываетъ свои жилища.

На дальнемъ сѣверѣ, среди непроходимыхъ болотъ, среди бѣдной растительности, главнымъ предметомъ скотоводства служилъ олень. (Мохъ, растущій въ изобиліи по скаламъ и болотамъ, составляетъ главную пищу оленя). Олень былъ для дикаго финна тоже, что для жителей пустынь восточныхъ былъ верблюдъ: олень доставлялъ ему молоко, масло, одежду и служилъ вмѣсто лошади.—Отъ того олень былъ въ большомъ почетѣ между сѣверными финнами, какъ и теперь—между самоѣдами. Въ слѣдствіе такого важнаго значенія оленя въ жизни дикихъ финновъ, въ слѣдствіе того, что стада оленей были главнымъ ихъ богатствомъ, они изобрѣли цѣлый сонмъ духовъ-тадебціевъ, къ которымъ и обращались съ молитвой, въ случаѣ пропажи оленя.—Въ бытовой жизни черемисъ олень не имѣетъ того важнаго значенія, какое имѣлъ на дальнемъ сѣверѣ. Здѣсь другія условія быта, здѣсь фауна другая, отъ того и почитаніе должно было перейти къ другимъ животнымъ, имѣющимъ большее значеніе въ жизни черемисъ. Правда, воспоминаніе о прежнемъ благоговѣніи къ оленю сохранилось и понынѣ. Такъ, присутствіе оленя въ извѣстной мѣстности считается признакомъ особен-

наго божескаго благоволенія. Рога оленей считаются талисманами: ихъ содержать съ особеннымъ почетомъ въ жилищахъ, какъ хранилище отъ козней злыхъ духовъ. Мелко истолченный олений рогъ принимается въ многихъ болѣзняхъ, какъ лучшее лекарство. Но олень исчезъ, уже изъ области зооморфическихъ существъ, а на его мѣсто вступила овца.—Овца имѣетъ очень важное значеніе въ жизни черемисина. Въ лѣсной и холодной странѣ особенно благодѣтельнымъ становится то, что защищаетъ человѣка отъ стужи, а овца единственное существо, которое удовлетворяетъ черемисина въ этомъ случаѣ. Ея шерсть идетъ ему—на кафтанъ, на онучи, на войлоки, а кожа—на тулупы. Поэтому-то овца пользуется особеннымъ почетомъ между черемисами. Въ честь овцы есть особенный праздникъ, извѣстный подъ именемъ *шарыкъ яль* (овечья нога). Праздникъ этотъ совершается въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда особенно чувствуется благодѣтельное вліяніе овечьей шерсти и шкуры. Считается непремѣнною обязанностію домохозяина, чтобы у него, въ переднемъ углу дома, лежалъ войлокъ, на который и садятся приходящіе, почтенные гости.

Кромѣ овцы, у черемисъ пользуется особеннымъ почетомъ еще мышь. Почему она

заслужила такую честь, неизвѣстно. Никакого особеннаго значенія въ жизни черемисъ она не имѣла, да и не могла имѣть, а между тѣмъ въ сказочномъ черемисскомъ эпосѣ она окружена волшебнымъ ореоломъ. Она напр. чудеснымъ образомъ наполняетъ сусѣки хлѣбомъ, а дворъ скотомъ и т. д. Вотъ напр. какъ представляетъ мышь черемисская сказка. Дѣйствующими лицами въ этой сказкѣ являются: отецъ дѣвушки, мачиха ея и сама дѣвушка. Мачиха, какъ часто представляетъ это и русскій сказочный эпосъ, велѣла отцу погубить свою дочь. Отецъ послушался и рѣшился завести ее въ глубь лѣса, чтобы бросить ее тамъ на вѣрную смерть. «Пошелъ мужикъ, говоритъ черемисская сказка (1), въ лѣсъ рубить дрова и взялъ съ собой дочь брать ягоды. Гдѣ, говоритъ, я буду колотить колотушкой, ты туда и приходи на звукъ... Она пошла на звукъ колотушки, а колотушка привѣшена къ ели и колотитъ объ нее отъ вѣтра, а отца нѣтъ. До другой дошла—опять нѣтъ. Шла-шла и дошла до избушки. Нашла тамъ муки и состряпала *ляшку* (2). Пришла мышка и на-

(1) Записана въ царевкокшайскомъ уѣздѣ. Мы приводимъ эту и другія сказки порусски, потому что почеремиски ихъ никто не пойметъ.

(2) Національное кушанье.

чала спрашивать ляшки: сестрица, дай мѣ ляшки. Она дала ей. Наступила ночь, они легли спать вмѣстѣ. Ночью пришелъ медвѣдь (1). Онъ вздуеть огонь, а мышка погаситъ; онъ опять вздуеть, она опять погаситъ. Встали утромъ, начали снѣгъ отгребать отъ избушки (2). Гребли и нашли ржаное зерно; положили его въ сусѣкъ. Потомъ нашли пшеничное; и его положили. Нашли овсяное; и его спрятали. Еще начали грести, нашли пометъ лошадиный, коровій, овечій;—это спрятали въ хлѣвъ. Весь день проработали. Когда наступила ночь, легли спать.—Поутру пошли въ клѣтъ,—сусѣки все полны хлѣба, мышка только по сусѣкамъ побѣгиваетъ; пошли въ хлѣвы,—они полны скотины. Повели скотину поить; а мышка то вертѣлась около ногъ скотины, ее и затоптали. Дѣвушка схоронила ее и помянула блинами, а потомъ начала жить одна. Когда мачиха узнала объ этомъ, она позавидовала ей, и послала мужа отвести въ лѣсъ и свою родную дочь. Родная дочь также пришла въ избушку, состряпала ляшку, но не дала ее мышкѣ, а убила мышку. «Ночью

(1) Срав. ниже взглядъ черем. на медвѣдя, какъ на представителя злаго начала.

(2) Сказка не стѣсняется временами года и спокойно переходитъ отъ лѣта къ зимѣ.

пришелъ медвѣдь, вздулъ огонь, да и съѣлъ ее. Когда пришелъ отецъ, медвѣдь кинулъ ему въ лицо кости дочери. Повторяемъ, неизвѣстно, почему мышь пользуется волшебными свойствами. А что это не простая игра воображенія, а имѣеть мнѣическое основаніе,—это опредѣлить не трудно. Такъ, черемисы считаютъ признакомъ благоволенія божія, если мышь попадетъ въ посуду.—Они вѣрятъ, что если мышь попадетъ въ молоко напр., то коровы будутъ здоровы.

Береза изъ царства растеній и овца и мышь изъ царства животныхъ,—вотъ остатки древняго обожанія природы,—слѣды натуральной религіи. Да и эти остатки держатся уже довольно слабо; они имѣютъ уже значеніе только какъ преданіе, какъ старинное вѣрованіе, какъ житейская мудрость, а не какъ основныя положенія религіозной доктрины.—На мѣсто обожанія предметовъ природы, является уже Богъ, какъ существо личное, съ извѣстными личными качествами. На мѣсто обожанія оленя и овцы, является Богъ, который стережетъ и пасетъ и овецъ, и коровъ, и лошадей; на мѣсто обожанія березы, явился Богъ, который есть владыка лѣса. Правда, понятіе о личномъ Богѣ у нихъ смутно, неопредѣленно и представляетъ еще, какъ увидимъ ниже, олицетвореніе главныхъ силъ природы;

но и попытка составить понятіе о личномъ Богѣ есть уже шагъ впередъ въ религіозномъ міросозерцаніи.

По мѣрѣ развитія, черемисинъ долженъ былъ обратиться отъ земли къ небу, отъ предметовъ неодушевленныхъ и животныхъ неразумныхъ къ существу живому и разумному.—Онъ понялъ, что небо гораздо красивѣе, чѣмъ его бѣдная природа, что отъ неба зависитъ плодородіе земли, что оттуда свѣтитъ солнце—источникъ теплоты. Естественно было предположить, что небо *выше*, важнѣе земли, и что, слѣдовательно, Богу всего лучше и естественнѣе обитать тамъ—на небесахъ. Онъ понялъ также, что человѣкъ гораздо выше, красивѣе и *сильнѣе* по своимъ умственнымъ качествамъ, чѣмъ неодушевленные предметы, или животныя. Естественно было предположить, что Богу всего естественнѣе быть въ образѣ человѣка.—И вотъ, Богъ, существо высочайшее, является обитателемъ неба и въ образѣ человѣка.

Занимаясь скотоводствомъ и сочувствуя кочевой жизни, слѣды которой сохранились въ бытѣ черемисъ донынѣ, черемисинъ въ своемъ представленіи о личномъ Богѣ выразилъ свой идеаль жизни. Богъ черемисъ (Юма, финское Юмала)—это зажиточный крестьянинъ, обладающій большимъ количествомъ скота, и от-

личается отъ простаго смѣрнаго только тѣмъ, что живетъ на небѣ. «Богъ живетъ на небѣ, говоритъ одна черемисская легенда, а человекъ на землѣ. У Бога добра (имѣнія) слишкомъ много, а человекъ бѣднякъ. Лошадей, коровъ, овецъ у Бога на небѣ такъ много, что не видать конца его стадъ (мучашъ оккой)». Онъ живетъ семействомъ, у него есть дѣти; онъ самъ работаетъ. Отношеній къ людямъ онъ почти никакихъ не имѣлъ, отъ того люди его и не знали. Въ этомъ представленіи, въ этомъ сознаніи невѣдѣнія Бога, разительнo выражается переворотъ отъ религіи природы къ представленію Бога, какъ существа личнаго. Черемисинъ прямо сознается въ своей легендѣ, что онъ не зналъ прежде этого личнаго Бога, что прежде мѣсто его заступало у него въ религіи что-то другое. Связующимъ элементомъ между Богомъ и человекомъ является женщина — божеская дочь (1). «У Бога дочь была красавица-прекрасавица, а женихъ-то на небѣ не было:—

(1) Поэтому, кажется, женщина у черемисъ и не стоитъ такъ низко, какъ въ русскомъ крестьянствѣ. Правда, во время свадебнаго поѣзда, женихъ публично бьетъ нагайкою свою будущую жену, но это поздній обычай, перешедъ къ нимъ отъ татаръ и остается только обычаемъ, а нравственнаго значенія не имѣетъ.

были только одни ангелы. Богъ былъ работащій, работниковъ не держалъ: онъ самъ работалъ и дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому нужно было спускаться на землю. Богъ и спускалъ туда дочь свою вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, раскинетъ войлокъ, чтобы онъ доставалъ до земли, и спускаетъ по нему дочь на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: дохъ, дохъ, дохъ—и лошади спускаются; лошади спустятся, она закричитъ коровъ: тпруна, тпруна—спускаются коровы; спустятся коровы, она закричитъ овецъ: ста, ста, ста—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой, я отпасла скотину,—Богъ отворяетъ опять небо, спускаетъ войлочекъ, и она влѣзаетъ на небо, а потомъ кричитъ скотину» (1). Вотъ обстановка, въ ко-

(1) Срав. съ этимъ русское представленіе о томъ, какъ:

«Ягорій свѣтъ поѣзжаючи,
 Святую вѣру вотверждаючи,
 Наѣзжалъ Ягорій на дѣвиць стадо,
 Пасеть стадо да три пастыря,
 Да три дѣвицы, родны сестрицы;
 Волоса на нихъ какъ ковыль-трава,
 А тѣло на нихъ какъ скоро яловая,
 Набиралися духу невѣрнаго, бусурманскаго,
 Они лопятъ по зміиному.
 Ни пройтять Ягорью, ни проѣхати,
 Хотятъ Ягорья потребиати...

торой является, по сказанію черемисской легенды, Богъ.—Между небомъ и землею вѣчная и постоянная связь. Они нуждаются другъ въ другѣ. На небѣ живетъ Богъ, у него много скота, но на небѣ нѣтъ травы, а безъ травы можетъ помереть весь его скотъ. На землѣ есть трава, но нѣтъ Бога.—На небѣ элементъ духовный, на землѣ матеріальный. Тамъ духъ, здѣсь плоть. Они нуждаются другъ въ другѣ: матерія и духъ ищутъ средствъ соединиться между собою. На небѣ есть и животныя, представители стараго зооморфическаго эпоса, но они уже потеряли свое значеніе,—они не управляютъ сами собою, а слѣдуютъ указаніямъ другаго начала,—духовнаго. Они потеряли свое божеское значеніе и уступили его существу личному, а потому и не могутъ быть посредниками между Богомъ и людьми. А посредникъ необходимъ, потому что, не смотря на то, что духовное начало снисходитъ на землю, человекъ не зналъ его. Нужно было, чтобы само Божественное начало приняло его въ общеніе съ собою.—И вотъ, такимъ посредникомъ является женщина, дочь Бога. «Дочь божія, продолжимъ словами леген-

(Калѣк. пер. Безсонова. вып. II. стр. 401). Не олицетворена ли здѣсь борьба славяно-русской, христіанской колонизація съ финскими, языческими націями?

ды, пасла, пасла скотину, ходила, ходила, а жениховъ-то все нѣтъ. Разъ спустилась она на землю и увидала молодца; поговорила съ нимъ и дала ему платокъ (1). При этомъ она учила жениха: смотри, у меня отецъ-то Богъ, онъ не отдастъ меня за тебя;—ты лучше подбери товарищей и меня увези (2), а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ нибудь на колъ. Онъ увидитъ этотъ платокъ, тутъ и будетъ меня искать; не найдетъ, и скажетъ: умерла. Такъ они и сдѣлали. Богъ долго искалъ ее, не нашель и подумаль, что она умерла. Черезъ два года они пришли къ отцу и сказали ему всю правду. Помирлись, и на міровой большой былъ нпръ. Приданого Богъ далъ много. Съ этихъ поръ Богъ и сталъ знакомъ съ людьми». Итакъ, посредникъ оказался вполне вѣрнымъ и надежнымъ. Итакъ, женщина послужила связующимъ элементомъ между Богомъ и человѣкомъ, между небомъ и землею. Женщина—это сила плодородія, сообщаемая небомъ (солнцемъ) землѣ. Солнечный лучъ, упавъ на землю, возбуждаетъ въ ней теплоту и тѣмъ доставляетъ ей способность плодородія. Это-то дѣйствіе неба на землю, это вліяніе

(1) Народный обычай дарить невѣстѣ жениха.

(2) Народный обычай, сохранившійся до сихъ поръ.

солнца и свѣта на плодородіе земли, черемсн-сивъ—язычникъ олицетворилъ подь образомъ брака между дочерью божіею и *молодцомъ*. Личный Богъ черемснъ только по формѣ личнень, а по сущности, по идеѣ, заключающей-ся въ понятіи существа божія, онъ есть олицетвореніе силъ природы. Солнце и его дѣй-ствіе на землю изображено подь образомъ Бога и его дочери.

За этимъ Богомъ,—Богомъ всемірнымъ, безъ различія національностей, слѣдуютъ въ іерархическомъ порядкѣ боги національные. Какъ въ греко-римскомъ языческомъ мірѣ признавали, что у каждой націи есть свое божество, такъ и въ мифологіи черемснъ каж-дая націа имѣетъ своего бога. Въ одной изъ комедій Плавта (*Rudens*) прологистъ, который «по ночамъ блистаетъ на Олимпѣ съ богами, а днемъ пребываетъ между людьми на землѣ, говоритъ:

Qui est imperator divom atque hominum Jupiter,
Is nos per genteis alium alia dispartat,
Hominum qui facta, mores, pietatem et fidem
Gnoscamus; ut quemque adjuvet opulentia (1).

(1) «Юпитеръ, верховный начальникъ боговъ и людей, распределяетъ насъ по націямъ: одного опредѣляетъ къ той націи, другаго къ другой, что-бы разпознавать дѣйствія, нравы, благочестіе и вѣру людей и, смотря по этому, приказывать богинѣ

Подобное говорятъ и черемисы. По ихъ представленію, каждая отдѣльная нація имѣетъ своего бога. Такъ, есть богъ русскій, богъ татарскій и богъ черемисскій. Они не зависятъ другъ отъ друга, но зависятъ отъ верховнаго Бога (Юма). Между собою національные боги не всегда живутъ мирно, но иногда завязывается между ними страшная и ожесточенная борьба. Когда идетъ борьба между ними, то земля трясется, воды выступаютъ изъ береговъ и вихрь вырываетъ съ корнемъ деревья. Большею частію борьба эта не оканчивалась ничѣмъ: боги расходились и каждый оставался при своемъ. Верховный Богъ призывалъ ихъ къ себѣ на судъ и заставлялъ прекратить борьбу, чтобы успокоить и дать миръ встревоженной и возмущенной землѣ. По сказанію черемисской легенды (1), «въ послѣдній разъ (хронологіи у черемисъ нѣтъ), когда была борьба между національными божествами, верховный богъ потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ. Русскій богъ явился прежде всѣхъ, оправдался и всю вину сложилъ на другихъ; за нимъ явился богъ татарскій,—тоже оправдался и сложилъ вину на черемисскаго. Че-

изобиліа награждать нѣкоторыхъ изъ нихъ» (т. е. награждать тѣхъ, которые этого достойны).

(1) Записана въ паревок. уездѣ.

ремисскій богъ вовсе не хотѣлъ являться на судъ: онъ считалъ себя правымъ. За это верховный Богъ прогнѣвался на него и не принялъ его болѣе на небо, а оставилъ въ лѣсу (1). Отъ этого черемисскій богъ и сталъ теперь богомъ лѣса. Лѣсъ—его главное мѣсто-пребываніе и область его царствованія.—Русскій богъ тѣснитъ его уже и въ лѣсу, но все еще не могъ выгнать. Легенда далѣе довольно поэтично представляетъ жизнь этого лѣснаго божества. Ночью онъ ходитъ иногда вокругъ селеній и пасетъ скотину, являясь то въ образѣ человѣка, то въ образѣ оленя. Иногда прогуливается по березивымъ рощамъ... И гдѣ онъ проходитъ,—всѣ деревья кланяются ему до земли, птицы поютъ ему пѣсни, а дикіе звѣри съ благоговѣніемъ рзступаются передъ нимъ. Имя этого божества—*Вадышъ* (2).—Какъ въ лицѣ верховнаго Бога олицетворено благотворное вліяніе солнца—неба на землю, доставляющее ей оплодотворе-

(1) Легенда эта, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія, когда черемисы потеряли уже политическую самостоятельность. Основной мотивъ ея представленій Бога—богомъ лѣса древне, но наказаніе его есть уже новая прибавка.

(2) Русскіе миссіонеры неправильно переводятъ это слово словомъ—идоль. Они руководятся въ этомъ случаѣ голосомъ обрусѣвшихъ черемисъ, для которыхъ прежній богъ сталъ уже идоломъ.

ніе, такъ *Вадышь*—богъ національный есть олицетвореніе вліянія и значенія земной растительности на человѣка. Черемисинъ живетъ въ лѣсу, какъ мы уже сказали выше,—естественно было ему прежде всего понять и оцѣнить значеніе лѣса. Это значеніе и важность лѣса онъ и олицетворилъ въ лицѣ бога Вадышь. Прежде, въ періодъ чисто натуральной религіи онъ непосредственно кланялся березѣ и всему лѣсу, а теперь кланяется божеству Вадышь—олицетворенію ихъ вліянія на него (1).—Береза имѣла огромное значеніе

(1) Срав. съ этимъ въ русскомъ легендарномъ эпосѣ то, какъ

Ягорій свѣтъ поѣзжаючи,
 Святую вѣру, воѣтверждаючи,
 Наѣзждѣ Ягорій ко крутымъ горамъ,
 Ко крутымъ горамъ, ко темнымъ лѣсамъ;
 Какъ гора съ горою онѣ сойдутся,
 Не разойдутся,
 Еще лѣсъ къ лѣсу приклоняется
 По сырой землѣ разстилается,
 Ни пройтить Ягорью, ни проѣхати.

Мы должны повторить прежнее замѣчаніе: не олицетворена ли здѣсь борьба славяно-русской православной колонизаціи съ финскимъ язычествомъ?—Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что *Ягорій*, обращаясь къ лѣсамъ, говоритъ:

«Го лѣса вы темныя!
 Не шатайтесь, ни качайтесь,
 Вы не знаете, что изъ васъ будетъ,—
 Я изъ васъ изъ лѣсовъ изъ темныхъ
 Порублю я церкви соборныя».

(Калѣк. перех. вып. II, стр. 400). Срав. также, какъ лѣсъ представляется волшебнымъ и послушнымъ

лѣ жизни черемиса особенно потому, что кора ея служила ему крышею для жилищъ; отъ того онъ и поклаивался берозѣ (1). Теперь онъ кланяется не самой березѣ, но олицетворенію ея богу Вадышъ. Поэтому названіе его онъ произвелъ отъ глагола *вадышемъ*, что значитъ: любя дереу.—Лѣсъ производилъ свое магическое вліяніе на дикаго черемисина преимущественно ночью: темнота, шумъ и завываніе ночнаго вѣтра, крикъ ночныхъ птицъ особенно поражали воображеніе суроваго черемисина;—поэтому и олицетвореніе лѣса—божество Вадышъ является родственнымъ ночи: слово Вадышъ значитъ и темнота, вечеръ.—Въ лѣсной мѣстности, въ темныхъ ночи, особенно трудно распознавать дороги. Въ темнотѣ лѣсной очень легко сбиться съ правильнаго пути и заблудится. Въ повѣрїяхъ русскаго народа очень много разсказовъ, самыхъ грустныхъ, о томъ, какъ лѣшій зацутываетъ прохожаго въ лѣсу. Есть подобныя разсказы и въ черемисскихъ сказкахъ. Поэтому-то нужно было особое божество, которое указывало бы дорогу, руководило бы человека по лѣсу въ

орудіемъ въ рукахъ бабы-яги.—Мотивъ довольно обыкновенный въ русскихъ сказкахъ.

(1) Сравъ волшебную березу яги-бабы въ русскихъ сказкахъ, которую догадливая дѣвушка подносящая ленточкой; чтобы она пропустила ее мимо, а не захлыстала своими длинными вѣтвями ..

темныя ночи. Такимъ божествомъ явился богъ *Корнавадышь*—богъ дорогъ (корна—дорога). Къ нему обращается черемисинъ съ молитвою, когда ему случится заблудиться.—Съ развитіемъ бытовой, охотной жизни черемисинъ не ограничивается уже лѣсомъ: ему понадобились луга и поля.. Понадобились въ слѣдствіе этого и особые покровители ихъ.—Луга, какъ мы видѣли изъ легенды, имѣли давно уже важное значеніе въ жизни черемисъ: такъ божія дочь является на землю пасти скотину. Занимаясь скотоводствомъ и пастушествомъ, онъ естественно нуждался въ слугахъ.. А такъ какъ хорошей урожай травы, за неимѣніемъ искусственнаго луговодства, зависитъ во многомъ отъ благопріятнаго времени, то естественно было предположить особую небесную силу, которая исключительно завѣдуетъ луговодствомъ. Такъ явился *Шудавадышь*—богъ луговодства (шуда—сѣно). Отъ этого сѣнокосъ у черемисъ не есть просто работа, а всеобщій праздникъ. Они выѣзжаютъ на сѣнокосъ въ лучшей одеждѣ, на лучшихъ лошадяхъ, запряженныхъ въ лучшую сбрую. Вечера на сѣнокосѣ проводятся вполне праздничнымъ образомъ: волюнка и дикіе звуки черемисскихъ импровизированныхъ пѣсенъ не умолкаютъ до полночи.—При землѣдѣліи также понадобилось особое божество, которое завѣдывало бы полеводствомъ. Такъ

появился *Макаръ-Нуръ*—богъ поля (нуръ — поле) (1). Къ нему обращаются черемисы съ молитвою при началѣ посѣва, а равно послѣ уборки новыхъ плодовъ. Моленіе послѣ уборки хлѣба носить названіе моленія о хлѣбѣ и совершается также, какъ и у другихъ финскихъ племенъ: чувашъ и вотяковъ.—(Оно описано Сбоевымъ, въ его замѣткахъ о чувашахъ).

Такова сущность черемисской мифологіи. Таковъ іерархическій порядокъ ихъ божествъ. Въ ихъ религіозномъ міросозерцаніи выразился ихъ взглядъ на явленія міра физическаго: въ божествахъ, какъ мы видѣли, олицетворены силы природы. Всѣ благопріятныя явленія природы, все что приноситъ человѣку пользу, олицетворено въ божествѣ, котораго считаютъ виновникомъ этихъ благъ. Но сверхъ благотворныхъ явленій природы черемисинъ-язычникъ видѣлъ и чувствовалъ и вредныя, видѣлъ и чувствовалъ силу, которая часто приносила ему вредъ и пугала его дикое воображеніе.—Болѣзнь и смерть, шумъ и завываніе ночнаго вѣтра, крикъ ночныхъ птицъ въ лѣсу, неурожай хлѣба, падежъ ско-

(1) Слово *Макаръ*—не русское *Макаръ*—отъ *Макарій*, а свое національное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кав. г. оно употребляется между русскими, какъ бранное.. Ребята пугаютъ: «поди-т-ка, *Макарка*-ти съѣсть.. Какова *Макара* струсила?»

та, пожаръ и др.,—все это такія явленія, которыя тяжело давали себя чувствовать бѣдному черемисину, и которыя онъ никакъ не могъ объяснить себѣ. Въ слѣдствіе этого должно было явиться особое начало,—начало зла, которое всячески старается вредить человѣку, которое собираетъ съ людей, какъ необходимую дань, жертвы; а иначе мучитъ и терзаетъ ихъ. Это начало—*Кереметь*.

Трудно опредѣлить, какое отношеніе имѣетъ это начало къ существу высочайшему (Юма), потому что ни въ одной легендѣ не указываются ихъ взаимныя отношенія: они какъ будто не существуютъ другъ для друга. Между началомъ добра и зла нѣтъ никакого нравственнаго отношенія: они не имѣютъ между собою ни дружбы ни вражды. Да, надобно вообще замѣтить, что черемисы не имѣютъ никакого понятія о нравственности: нравственное добро и нравственное зло для нихъ не существуютъ, а существуетъ добро только физическое, равно какъ и зло—только физическое. Зло—это все, что вредно для физической природы человѣка, наноситъ убытокъ его благосостоянію; и добро—это все, что полезно его организму, что доставляетъ выгоду и пользу его матеріальному благосостоянію. Добро и зло, поэтому, не имѣютъ никакого отношенія другъ къ другу, а имѣютъ отношеніе только къ че-

ловѣку. Юма даруетъ человѣку всякое добро, а Кереметь всячески старается вредить ему, если его не ублаготворить жертвами. Но изъ этого боги не вступаютъ въ борьбу между собою: Юма не оскорбляется нисколько тѣмъ, что Кереметь наноситъ вредъ человѣку, а равно и Кереметь не обращаетъ никакого вниманія на благодворенія Юма. Поэтому черемисинъ чувствуетъ и благоговѣнне къ началу добра и особенно страхъ къ началу зла. Благо, даруемое человѣку богомъ добра, является еще черемисину не столь разитель-но, сколько зло Керемети. Начало зла— Кереметь старается всячески вредить лю-дямъ, поэтому черемисинъ особенно боит-ся Керемети. Онъ слѣдитъ за каждымъ сво-имъ словомъ, разбираетъ каждый свой сонъ, чтобы не подвергнуться мщению Керемети и угадать, чего она требуетъ. Такъ, если онъ увидитъ во снѣ медвѣдя, то слѣдуетъ привести Керемети лошадь, или овцу; а если увидитъ зайца, или потеряетъ во снѣ шапку,—нужно нести Керемети утку, гуся и т. д. Заболитъ ли кто изъ семьи, изъ скота, пропадетъ ли что изъ имѣнія,—черемисинъ идетъ приносить жертву Керемети.

Какъ начало добра, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, является личнымъ только по формѣ, а въ сущности есть олицетвореніе

опля и явленій природы, такъ и начало зла лично только по формѣ, а въ дѣйствительности есть олицетвореніе силъ и явленій природы, наносящихъ вредъ благосоотноію человека. Какъ Тифонъ Египта и Ариманъ персовъ были олицетвореніемъ всѣхъ губительныхъ силъ природы, такъ и Кереметь черемисъ олицетворяетъ въ себѣ все физическое зло. Подуетъ холодный, пронзительный сѣверный вѣтеръ,—дикарь черемисинъ думаетъ, что это злая Кереметь изъ дальнихъ, холодныхъ странъ, изъ погребовъ, наполненныхъ льдомъ, изъ пронастей, гдѣ вѣчная зима, гдѣ никогда не цвѣтеть ни одного деревца, ни одной травки, гдѣ не можетъ жить ни одно животное, кромѣ отвратительнаго косматыя медвѣдя, привязаннаго па дѣни у входа въ пронасть, выслала своихъ помощниковъ—злыхъ духовъ (шайтанъ), которые и заморозили и оледенили все живое на землѣ. Болѣзнь и смерть также возбуждали удивленіе и ужасъ въ дикарь—черемисинъ и онъ не могъ и не можетъ никакъ объяснить ихъ, какъ только предположивъ, что это Кереметь нападаетъ на человека. Какъ въ новѣрїяхъ русскаго простонародья есть 12 дѣвъ лихоманокъ (1),

(1) Всякую болѣзнь, которую и русскій простолюдинъ не можетъ объяснить, онъ считаетъ навож-

которыя треплютъ и морятъ людей, такъ и черемисинъ думаетъ, что всѣ болѣзни и смерть есть непосредственное дѣйствіе злаго начала—Керемети. «Кереметь схватила», говорятъ обыкновенно черемисы, если захвораетъ человекъ. Отъ этого смерть, какъ дѣйствіе злаго начала, страшна для черемисина, а объ отрадномъ будущемъ онъ не имѣетъ никакого понятія. Умирая, человекъ постукаетъ въ власть злаго начала, въ власть Керемети; мало этого, онъ и самъ дѣлается орудіемъ злыхъ дѣйствій Керемети, дѣлается помощникомъ ея дѣятельности. Умирая, человекъ поселяется въ жилищѣ дьяволовъ ⁽¹⁾, входитъ съ ними въ близкое соприкосновеніе, и самъ дѣлается уже злымъ и вреднымъ людямъ, живущимъ на землѣ. Поэтому черемисинъ, если у него умретъ кто нибудь въ семьѣ, спѣшитъ хоронить тотчасъ же. А если этого нельзя сдѣлать ⁽²⁾, то онъ от-

дѣніемъ духа злобы. Вспомнимъ повѣрье о холерѣ и опахиванье селъ и деревень бабами.

(1) Это особенно точно выражается въ воззрѣніи вотяковъ: кладбище они называютъ жилищемъ дьявола (шай, отъ шайтанъ—дьяволъ).

(2) Въ слѣдствіе существующаго у насъ закона хоронить умершихъ черезъ трое сутокъ, крещеные черемисы привуждены бываютъ держать покойниковъ этотъ срокъ.

правляетъ трупъ куда нибудь подалше отъ жилья, въ пустой анбаръ напр, запретъ его тамъ и не ходить туда до тѣхъ поръ, пока не придетъ время хоронить его. Когда выносятъ покойника съ двора, или изъ дома, хозяйка дома, для предостереженія жилья отъ посѣщевій изъ области смерти, кидаетъ въ слѣдъ ему раскаленный камень, парочно приготовляемый для этого. Въ гробъ покойника кладутъ любимые имъ предметы, чтобы ему было чѣмъ заниматься. На могилу ему льютъ пиво, водку, и кладутъ лепешекъ и калачей, чтобы покойникъ былъ сытъ. Ежегодно совершаютъ по умершихъ поминки, которые и состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что льютъ пиво и водку на могилы родственниковъ, чтобы они были сыты и не ходили по домамъ. Это таже жертва Керемети... Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ страхомъ, который чувствуетъ черемисинъ къ покойнику: посѣщеніе покойника (т. е. ночное—сонное видѣніе его) сопровождается непременно большими жертвоприношеніями, заклинаніями, волшебствомъ и т. п. Вся одежда покойника, постель и другія вещи, къ которымъ покойникъ прикасался, или бросаются, или раздаются русскимъ нищимъ. Черемисы боятся даже совершить омовенія умершихъ родныхъ и приглашаютъ для этого русскихъ, которымъ и

платять иногда довольно дорого. Лопаты, скрепки и другія орудія, которыми вырываютъ и особенно зарываютъ могилу, бросаются на кладбищѣ. Такъ непонятна и страшна смерть для черемисина.—И неудивительно; загробное, будущее представляется ему мрачнымъ и унылымъ. Вступая въ царство Керемети, онъ лишается и тѣхъ благъ, того счастья, тѣхъ радостей, которыми онъ могъ наслаждаться на землѣ. Тамъ все мракъ и злоба. Награды за нравственное совершенство, или наказанія за безнравственность черемисинъ вовсе не ждетъ, потому что, какъ мы замѣтили выше, онъ не имѣетъ никакого понятія о нравственности:—о нравственномъ добрѣ и злѣ.

Когда развилось у черемисъ скотоводство, то главными врагами ихъ благосостоянія явились тѣ животныя, которыя лишали ихъ богатства: коровъ, овецъ и лошадей. Главнымъ врагомъ въ этомъ случаѣ явился медвѣдь. Черемисинъ чувствовалъ и понималъ, что медвѣдь сильнѣе другихъ звѣрей, что бороться съ нимъ гораздо труднѣе, чѣмъ съ другими звѣрями,—и вотъ онъ подумалъ, что эта враждебная ему сила есть навожденіе злой Керемети, а потому онъ и сталъ считать медвѣдя представителемъ злаго начала. Поэтому-то, если черемисинъ увидитъ во снѣ медвѣдя,—это значитъ, что Кереметь требуетъ

себѣ самой дорогой жертвы, напр. лошади (1). Но поэтому же, когда уваженіе къ медвѣдю пало, въ слѣдствіе того, что человекъ понялъ свое превосходство надъ нимъ, что, при помощи огнестрѣльнаго оружія, онъ началъ одолевать его, черемисня въ своихъ сказкахъ и поговоркахъ никого не заклеивалъ такимъ беспощаднымъ юморомъ, какъ медвѣдя (2). Его обманываютъ всё на каждомъ шагу.

Помощниками Керемети являются цѣлымъ сонмомъ духи злобы—*шайтаны*. Впрочемъ, надобно замѣтить, понятіе о духахъ какъ-то смутно, неясно, неопредѣленно выражается въ вѣрованіяхъ черемисъ: понятіе о духѣ вовсе не противоположно понятію о материн. Правда, они невидимы, неосязаемы, нечувствуемы.. Какъ слуги Керемети, они главною своею обязанностию поставляютъ вредить людямъ. Стараясь вредить человеку, они опутываютъ его своими сѣтями, поселяются въ его жилищѣ, подслушиваютъ его слова, слѣ-

(1) Срав. повѣрье русскаго народа о происхожденіи медвѣдя. Снес. также повѣрье, воспроизведенное поэтому въ стихахъ:

Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину,
На сорокъ первомъ сплосмалъ..

(1) Срав. подобный же мотивъ въ русскихъ сказкахъ.

дять за его дѣйствіями и доносятъ объ всемъ Керемети. Въ случаѣ, если кто нибудь изъ черемпсъ захочетъ бросить Кереметь, перестать ей приносить жертвы, они стараются вредить ему всевозможными средствами: душать и губять его скотину, вытравливаютъ его поля и посѣвы и т. д. Чтобы избавиться, хоть на время, отъ злыхъ преслѣдованій шайтановъ, черемисы носятъ разные амулеты и огуломъ выгоняютъ ихъ однажды въ годъ изъ деревень. Обрядъ этотъ совершается въ началѣ мартовскаго новолунія, ночью. Еще съ вечера по всей деревнѣ начинается пированье, ликованье и приготовленіе къ торжеству надъ началомъ зла. Всѣ черемисы отъ малаго до великаго вооружаются палками, прутьями, дубьемъ и въ самую полночь каждая семья съ гикомъ, крикомъ и свистомъ начинаетъ хлестать и бить по всему палками, сначала въ комнатѣ; потомъ выходитъ на дворъ и тамъ хлыщетъ прутьями и бьетъ палками по стѣнамъ, по заборамъ, хлѣвамъ и т. д.; далѣе, выходитъ на улицу, соединяется съ другими семьями и съ крикомъ, свистомъ и завываніями продолжаетъ свое шествіе вдоль улицы, ударяя по всему, что попадетъ на дорогѣ. Въ концѣ деревни всѣ деревенскіе соединяются вмѣстѣ и при общемъ крикѣ бѣгутъ до ближайшаго оврага, гдѣ бросаютъ

палки и прутья и бѣгутъ обратно дочерой, не оглядываясь назадъ. Совершается, какъ мы замѣтили, этотъ обрядъ въ началѣ мартовскаго новолунія, т. е. въ началѣ весны. Такъ какъ злое начало—Кереметь есть, какъ мы видѣли, между прочимъ олицетвореніе холода, зимней стужи, и холодъ приносится, по представленію черемисской легенды, шайтанами изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ, то прогнаніе шайтановъ изъ деревни значитъ прогнаніе зимы, холода и привѣтствіе веснѣ. Надоѣдаетъ черемисину зима съ своимъ холодомъ, душно, тяжело ему жить въ курной избѣ,—и онъ ждетъ, не дождется весны, когда ему можно будетъ выйти изъ избы, переселиться на жиле въ шалашъ и тѣмъ вспомнить свою прошлую, кочевую жизнь, вольную, какъ вѣтеръ. И вотъ, когда лучи солнца начинаютъ пригрѣвать сильнѣе, когда изъ лѣсу запахнетъ смолою, бѣлка начинаетъ краснѣть, медвѣдь повернулся въ своемъ логовищѣ,—черемисинъ ободряется, собирается съ силами и объявляетъ вражду и битву зимѣ и выюгѣ, въ лицѣ ихъ представителя, бога зла—Керемети, и его помощникамъ—шайтанамъ. Опять личности мифологическія суть не что иное, какъ олицетвореніе силъ и явленій природы....

Такъ, изъ деревни, изъ домовъ можно выгнать шайтановъ, но не выгонишь ихъ изъ лѣ-

са, изъ воды. По-неволѣ приходится покориться и приносить имъ жертвы.—Пойдешь въ лѣсъ,—лѣшій (1) поймаетъ, изломаетъ, или за-тащить туда, откуда ни за что не выберешься. Будешь купаться въ рѣкѣ,—водяной поймаетъ и утопитъ. Нечего дѣлать, приходится покоряться. Подумаетъ черемисинъ и идетъ приносить жертвы и тому и другому. Нужно грибы собирать въ лѣсу, бѣлокъ бить, рябчиковъ,—нужно прежде умилоствитъ лѣшаго; нужно рыбу ловить, утокъ бить, купаться,—опять нужно умилоствитъ водянаго. Поэтому, въ многихъ мѣстахъ, около старыхъ деревьевъ и пней (2), гдѣ по повѣрїямъ любить бывать лѣшій, или даже начало зла Кереметь, черемисинъ бросаетъ деньги, кусочки калача и т. п. Тоже дѣлаетъ онъ и для водянаго. Такъ, ручьи, болота и озера, которыя считаются любимыми обиталищами его, возбу-

(1) На правомъ берегу Волги свой лѣшій, на лѣвомъ—свой. Они играютъ иногда въ карты и проигрываютъ бѣлокъ и другую лѣсную дичь.—Проигрываетъ нагорный,—бѣлки съ горъ перебираются на зему въ луговую сторону; проигрываетъ луговой,—бѣлки уходятъ въ нагорную, а иногда и тотъ и другой проигрываютъ ихъ пермскому, или оренбургскому.

(2) Въ безжизненномъ, мертвомъ пнѣ начало зла проявляется во всей своей силѣ, потому что нѣтъ уже противодѣйствїя—жизни. Кереметь—начало смерти, представитель ея изъ области раствнїи—высохшїи, мертвый пенъ.

ждають благоговѣніе въ черемисинѣ, и онѣ приносятъ имъ жертвы: также бросаетъ въ воду калачь, деньги, а иногда топитъ овцу, или гуся. Если случится черемисину тонуть въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки, или заплутаться въ лѣсу,—это значить, что водяной и лѣшій, или даже ихъ начало—Кереметь требуютъ себѣ жертвы.. И идетъ суевѣрный черемисинъ, сожжетъ на мѣстѣ свѣчу восковую, или что нибудь поцѣпяѣе, смотря по состоянію (1). Впрочемъ, главнымъ образомъ рѣшеніе принести ту или другую жертву опредѣляется *ѣмзюю*. Это—ворожея и колдунья, нѣчто въ родѣ древнихъ русскихъ вѣдьмъ. Главное ихъ занятіе состоитъ въ ворожбѣ, предсказываніи будущаго и леченіи больныхъ разными заговорами ими травами. Правда, при нѣры вылечиваѣя ими больныхъ очень рѣдки, но за то, говорятъ, онѣ отлично умѣютъ портить. Говорятъ, что мелко истолченный человѣческій и животный волосъ, принятый въ пищу и питьѣ, причиняетъ непремѣнную чахотку и смерть. Говорятъ, что подобнымъ порошкомъ наполняютъ комнаты, и тотъ, кто пробудетъ въ подобной комнатѣ часъ или два, подвергается непремѣнной смерти: какъ

(1) Срав. съ этимъ русскій обычай класться и цѣловать то мѣсто, на которомъ ушибся.

мельчайшій порошокъ, онъ входитъ въ легкія,—и чахотка неминуча. Не знаемъ, насколько это вѣрно, но мы слышали объ этомъ отъ людей хорошо знакомыхъ съ бытомъ черемисъ и чувашъ, у которыхъ ѣмзей, замѣтимъ кстати, гораздо болѣе, чѣмъ у черемисъ.

II.

Слишкомъ 500 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ черемисы сдѣлались подданными Россіи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ крещены почти всѣ черемисы (1). Что же, какая перемѣна произошла въ религиозныхъ воззрѣніяхъ черемисъ? Насколько христіанство проникло въ жизнь ихъ? Изъ того, что мы говорили о религиозныхъ вѣрованіяхъ черемисъ, понятно, кажется, что христіанство для черемисъ едвали не terra incognita. Въ самомъ дѣлѣ, изъ тѣхъ сказокъ и легендъ, которыя приводили мы выше, вовсе не замѣчается никакого вліянія христіанскихъ идей на образъ ихъ религиозныхъ воззрѣній; какъ что было 500 лѣтъ тому назадъ, такъ

(1) Главнымъ образомъ они крещены при Лукѣ Канашевичѣ, епископѣ казанскомъ (1738—1755). См. о немъ Правос. Собес. 1858 г.

все это осталось и теперь. Какъ будто черемисинъ вовсе и не зналъ христіанства, какъ будто онъ не былъ даже и крещенъ. Но такое предположеніе будетъ не совсѣмъ вѣрно. При внимательномъ наблюденіи надъ жизнью черемисъ можно замѣтить, что христіанство такъ, или иначе задѣло заживо религіозныя стремленія ихъ, что оно будитъ дремавшія въ нихъ силы. Но все это выражается у нихъ неясно, неполно. Все это трудно разобрать среди стараго мусора.

Указанная нами черемисская легенда о всевышнемъ Богѣ (Юма) показываетъ, что черемисинъ слишкомъ дѣтски, наивно смотритъ на существо божіе, что, какъ мы и замѣчали, черемисскій богъ есть только олицетвореніе силъ и явленій природы. Ясно, что черемисинъ не можетъ понять, при такомъ религіозномъ возрѣвнн, христіанское ученіе о Богѣ:—это ученіе слишкомъ высоко и глубоко для его пониманія. Далѣе, это—вѣрованіе черемисъ въ національныя божества,—какъ имъ отстать и бросить его и какъ понять христіанскую религію, чуждую всякихъ національностей? Вѣдь для этого нужно возвыситься до общечеловѣческихъ возрѣвннй, выдти изъ тѣсныхъ національныхъ рамокъ,—а возможно ли это для дикаря черемисина? Не смотря на то, самое это ученіе о національ-

ныхъ божествахъ возбудило въ черемисинѣ критическій анализъ извѣстныхъ ему религій. Вотъ, у него предъ глазами три бога: русскій, татарскій и черемисскій—свой національный. Который же изъ нихъ лучше? Этотъ вопросъ естественно долженъ былъ зародиться, да и зародился въ душѣ черемисина, когда онъ узналъ нѣсколько различныхъ національных божествъ. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе долженъ былъ зародиться въ душѣ его, что, въ слѣдствіе тѣснаго соединенія національнаго божества съ національною свободою, онъ увидѣлъ, что его національный богъ,—его кумирь развѣнчавъ и поверженъ въ прахъ. Какъ рѣшить онъ этотъ вопросъ, и какъ онъ рѣшаетъ его въ настоящее время,—это зависѣло и зависить отъ различныхъ уже чисто внѣшнихъ обстоятельствъ.—Одни рѣшили его въ пользу древнеотеческой вѣры, другіе въ пользу христіанства, а нѣкоторые не остановились ни на той, ни на другой религій и впали въ чистый индифферентизмъ.

Къ первому разряду принадлежатъ тѣ черемисы, которые по самому своему географическому положенію отдаленнѣе отъ русскихъ, которые живутъ въ глуши лѣса, куда русская колонизація мало проникла. Таковы черемисы по окраинѣ сѣверной границы казанской губерніи, въ церевокшайскомъ уѣздѣ. Здѣсь, среди мрачнаго лѣса, и теперь еще живутъ

язычники черемисы. Здѣсь-то, среди дикихъ лѣсовъ, часто и очень часто напрасно раздается призывный колоколъ христіанскаго храма: въ немъ вы никого не найдете, никого, кромѣ причта и его домашнихъ. Здѣсь-то вы можете встрѣтить язычество во всей его національной чистотѣ, съ всеми прадѣдовскими обрядами. Здѣсь, проѣзжая проселочными дорогами, вы очень часто можете слышать запахъ животной жертвы.. Черемисинъ этого края критически разобралъ достоинства национальныхъ божествъ и призналъ, что его національный богъ лучше другихъ.—Имѣются на это и доказательства.—«Плыло однажды, разказываютъ эти черемисы, судно по Волгѣ и сѣло на мель. Сколько ни трудились бурлаки, чтобы сдвинуть его съ мѣста, все не могли никакъ. Промаявшись напрасно нѣсколько времени, они рѣшились испытать послѣднее средство:—начали молиться Богу.—На суднѣ были русскіе, татары и черемисы.—Прежде началъ молиться русскій;—молился, молился, а судно и не двигается:—стоитъ по прежнему на мели. Потомъ молился татаринъ, но также безуспѣшно: не было пользы и отъ его молитвы... Послѣ всѣхъ началъ молиться черемисинъ своему богу; лишь только началъ,—судно поднялось и пошло». Заключеніе понятно. Такимъ образомъ, черемисинъ, не смотря на обраще-

нѣ въ православіе, не только не бросилъ своей древней религіи, но, напротивъ, сталъ еще болѣе привязанъ къ ней, убѣдился сознательно въ ея истинности и состоятельности.—И вотъ, она стала для него религіею настолько любезною и дорогою, что онъ готовъ отстаивать ее всѣмъ своимъ животомъ, если бы это только довелось.

Тѣ черемисы, которые живутъ по окраинамъ лѣса съ другой стороны, къ Казани, гораздо развитѣе первыхъ. Здѣсь они живутъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ сосѣдствѣ съ русскими, бываютъ съ ними въ частомъ соприкосновеніи. Казалось бы, что здѣсь вопросъ о преимуществѣ религій долженъ былъ рѣшиться въ пользу православія? Казалось бы, что черемисину этого края нужно было сдѣлаться православнымъ?!— Но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ.—Здѣсь, кромѣ христіанскаго и языческаго элементовъ, есть еще элементъ магометанскій.—Здѣсь, кромѣ русскихъ и черемисъ, есть еще татары. Такимъ образомъ здѣсь вліяніе на черемисъ руссизма парализировалось вліяніемъ татаризма; а, отсюда, и вліяніе христіанства—вліяніемъ магометанства. Три религіи встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу. Черемисскій народъ, какъ и вообще финскія націи, уступчивѣе, и конечно рано или поздно переродится—или въ русскую, или въ

татарскую націю (1). Языческая религія также уступчива, она непремѣнно должна будетъ уступить—или христіанству, или магометанству. Не извѣстно, что будетъ далѣе, а въ настоящее время нація черемисская не подалась еще ни въ ту, ни въ другую сторону: она ни магометанская, ни христіанская. Но она, въ слѣдствіе посторонняго вліянія, потеряла уже и типъ чисто черемисскій, утратила и древнеотеческую вѣру.—Въ религіозныхъ возрѣніяхъ черемисина здѣшняго края—смѣсь грубаго и дикаго язычества съ возвышеннымъ христіанствомъ и утопченнымъ и извѣженнымъ язычествомъ. Черемисинъ здѣшняго

(1) Въ каз. губ. не рѣдки примѣры перерожденія изъ одного плѣмени въ другое: изъ черемисъ въ чуваша, тагары и наоборотъ. Даже есть примѣры перерожденія въ татаръ—магометанъ, если не чисто русскихъ, то, по крайней мѣрѣ, крещеныхъ инородцевъ. Если бы говорить о здѣшнемъ краѣ съ точки зрѣнія историко-фізіологической, или филологической, то примѣровъ подобныхъ перерожденій можно бы указать много.—Здѣсь можно точно, по родамъ, прослѣдить перерожденіе финской народности въ великорусскую: отъ рыжихъ волосъ и узкихъ глазъ, до чисто великорусскаго типа. Здѣсь также можно прослѣдить въ живой рѣчи вліяніе финскихъ нарѣчій на великорусское: здѣсь можно слышать: *веремн*, *келеймо*, *оболоко*. Мы считаемъ это отличительнымъ признакомъ вліянія финскаго элемента... Впрочемъ, вопросъ этотъ очень важенъ и требуетъ спеціальнаго, филологическаго изслѣдованія.

края ни язычникъ, ни магометанинъ, ни христіанинъ, но по востребованію бываетъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Полнѣйшій религіозный индифферентизмъ—вотъ религіозное состояніе черемисъ этого края. Впрочемъ это замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ близкихъ къ г. Царевококшайску. Здѣсь вліяніе русскаго, христіанскаго элемента убило въ немъ древне-отеческую вѣру, но не дало ему, въ замѣнъ этого, почти ничего.—Черемисинъ, не владѣя хорошо русскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе не понимая языка церковно-славянскаго, на которомъ совершается богослуженіе, не можетъ ничего понимать въ немъ; а не понимая христіанскаго богослуженія, онъ не ходитъ, конечно, и въ храмъ и не старается проникнуть въ духъ и содержаніе христіанства. Такимъ образомъ, черемисинъ не знаетъ христіанства, да и узнать-то не можетъ; а между тѣмъ *ex officio* онъ принадлежитъ къ христіанству, обязанъ *volens nolens* исполнять обряды православія, участвовать и принимать таинства.—Естественно, что онъ начинаетъ легко смотрѣть на религіозныя обязанности, какъ на обязанности чисто формальныя, а не требуемыя его нравственными потребностями. Отсюда уже недалеко и до безрелигіозности вообще. Огорванный отъ религіи отцовъ, и не привышши разумно и со-

знательно къ религіи христіанской, онъ легко впадаетъ въ религіозный индифферентизмъ.

Кто не знаетъ, что въ русскомъ народѣ ходитъ множество сказокъ, полныхъ страшнаго цинизма, въ которыхъ выводится поль и его семейство. Эти сказки какими-то путями проникаюгъ и къ черемисамъ и составляютъ первый матеріалъ для шутокъ и смѣха въ черемисскихъ кружкахъ. Конечно, эти сказки не говорятъ еще, что бы русскій народъ былъ совершенно нерелигіозенъ, но онъ не доказываютъ и того, конечно, что бы онъ имѣлъ большое уваженіе къ священникамъ. Сказки эти получили начало (это, кажется, положительно можно утверждать) между раскольниками, тамъ же онъ по преимуществу и живутъ. Гдѣ нѣтъ раскольниковъ, тамъ никогда, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко можно ихъ встрѣтить; а гдѣ есть раскольники, тамъ ихъ очень много (1). Отъ раскольниковъ ли переходятъ, или самими черемисами составляются эти сказки,—не извѣстно, но что они существуютъ между ними,—это несомнѣнно. При этомъ надобно замѣтить, что сказки черемисъ

(1) Подобно тому, какъ циническія сказки о «баринѣ» существуютъ тамъ, гдѣ много крестьянъ помѣщичьихъ; и между казенными крестьянами ходятъ сказки о «подъячмѣ».

отличаются отъ русскихъ. Въ русскихъ сказкахъ ⁽¹⁾, какъ извѣстно, священникъ берется преимущественно въ его частной, обыденной жизни, а въ черемисскихъ, напротивъ, священникъ берется въ его служебной дѣятельности:—религія непремѣнно примѣшивается къ этимъ сказкамъ. Осмѣивая священника, черемисы осмѣиваютъ и религію христіанскую. Напримѣръ, въ одной черемисской сказкѣ рассказывается, какъ священникъ хлысталъ Николая чудотворца за то, что тотъ не берегъ его добра.

Итакъ, черемисинъ не только не принадлежитъ къ христіанству, но онъ даже осмѣиваетъ его. Но таже самая сатира, которою онъ клеймитъ христіанство, научила его легко относиться къ религіознымъ потребностямъ вообще. За сатирой на христіанство слышится уже сатира и на отеческую вѣру. Разказанная нами выше легенда о томъ, какъ верховный Богъ (Юма) наказалъ ихъ національное божество за неисполненіе его приказаній, отзывается уже ѣдкимъ юморомъ на религію отцовъ. Потомъ, обряды и богослужебныя моленія даютъ уже мотивы для юмористическихъ сказокъ. «Жили, говоритъ

(1) Срав. напр. въ «Народныхъ русскихъ легендахъ» Аванасьева № 5,—«попъ, завидушіе глаза».

одна черемисская сказка, три брата. Отдѣлили меньшаго брата. Онъ былъ бѣднякъ. Чтобы поправить свое состояніе, онъ пошелъ молиться Богу. Взялъ онъ лошадь, корову, да *бѣлаго* барана, закололъ ихъ и началъ просить у Бога: дай мнѣ хлѣба, дай денегъ, дай скотины... Большой братъ съѣлъ за кустъ и говоритъ ему: дамъ, дамъ,—и денегъ и всего. Помолвившись, меньшей братъ пошелъ домой; пришелъ домой, а все говоритъ: дай мнѣ денегъ, дай хлѣба... Большой братъ съѣлъ на крышу лачуги ⁽¹⁾ и говоритъ: дамъ, дамъ всего. Жена уговаривала его: не обѣщайся, не давай, но онъ не послушался ея; взялъ онъ большой мѣшокъ денегъ и бросилъ ихъ сверху: ему некуда, говоритъ, дѣвать-то ихъ, по-неволѣ отдастъ мнѣ же, а мы посмѣемся». Меньшой братъ прибралъ деньги; а когда старшій братъ началъ спрашивать его объ нихъ,—онъ отвѣтилъ, что ему Богъ ничего не давалъ. «Ну, сказалъ меньшей братъ, ты думаешь, какъ помолился, такъ тебѣ сейчасъ и деньги... Нѣтъ, братъ, Богъ-то не слишкомъ охочъ давать денегъ людямъ». Такъ, юморъ коснулся самой завѣтной стороны дѣла, Бога, какъ благодѣ-

(1) Лѣтнее жилище черемисъ, своимъ устройствомъ напоминающее кочевой бытъ ихъ.

теля людей. Сказка съ яропіей отзывается о молитвѣ къ Богу и о приношеніи ему жертвъ.— Мы могли бы указать нѣсколько подобныхъ сказокъ, но считаемъ это излишнимъ.

Теперь естественно рождается вопросъ, къ какой религіи пристануть черемисы? Сдѣлаются ли они христіанами, или опять воротятся къ язычеству? Огвѣтъ на этотъ вопросъ лучше всего дать сама жизнь.—Въ черемисахъ нагорныхъ въ настоящее время совершается довольно замѣчательное религіозное движеніе.—Очеркъ этого движенія и укажетъ вамъ, при какихъ обстоятельствахъ, въ слѣдствіе какихъ причинъ черемисы могутъ сдѣлаться православными.

Между Волгой и Сурой, въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, находится нѣсколько черемисскихъ приходоѡ. Черемисы этого края, пользуясь хорошимъ мѣстоположеніемъ (между двумя рѣками), очень рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ—черемисъ луговыхъ. При довольно обширномъ садоводствѣ, луговодствѣ, пчеловодствѣ и торговлѣ они живутъ, большею частію, гораздо состоятельнѣе луговыхъ черемисъ. Луговые черемисы, какъ мы видѣли, сохранили свою древнюю религію,—религію природы; въ обширныхъ лѣсахъ и теперь стоятъ священныя рощи; а черемисы нагорныя бросили, большею частію,

языческіе обряды и жертвоприношенія и съ усердіемъ посѣщаютъ христіанскіе храмы. Кому же обязаны они своимъ развитіемъ? Какія благопріятныя обстоятельства способствовали ихъ религіозному образованію?

Немного выше г. Козмодемьянска, при впаденіи рѣки Малой-Юнги въ Волгу, стоитъ Спасская приходская церковь. Ея ободрапныя, голыя стѣны, ея нижній этажъ, освѣщій на половину въ землю, ея старинная живопись и ризница, свидѣтельствуютъ объ ея древности; а ея довольно красивая архитектура, ея массивность свидѣтельствуютъ объ ея прежней славѣ. Дико, упыло и пустынно кругомъ церкви; дико, пустынно и внутри ея. Это, какъ мы сказали, приходская, Спасская церковь. Здѣсь былъ нѣкогда монастырь—центръ миссіонерской дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ. Исторія не сохранила намъ точныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности иноковъ этого монастыря, но преданіе свидѣтельствуетъ, что большая часть здѣшнихъ черемисъ обращены ими. Еще задолго до эпохи общаго крещенія инородцевъ казанскаго края, иноки его обращали здѣсь черемисъ. Живущіе теперь въ окружности русскіе крестьяне, кажется, на половину обрусѣвшіе черемисы: типъ, прононсъ, языкъ

довольно ясно показываютъ это ⁽¹⁾. Но дѣятельность иноковъ не была полна. Обращая черемись въ православіе, монахи не могли имѣть постояннаго наблюденія за ними. Поэтому, кажется, и дѣятельность иноковъ могла получить полное развитіе только въ средѣ тѣхъ черемись, которые жили ближе къ монастырю, а тѣ, которые жили дальше, остались при старыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, хотя и были крещены. Дѣло иноковъ должны были принять,—и дѣйствительно приняли—приходскіе священники.

Вверхъ по рѣкѣ Большой-Юнгѣ, верстахъ 4—5 отъ бывшаго Спасскаго монастыря, находится небольшое село Шапкили или Пертнурь. Въ 20 годахъ настоящаго столѣтія въ этомъ селѣ былъ священникомъ о. Альбинскій ⁽²⁾. Образованный, кроткій, благочестивый онъ принялся за просвѣщеніе черемись свѣтомъ Евангелія: перевелъ литургію на черемисскій языкъ и участвовалъ въ переводѣ

(1) Мы считаемъ употребленіе плавныхъ буквъ (р л), какъ и выше замѣтили, отличительнымъ признакомъ вліянія финскаго элемента. Черемисинъ всегда употребляетъ плавныя въ русскомъ разговорѣ по образцу своего роднаго, гдѣ они стоятъ почти всегда между *ee*, *aa*, *oo*; а передъ *p* и *l* у него уже всегда гласная.

(2) Всѣ эти данныя мы сообщаемъ по преданію.

евангелія. Отправленіе богослуженія на родномъ языкѣ сильно дѣйствовало на сердца черемисъ. Со всѣхъ сторонъ начали собираться къ его служевию. Но ревностный пастырь не ограничивался этимъ: онъ ходилъ постоянно по домамъ черемисъ, объясняя имъ сущность христіанскаго ученія; рассказываютъ, что онъ просиживалъ иногда цѣлыя ночи въ подобныхъ бесѣдахъ. Примѣръ доблестнаго пастыря подѣйствовалъ и на другихъ сосѣднихъ священниковъ. Бывшій въ селѣ Пернягашахъ священникъ Урусовъ съ своей стороны также ревностно занимался дѣломъ распространенія и утвержденія христіанства между черемисами. Благодаря дѣятельности этихъ священниковъ (1), а также благодаря сосѣдству съ русскими, прежними черемисами, обращенными бывшимъ Спасскимъ монастыремъ, черемисы въ этой мѣстности сдѣлались христіанами не *ex officio*, какъ это было прежде, а на самомъ дѣлѣ.

Христіанство, какъ свѣтъ, ищетъ свѣта и ведетъ къ свѣту, Такъ это было вездѣ: за христіанствомъ всюду слѣдуетъ грамотность. Такъ это случилось и между черемисами.

(1) Мы могли бы указать на нѣкоторыхъ живыхъ священниковъ, которые съ честію проходятъ свое служеніе, но боясь оскорбить ихъ скромность.

Убѣжденные въ истинахъ христіанской вѣры, черемисы принялись за грамоту. Съ 40—50 годовъ настоящаго столѣтія, между черемисами здѣшняго края сильно начала развиваться грамотность. Желая учиться, черемисы обратились къ обыкновеннымъ народнымъ наставникамъ—къ священно-церковно-служителямъ. Діаконъ села Перпягашъ, человекъ вдовый, принялъ на себя должность учителя, и въ продолженіи 10 лѣтъ постоянно обучаетъ черемисскихъ мальчиковъ въ собственномъ своемъ домѣ. Изъ этой-то домашней школы вышли грамотные черемисы, сдѣлавшіеся въ свою очередь учителями и миссіонерами не только въ этомъ приходѣ, но и въ другихъ.

Отъ села Перпягашъ по дрянной, тряской и узкой дорогѣ можно добраться до пчельника, гдѣ кругомъ въ лѣсу живутъ по собственному желанію крестьяне-черемисы: Михаилъ Герасимовъ и Андрей Никитинъ. Выучившись грамотѣ, они оставили родныя семейства, сельскую жизнь и поселились въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Не занимаясь ничѣмъ, кромѣ пчеловодства и огородничества, они посвящаютъ все остальное время на молитву и чтеніе религіозныхъ книгъ. Жизнь они ведутъ самую простую: не употребляютъ не только вина и пива, но даже мяса и масла. Сюда-то, въ эту уединенную келью и соби-

раются черемисы съ всѣхъ кѡвцовъ. Нужно ли кому нравственное наставленіе и назиданіе, нужно ли поучиться грамотѣ, нужно ли сдѣлать выборъ между книгами,—всякъ спѣшитъ къ Михаилу Герасимовичу. Михаилъ Герасимовичъ готовъ къ услугамъ. Онъ читаетъ съ приходящими книги религіознаго содержанія, въ особенности четію-минею, объясняетъ значеніе и смыслъ христіанскихъ праздниковъ, учитъ какъ жить похристіански. Черемисы съ удовольствіемъ слушаютъ его, живутъ нѣкоторые при немъ довольно долго, и опять, чуть свободное время, спѣшать въ келью черемисна—отшельника. Отсюда, изъ этой уединенной кельи развивается и христіанство и грамотность. Уходя отъ Михаила Герасимовича, каждый черемисинъ уноситъ убѣжденіе въ истинѣ и превосходствѣ христіанства и любовь къ грамотѣ. При этомъ, каждый посѣщающій Михаила Герасимовича старается сдѣлаться проповѣдникомъ истины въ своей деревнѣ и учителемъ грамотности въ своей средѣ. Поэтому, въ окрестныхъ приходахъ появилось множество домашнихъ наставниковъ и учителей по черемисскимъ селамъ и деревнямъ. Въ свободное время года, какъ напр. зимою, къ нему въ свою очередь, собирается народъ послушать чтеніе божественныхъ книгъ и поучиться грамотѣ.—И вотъ

въ многихъ черемисскихъ домахъ слышатся нынѣ въ длинныя зимніе вечера, вмѣсто прежнихъ черемисскихъ загадокъ, сказокъ и легендъ, житія святыхъ православной Церкви и обученіе грамотѣ. Замѣчательно, что не только мальчики, но и дѣвочки учатся грамотѣ; а иногда къ знонимъ голосамъ мальчиковъ и дѣвочекъ примѣшиваются и голоса взрослыхъ. Женатыя черемисы, 20—30 лѣтъ, приходятъ иногда въ подобную домашнюю школу и наравнѣ съ мальчиками изучаютъ азбуку, чтобы имѣть возможность читать христіанскія религіозныя книги. Религіозность черемисъ, поддерживаемая грамотностью, развилась до того, что черемисы здѣшняго края превосходятъ иногда коренныхъ русскихъ усердіемъ къ Церкви. Въ лѣтніе воскресные дни, когда у крестьянина бездна работы, и когда храмы стоятъ пусты, даже въ старо-русскихъ, вполнѣ православныхъ приходяхъ,—въ черемисскихъ приходяхъ они полны народа. Въ великій постъ благочестивые черемисы говѣютъ и пріобщаются всѣ, цѣлыми семьями и деревнями. Въ успенскій постъ—въ самую свалку полевой работы, когда и въ русскихъ селеніяхъ никого не бываетъ въ церкви, въ здѣшнихъ черемисскихъ приходяхъ бывають говѣльщики. Нерѣдко въ здѣшнихъ черемисскихъ домахъ

библію, житія святыхъ и другія религіозно-
 нравственныя книги.

Отраднo это явленіе между черемисами, оно свидѣтельствуесть о дѣятельности и живомъ духѣ той Церкви, которая возродила и воспитала ихъ изъ дикихъ и грубыхъ поклонниковъ природы въ истинныхъ дѣтей Христовыхъ. Но при этой духовной радости не надобно забывать, что дѣло Церкви по отношенію къ черемисамъ далеко еще не все сдѣлано. Если когда, то особенно въ настоящее время нужно имъ нравственное руководство. Если когда, то особенно въ настоящее время нужно заботиться о распространеніи между ними просвѣщенія.— Религіозная жизнь возбудилась, религіозные вопросы поднимаются одинъ за другимъ,—надобно, чтобы были и отвѣты на эти запросы, а то душа, неудовлетворенная въ своихъ законныхъ требованіяхъ, можетъ уйти по ложной дорогѣ. Бываютъ вѣдь случаи, когда само христіанство дѣлается камнемъ претыканія.. И вотъ примѣръ на то.—Михаилъ Герасимовъ и Андрей Никитинъ, какъ мы видѣли, живутъ въ лѣсу, въ уединеніи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ цѣлыя семейства—братья и сестры вѣдутъ безбрачную жизнь. Другіе отдѣляются отъ семействъ, строятъ кельи по огородамъ и садамъ, и тамъ живутъ въ уединеніи. Конечно, все это дѣло доброе, все это

свидѣтельствуеть, что христіанство въ нихъ живо и дѣйственно, но все это происходитъ не отъ внутренняго расположенія къ монашеству, но вѣдствіе самаго мрачнаго взгляда на бракъ. Они смотрять на бракъ совершенно такъ же, какъ смотрѣли и смотрятъ на него скопцы. Человѣкъ брачный не можетъ счастливъ уже потому одному, что онъ брачный. Въ слѣдствіе такого взгляда на бракъ, многіе женатые бросаютъ исполненіе брачныхъ обязанностей, хотя бы другая половина вовсе не желала этого. (Часто случается, что жена, покинутая мужемъ, идетъ къ ворожеѣ, чтобы возстановить любовь своего мужа) — Михаилъ Герасимовъ ходитъ по домамъ и проповѣдуетъ, что никто изъ женатыхъ не получитъ царства небеснаго. Подобный взглядъ на бракъ, едвали не заимствованъ черемисами отъ козмодемьянскихъ раскольниковъ, между которыми дѣвство, или такъ называемое келейничество развито въ высшей степенн. Если послѣднее предположеніе вѣрно, то надобно опасаться появленія раскола между черемисами.

Таково религіозно-нравственное состояніе черемисъ въ настоящее время. Какъ очевидно, одна половина черемисъ коснѣеть въ язычествѣ, другая впала въ индифферентизмъ, и только небольшая доля живетъ по-

христіански. Главная причина этого заключается въ томъ, что черемиснѣ не имѣеть средствъ узнать христіанство, въ слѣдствіе своего незнанія русскаго языка. Поэтому, для обращенія и утвержденія черемисъ въ христіанствѣ, нужны книги религіозно-нравственныя на ихъ родномъ языкѣ. Нужно также какъ можно больше школъ грамотности. А для того и другаго необходимы лица знакомыя съ черемисскимъ языкомъ. Правительство давно понимало эту необходимость, и потому еще святой Гурій, первый епископъ казанскій, немедленно по прибытіи въ Казань, основалъ Зилантовъ монастырь, завелъ при немъ училище для дѣтей новокрещенныхъ инородцевъ и вмѣнилъ въ обязанность монашествующей братіи обучать ихъ истинамъ христіанства (1). Изъ этихъ первоначальныхъ

(1) Царь Иванъ Васильевичъ писалъ по этому случаю къ святителю Гурію: «писалъ еси ты ко мнѣ, въ данной тебѣ отъ Бога и отъ насъ паствѣ, въ градѣ Казанѣ строишь монастырь; еже изначать и другіе хошеши строити,—се дѣло добро содѣваеши, помози тебѣ Богъ за тое; а чтобы старцы не нужны были руками работати, и землю орати, семена сѣдаемыя сѣяти, и во житницы гвнющія собирать, а да орютъ сердца, сѣють слова Божія, слова чиста, и собирають души въ жилище вѣчное учениемъ, сіи да наследятъ царствіе небесное и благая вѣчная: а на тое просите, а быхомъ дали есма отчины въ арской и вогайской четвертяхъ елико пригоже.—Блага сія речь ваша,

школь и вышла большая часть здѣшняго духовенства. Какъ природныя инородцы, выходя изъ этихъ школь, духовные свободно владѣли инородческими языками, и могли учить каждаго на его родномъ языкѣ. Но когда прекратился порядокъ поступать въ школы инородческимъ мальчикамъ, а образовалось отдѣльное духовное сословіе, оно начало забывать свои родныя нарѣчія, и для поддержанія этого знанія нужно было уже прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ.—Преосвященный казанскій Амвросій Протасовъ (1816—1826) ходатайствовалъ передъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы въ казанскомъ училищѣ и въ казанской семинаріи введено было преподаваніе татарскаго языка, а въ училищахъ казанскомъ и чебоксарскомъ—чувашскаго и че-

еже старцамъ дѣти обучати, и поганые въ вѣру обращати, то (то) есть долгъ всѣхъ васъ; туне есть чернецъ ангеломъ подобный именоватися. Нѣсть бо ни сравненія ни подобія ни коего жъ де, а подобитися апостоломъ, ихъ же Господь нашъ Иисусъ Христосъ посла учити, и крестити люди невѣдущія, и се есть долгъ ваю. Учити же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумѣвати, и да могутъ и иные научати и басурманы. О Боже! коль бы счастлива была русская земля, коли бы владыки старцы были, были яко преосвященный Макарій, и ты, и Діонисій толико о семъ пеклися, а не о себѣ только и не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ, не говорю и иное». *Продол. древ. рос. Визліювки т. V. стр. 241-242.*

ремисскаго. Въ слѣдствіе сего, въ 1818 году (съ 1 окт.) открыто было комиссіею духовныхъ училищъ преподаваніе татарскаго языка въ казанскомъ училищѣ для учениковъ высшаго отдѣленія, а въ казанской семинаріи, для большаго усовершенствованія въ познаніи этого языка, для учениковъ всѣхъ отдѣній, кто только самъ пожелаетъ обучаться. Учителемъ по этому предмету опредѣленъ тогда священникъ Алексѣй Троянскій (1). Вслѣдъ за тѣмъ тоюже комиссіею открыто было и преподаваніе чувашскаго и черемисскаго языковъ при казанскомъ училищѣ, гдѣ классъ перваго порученъ былъ ученику высшаго отдѣленія семинаріи Терновскому, а послѣдняго ученику тогоже отдѣленія Глухову; но въ чебоксарскомъ училищѣ былъ открытъ только классъ чувашскаго языка, а классъ черемисскаго языка открытъ не былъ, по неимѣнію, какъ сказано въ представленіи семинарскаго правленія въ правленіе московской академіи, лицъ знающихъ его (2). Въ настоящее время черемисскій языкъ преподается и въ училищахъ, и въ семинаріи; но преподаваніе идетъ какъ-то вяло. Большею частію учатся ему тѣ воспитанники, которые довольно сво-

(1) Дѣло въ арх. сем. пр. 1820 г. № 4.

(2) Тамже 1820 г. № 18.

бодно владѣютъ имъ, потому что родились въ черемис. приходахъ. Казалось бы, что главное вниманіе преподаватель долженъ обращать на этимологическій разборъ словъ, или на изученіе нравовъ и обычаевъ инородцевъ, а преподаватель ограничивается только переводомъ изъ черемисскаго евангелія на русскій языкъ, который не приноситъ никакой пользы воспитанникамъ. (Хоть бы наоборотъ дѣлали). А между тѣмъ знаніе черемисскаго (равно какъ чувашскаго и татарскаго) необходимо для священника въ черемисскомъ приходѣ. Что напр. сдѣлаеть священникъ, если къ нему придетъ 10—15 мальчиковъ, не знающихъ ни одного слова порусски, учить-ся грамотѣ? Какъ онъ будетъ учить ихъ? Вѣдь ихъ придется прежде учить, понимать хоть что нибудь порусски, и потомъ уже начинать учить читать. Лучшіе священники такъ и дѣлають. Мѣсяцъ или два они учать мальчиковъ говорить порусски: выходятъ съ ними на дворъ, на поле, называя тѣ предметы, которые попадаются на глаза. Такое наглядное обученіе языку, говорятъ, очень хорошо.

СЕРГѢЙ НУРМИНСКІЙ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ

СТОГЛАВА.

—

Было время, когда сомнѣвались въ самомъ бытіи собора стоглавнаго, на томъ основаніи, что объ немъ не говорятъ сказанія современниковъ. Но это сомнѣніе вмѣстѣ съ своимъ шаткимъ основаніемъ оказалось несостоятельнымъ. Открыты такіе замѣтные слѣды стоглавнаго собора, что сомнѣваться въ бытіи его стало рѣшительно невозможно. Теперь наши ученые, признавая какъ бытіе собора, такъ и соборныя разсужденія о тѣхъ именно предметахъ, которые вошли въ составъ Стоглава, одни признаютъ книгу Стоглавъ *соборнымъ уложеніемъ* м. Макарія и всѣхъ сошедшихся въ Москвѣ іерарховъ, другіе же не признаютъ Стоглавъ такимъ уло-

женіемъ, а считаютъ его черновыми записками, оставшимися отъ собора 1551 года (1). Мы, какъ издатели Стоглава, выразившіе въ предисловіи послѣднее мнѣніе о немъ, считаемъ долгомъ изложить все, что можетъ служить и приводится учеными въ пользу того, или другаго мнѣнія.

Въ официальныхъ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчается много указавій на *соборное уложеніе* м. Макарія и другихъ іерарховъ русской Церкви. Такъ едва только кончились засѣданія стоглавнаго собора (2), какъ архимандритъ и братія Юрьевскаго новгородскаго монастыря стали просить, чтобы «архіепископлѣ судѣ учинити имъ указъ по *новому соборному уложенью*», и царь 29 мая далъ имъ «грамоту жалованную новую», въ которой говорится, что «архіепископъ великаго Новагорода и Пскова Юрьевскаго монастыря архимандрита и его братью, и ихъ поповъ и дьяконовъ, въ духовныхъ вещехъ

(1) Первое мнѣніе см. въ стат. Ил. Бѣляева объ историч. значеніи дѣяній собора 1551 г. Рус. Бес. 1858. г. IV. ч. 2.—Лучшими и болѣе полными статьями въ пользу стараго мнѣнія должно считать въ Ист. раск. пр. Макарія, гл. III. и въ Прав. Соб. 1860. ч. 2 и 3.

(2) Не позже половины мая. См. Прав. Соб. 1860. ч. 2. стр. 113.

судить по *новому соборному уложению*» (1). Значить дошелъ слухъ до монаховъ Юрьевского монастыря о новыхъ постановленіяхъ собора о святительскомъ судѣ, но не было еще въ ихъ рукахъ новаго соборнаго уложенія; иначе не зачѣмъ было просить указъ учинити. Какъ бы то ни было впрочемъ, только подъ новымъ соборнымъ уложеніемъ нельзя разумѣть ничего инаго, кромѣ постановленій, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ главамъ Стоглава о святительскомъ судѣ (гл 67—69). Точно также въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ: Коневскому монастырю (14. сентября 1554 г.) и Михалицкому дѣвичью монастырю (Февр. 1560 г.) повелѣвается архіепископу судить монашествующихъ «по священнымъ правиломъ по соборному уложению» или «по священнымъ правиломъ и по соборному уложенію» (2). Здѣсь соборное уложеніе не называется уже новымъ, конечно, потому что съ 1551 года прошло довольно времени чтобы перестать ему быть новымъ; а опредѣленное указаніе на него представляетъ его извѣстнымъ архіепископу и монашествующимъ. Но что разумѣть подъ этимъ соборнымъ уложеніемъ: уложеніе ли въ фор-

(1) Доп. Ак. ист. т. 1. № 46.

(2) Доп. Ак. ист. т. 1. № 48 и 114.

нѣ Стоглава, или отдѣльный наказъ о святи-
тельскомъ судѣ,—граматы не даютъ основа-
ній для рѣшенія этого вопроса.

11-го мая 1551 года изданъ былъ со-
борный приговоръ, запрещающій духовенству
пріобрѣтать отчины безъ доклада царю и
уничтожавшій милостыни и руги, незаконно
присвоенныя церквами и монастырями по
ковчинѣ великаго князя Василія Ивановича (1).
Этотъ приговоръ, очевидно, изданъ въ слѣд-
ствіе царскихъ вопросовъ о милостыняхъ и
ругахъ, которыя давали по монастырямъ
отецъ и мать царя Ивана Васильевича еди-
повременно, но которыя монастыри обратили
въ ежегодныя по грамотамъ во время мало-
лѣтства царя; многіе монастыри и приходскія
церкви вновь получили грамоты о царской
ругѣ, нѣкоторые попы вновь устроили себѣ
ругу и милостыню изъ царской казны (Стогл.
гл. 5. вопр. 30 и 31); въ слѣдствіе вопро-
совъ о селахъ и отчинахъ, которыя давали
въ монастыри боголюбцы на поминъ души,
которыя прикупали сами монастыри или у
царя выпрашивали; о тарханыхъ и льгот-
ныхъ и несудимыхъ грамотахъ, давныхъ мо-
настырямъ (вопр. 15; о земляхъ и ругахъ
для вновь заводимыхъ пустыней (вопр. 19).

(1) А. о. т. 1. № 227.

Въ Стоглавѣ помѣщено опредѣленіе «о вотчинахъ и купляхъ, которые боголюбцы давали святымъ церквамъ на память своимъ душамъ и по своихъ родителехъ». Въ этомъ опредѣленіи предписывается настоятелямъ монастырей ни отдати, ни продати тѣхъ отчинъ, которыя даны въ монастыри безъ условій для выкупа, равно и тѣхъ отчинъ, которыя впредь будутъ давать боголюбцы также безусловно. Отчины же, данныя монастырямъ съ условіемъ о выкупѣ отчинами, если они захотятъ, отдавать отчинамъ обратно, именно по условіямъ выкупа. А у которыхъ монастырей земель и селъ довольно для проживанія, тѣмъ тарханныхъ и льготныхъ и несудимыхъ грамотъ и угодій не припрашивать «развѣ великія нужда и то съ великимъ упросомъ и боголюбнымъ моленіемъ» (гл. 75). Касательно милостыни и руги въ Стоглавѣ опредѣлено оставить за монастырями тѣ милостыни и руги, которыя были ежегодными при отцѣ царя, оставить и вновь приобрѣтенныя за бѣдными монастырями, «не имущими ниоткуда помощи»; монастырямъ, могущимъ прожить безъ той руги—въ царской волѣ давать или не давать; тѣмъ священникамъ и діаконамъ, которые безъ царскаго вѣдома устроили себѣ изъ царской казны ругу и милостыню, не давать и за столы ихъ не пу-

скать (гл. 97).—Соборный приговоръ 11 мая обнаруговалъ тоже опредѣленіе объ отчинахъ, милостыняхъ и ругахъ, которое заключается въ Стоглавъ, съ той разницею, что 1) запрещаетъ жертвовать въ монастыри и принимать пожертвованныя имѣнія безъ доклада царю, чего нѣтъ въ Стоглавъ; 2) и для монастырей, не имѣющихъ ниоткуда помощи, не дѣлаетъ исключенія касательно милостыни и руги, а повелѣваетъ давать по старинѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ царя; 3) исчисляетъ въ частности отчины тверскія, микулинскія, торжковскія, оболенскія, бѣлозерскія, рязанскія, князей суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ, которыя и прежде не велѣно было давать въ монастыри безъ доклада царю; и 4) опускаетъ всѣ тѣ злоупотребленія, которыя изложены въ вопросахъ царя и въ опредѣленіяхъ Стоглава, такъ что вопросы царя и опредѣленія Стоглава представляются исторической основой и матеріаломъ для чисто-юридическаго акта соборнаго приговора 11 мая. Этотъ приговоръ имѣлъ силу закона и въ послѣдующее время. Такъ въ 1556 году братія Кириллова монастыря просили позволенія купить земель, и царь позволилъ имъ купить, но не болѣе, какъ на 2000 рублей и притомъ «опричь ноугородскіе и псковскіе и рязанскіе и тѣрьскіе и смоленскіе земли и

опричь князей вотчинныхъ, которымъ вотчинъ своихъ безъ царскаго вѣдома продати не велѣно» (1). Въ октябрь 1581 года дозволено давати отчины, по докладѣ государю, только малоземельнымъ монастырямъ (2); а въ январь того же года, по новому соборному уложенію, вовсе запрещено духовенству приобрѣтати имѣнія и вмѣсто отчинъ дозволено принимать только денежныя вклады (3).

26 іюня и 15 іюля 1551 года изданы соборныя приговоры по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ (4). Первый изъ нихъ говоритъ о подводахъ подъ архіепископа, о праздничныхъ и тиунскихъ пошлинахъ, чего нѣтъ въ Стоглавѣ; о судѣ архіепископскихъ бояръ и дяковъ по соборному уложенію, какъ въ соборномъ уложеніи писано (Стогл. гл. 68 и 69.); о выходахъ священническихъ (гл. 41, вопр. 32) съ опредѣленнымъ наказаніемъ за уклоненіе; о выборѣ прихожанами священно и церковно-служителей, буквально по Стоглаву кромѣ замѣщенія мѣстъ вдовыхъ священниковъ ихъ родственниками (гл. 41, вопр. 14); о кормахъ за царскія панихиды (гл. 5, вопр. 30); о хожденіи къ больнымъ

(1) А. э. т. I. № 246.

(2) А. н. т. I. № 154. стат. XIX.

(3) А. э. т. I. № 308.

(4) А. э. т. I. № 229.

ночью съ фонарями—по царской заповѣди;— по другой жалобницѣ, о поведѣльномъ служеніи новгородскихъ игуменовъ и священниковъ, всѣхъ монастырей и приходовъ, въ Софійскомъ соборѣ, о невзиманіи съ нихъ на тотъ соборъ молебныхъ денегъ и праздничныхъ гривенъ. Второй приговоръ говоритъ о сборѣ съ новгородскихъ монастырей, кромѣ общежительныхъ, и съ приходскихъ церквей просфирныхъ пошлинь на софійскій причтъ, чего нѣтъ въ Стоглавѣ, а съ исковскаго Троицкаго собора «по цареву нынѣшнему уложенію, за антѣмнись по полуполтинѣ» (Стогл. гл. 47). Итакъ нѣкоторыя статьи этихъ приговоровъ не находятся въ Стоглавѣ, другія прямо указываютъ на *нынѣшнее соборное и царское уложеніе*, буквально сходное съ статьями Стоглава. Въ 1556 году софійскій причтъ жаловался царю, что у нихъ «по новому соборному уложенію многіе доходы отставлены у антѣмисовъ и у вѣнечныя пошлины и у проскурныя»; что «съ семидесяти монастырей проскурная пошлина у нихъ отставлена по новому соборному уложенію»; что отъ приношеній, при освященіи церкви, велѣно имъ брать только одну треть ⁽¹⁾. Объ отиѣнѣ просфирныхъ пошлинь съ обще-

(1) А. э. т. III. № 306.

жительныхъ монастырей есть въ соборномъ приговорѣ 15 іюля, но нѣтъ въ Стоглавѣ; а о третьей части приношеній, при освященіи церкви, есть въ Стоглавѣ (гл. 47), но нѣтъ въ приговорѣ. Очевидно, софійскій причтъ имѣлъ въ виду, кромѣ приговора, *соборное уложение* сходное съ статьями Стоглава, и несходное въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Въ декабрѣ 1352 года изданъ царскій наказъ объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ, десятскихъ священниковъ, земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, буквально сходный съ главами Стоглава о святительскомъ судѣ, кромѣ предписанія о представленіи епископской дани въ одинъ срокъ «на сборъ или въ той же день по сборѣ», тогда какъ въ Стоглавѣ назначается еще рождество Христово (гл. 68 и 69). Въ этомъ наказѣ обращаютъ на себя вниманіе слова государя: «о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинѣхъ и о вашемъ священническомъ пребываніи *буди наказъ вамъ и соборное уложение отца нашего Макарья митрополита всея Русіи*», и еще: «а которыхъ старостъ земскихъ и цѣловальниковъ, и поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ, выберете и уставите... и вы бы тѣмъ старостамъ поповскимъ и десятскимъ священникамъ и старостамъ земскимъ и цѣловальникомъ имена написали на списокъ да отслали ко вла-

дыкѣ часа того, и онѣ о всемъ о томъ къ тѣмъ старостамъ пошлетъ книги свои и *наказъ, по соборному уложению*, какъ имъ тѣ дѣла святительскіе дѣлати отнывѣ и впередъ, о всемъ подлинно; да списали бы естя съ сее наши грамоты противни слово въ слово да подавали поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникомъ, и земьскимъ старостамъ и цѣловалникомъ, и они ихъ у себя держатъ и о всемъ по тому да ходятъ, по нашему царскому наказу» (1). Этотъ наказъ, указывая на *наказъ и соборное уложеніе м. Макарія*, даетъ замѣтить, что 1) соборное уложеніе извѣстно было владыкамъ и, конечно, имѣлось у нихъ, потому что они должны были давать поповскимъ старостамъ свои наказы по соборному уложенію; но не опредѣляетъ формы этого соборнаго уложенія, было ли оно т. е. въ формѣ Стоглава, или разумѣлось подъ самымъ наказомъ митрополита въ видѣ отдѣльной грамоты; 2) что старосты и десятскіе священники и цѣловальники должны были вести дѣла по царскому наказу и по наказамъ владыки, даннымъ въ слѣдствіе соборнаго уложенія.—Въ томъ же году изданъ соборный приговоръ объ учрежденіи и обязанностяхъ московскихъ поповскихъ старостъ и

(1) А. э. т. I. № 231.

о различныхъ церковныхъ чинахъ—«повелѣніемъ благочестиваго царя и по благословенію и уложенію святѣйшаго Макарія, митрополита всея Русіи, и всѣхъ преосвященныхъ архіепископовъ и епископовъ всего російскаго царства» (1). Этотъ приговоръ по мысли, но не по выраженіямъ и формѣ, соотвѣтствуетъ главамъ Стоглава: 6, 35, 12 и 13, 8, 5 вопр. 11, 7, 32, 34, 24, 14, 10 и 11 и нѣкоторымъ другимъ. Есть въ немъ и такія постановленія, которыя не встрѣчаются въ Стоглавѣ: «церковь (соборная) и трапеза на собраніе соборомъ старостамъ и десятскимъ и всего града священникомъ и діакonomъ... о духовныхъ совѣтѣхъ. Старостамъ и священникомъ убо достоинъ въ томъ святѣмъ храмѣ *божественные правила* держати полные, самимъ имъ всегда принцати; и тѣ священницы и діаконы, которые въ ихъ соборѣ, всегда вкупѣ сходясь свѣщаются предъ ними и исправляютъ въ церковныхъ чинѣхъ и всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ». Такое раздѣльное постановленіе объ изученіи священниками своихъ обязанностей въ Стоглавѣ замѣняется общими наставленіями въ родѣ слѣдующаго: «аще кто хочетъ послѣдовати святыхъ отецъ писанію и повелѣнію, вѣдущаго да вопро-

(1) А. э. т. I. № 232.

шаетъ, бояся молчанія и самочинныхъ учений» (гл. 11.) и под. Замѣчательно еще, для нашей цѣли, въ соборномъ приговорѣ слѣдующее мѣсто: «избранныхъ старость передъ митрополита привести, и онъ разсмотря ихъ, довольнѣе наказавъ, и придасть имъ законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія, по правломъ святыхъ отецъ, и о церковномъ благочивіи, и о священническомъ духовномъ попеченіи, и какъ имъ самимъ знати божественный законъ, и дѣтей духовныхъ исправляти, и паучати, и просвѣщати, и утверждати во всякомъ благовѣрїи и въ чистотѣ, якоже достоитъ быти христїаньскому закону во вѣки непоколебиму, и да благословить ихъ на соборное согласіе о Бозѣ подвизатися». Соборный приговоръ о поповскихъ старостахъ въ Москвѣ, указывая на «уложеніе Макарія митрополита всея Русїи и всѣхъ преосвященныхъ архїепископовъ и епископовъ всего російскаго царства», безъ всякаго сомнѣнія, уложеніе 1551 года, даетъ замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, что митрополитъ (а по епархіямъ епископы) въ руководство поповскимъ старостамъ и всему духовенству долженъ былъ дать «законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія». Но въ какомъ видѣ было это соборное уложеніе, въ формѣ ли Стоглава, или въ формѣ отдѣльнаго наказа,

приговоръ не опредѣляетъ; равно какъ не опредѣляетъ и того, были ли «божественныя правила полныя», которыя вѣдно имѣтъ въ соборныхъ церквахъ, одно и тоже съ соборнымъ уложеніемъ, или означаютъ кормчую книгу, или наконецъ кормчую и соборное уложеніе вмѣстѣ.—Въ апрѣлѣ тогоже года отъ царя дана была выпись свѣтскимъ властямъ, касательно поведенія духовенства и мірянъ, на основаніи *соборнаго уложенія*, сходная по мыслямъ и выраженіямъ съ главами Стоглава (гл. 29, 34, 37, 38, 40, 41. вопр. 17, 52, 71). Выпись опредѣляетъ, какъ поступать съ священниками, діаконами и иноками, которые, «забывъ страхъ Божій и презрѣвъ священныя правила, и царскую заповѣдь и соборное уложеніе», станутъ вести себя несообразно съ своимъ званіемъ; относительно мірянъ запрещаетъ лживую присягу, сквернословіе, брань и волхвованіе (1).

Въ іюлѣ 1551 года, чрезъ два мѣсяца по окончаніи стоглавнаго собора, послана была отъ митрополита грамота въ Симоновскій монастырь архимандриту Алексію съ братіею (2). Эта грамота указываетъ на *соборное*

(1) А. и. т. I. № 154. стат. 11.

(2) См. Стогл. стр. 258.—Въ 1551 году симоновскимъ архимандритомъ былъ дѣйствительно Алексѣй (см. Ист. Іер.)

уложеніе, содержаніемъ подобное Стоглаву: «соборнѣ уложихомъ по вопросомъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ, и общепредательномъ житіи, и о півяственномъ питіи, и о святительскомъ судѣ, и о прочихъ священныхъ чинѣхъ»; потомъ указываетъ на исполненіе опредѣленій соборнаго уложенія относительно монастырей: «и вынѣ о томъ вкратцѣ написахомъ о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ и о прочихъ священныхъ чиновѣ по священнымъ правиломъ, къ вамъ въ монастырь на соборѣ послахомъ за своею печатью... да на томъ бы естя соборѣ передо всею братьею наше посланіе къ вамъ соборное прочли со всяцѣмъ вниманіемъ, и что въ немъ писано, и вы бѣ съ Божіею помощію о всемъ о томъ потщалися духовнѣ и тѣлеснѣ исправити елика ваша сила». Изъ приписки къ этой, найденной нами, грамотѣ видно, что 1) была *соборная книга*; что 2) таже грамота, какая послана была въ Симоновъ монастырь, послана и въ другіе монастыри; и что 3) съ этой грамотой посланы были въ видѣ *поученія*, т. е. для руководства слѣдующія главы, выписанныя изъ той соборной книги: 49, 50, 51, 52, 75, 76, 67, 68, глава 31 царскихъ вопросовъ, и опять 68. По нашему мнѣнію, весьма трудно доказать, что бы соборная книга была не Сто-

главъ, а иная. Статьи, посланныя по монастырямъ для руководства, безъ сомнѣнiя, суть извѣстныя главы Стоглава: 49—о монастыряхъ общiя распоряженiя; 50—о священническомъ и иноческомъ чинѣ, частнѣе—о принятiи въ монастыри какъ священниковъ, такъ и мiрянъ, даже невѣрныхъ, для постриженiя; 51—о приходящихъ священникахъ и діаконахъ, желающихъ служить въ монастырѣ; 52—о пьянственномъ питiи по монастырямъ; 75—о монастырскихъ имѣнiяхъ; 76—о святительскихъ и монастырскихъ деньгахъ и хлѣбѣ, отдаваемыхъ за проценты; 67—о несудимымъ грамотахъ, о подчиненiи монастырей святительскому суду; 68—о подчиненiи всего священническаго и иноческаго чина святительскому суду, до статьи о десятельникахъ; 31 царскiй вопросъ,—неизвѣстно, изъ первыхъ или изъ вторыхъ вопросовъ ⁽¹⁾; и наконецъ подрядъ—«подъ то же слово» продолженiе 68 главы—о десятильникахъ. Но изъ этой же грамоты и приписки къ ней видно, что по монастырямъ не была разослана соборная книга, а только

(1) Въ 5 главѣ 31 вопросъ—о ружныхъ церквахъ и о монастыряхъ, т. е. о ругахъ и о милостыняхъ имъ; въ 41 главѣ 31 вопросъ—о повседневномъ служенiи въ монастыряхъ молебновъ, литургiй по праздникамъ и панихидъ въ положенное время. Тотъ и другой вопросъ могъ быть посланъ въ наказъ монастырямъ; вѣроятно же, впрочемъ, второй.

выписки изъ нея, касающіяся монастырей, за печатью митрополита.

Подъ вліяніемъ Стоглава написаны: посланіе м. Макарія въ Свіяжскъ къ царскому войску (отъ 15 мая 1552 года) и посланіе его царю Ивану Васильевичу объ укрѣпленіи на брань съ казанскими татарами (отъ 15 іюля 1552 года) ⁽¹⁾. Нравственныя наставленія этихъ посланій, примѣры и пр. часто буквально сходны съ статьями Стоглава (напр. гл. 3, 52).—Въ октябрѣ 1555 года троицкій игуменъ Юасафъ, по *соборному уложенію* царя Ивана Васильевича и м. Макарія, изгналъ изъ присѣцкой волости скомороховъ, ворожей и волхвовъ, татей и разбойниковъ ⁽²⁾; его распоряженіе отличается отъ статей Стоглава только опредѣленными наказаніями какъ самимъ этимъ лицамъ, такъ и тѣмъ, которыя дадутъ имъ убѣжище (Стогл. гл. 41, вопр. 19—21).—Въ апрѣлѣ 1556 года святитель Гурій разрѣшилъ свіяжскому монастырю дозволить служеніе приходящимъ священникамъ и діаконамъ, если у нихъ будутъ ставленныя и отпускныя грамоты, и постригать ихъ подѣ тѣмъ же условіемъ и «аще суть достойны по свидѣтельству отцевъ ихъ духовныхъ» ⁽³⁾. Это

(1) А. в. т. I. № 159 и 160.

(2) А. э. т. I. № 244.

(3) А. э. т. I. № 247.

разрѣшеніе сдѣлано подъ прямымъ вліяніемъ Стоглава (гл. 51 и 80). Въ февраль 1538 года м. Макарій разрѣшилъ два сомнительныхъ случая: о служившемъ литургію безъ епитрахли и о неокончившемъ литургію (1); перваго оный повелѣлъ отлучить отъ священства на годъ по священнымъ правиломъ, не указывая на соборное уложеніе и приводя правило, не находящееся въ Стоглавѣ (Стогл. гл. 5, вопр. 25 и гл. 14—16; по второму случаю, не разсмотрѣвшему и въ Стоглавѣ, замѣтилъ, что «о многихъ вещехъ въ правилѣхъ не о всемъ писано».

Но самое обширное извлеченіе изъ Стоглава сдѣлано м. Макаріемъ въ наказной грамотѣ въ Каргополь объ учрежденіи поповскихъ старость (февраля 2, 1538 г.) (2). Такъ какъ грамота въ Каргополь въ печати неизвѣстна еще, то мы изложимъ содержаніе ея, сопоставляя съ главами Стоглава. Грамота состоитъ изъ предисловія и 57 статей. По предисловію, грамота посылается «въ Каргополь, да въ Турчасово на ставъ» городовому прикащику, поповскимъ старостамъ и всему духовенству каргопольскаго и турчасовскаго уѣздовъ, а также всѣмъ посадскимъ, волост-

(1) А. э. т. I. № 253.

(2) Рук. Имп. общ. ист. в древн. росс. Огд. 1. № 22.

нымъ и сельскимъ старостамъ и цѣловальникамъ земскимъ, и содержитъ приговоръ м. Макарія «съ государемъ благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи самодержцемъ и съ его братією, и со архіепископы и епископы и съ бояры, и со всѣмъ священнымъ соборомъ, по священнымъ правиломъ и по царскимъ закономъ: *о многоразличныхъ церковныхъ чиняхъ*». Статья 1 опредѣляетъ судъ надъ духовенствомъ почти буквально сходно съ Стоглавомъ (1).—Статья 2 опредѣляетъ судъ надъ монашествующими и монастырскими крестьянами сходно съ 67 главой Стоглава.—Статья 3—о судѣ епископскихъ бояръ (стр. 302) и статья 4—о разъѣздахъ десятильниковъ (стр. 308.) и о десятильничьемъ судѣ (стр. 304 и 305; объ онѣ не отступаютъ по смыслу отъ Стоглава и сходны по выраженіямъ; послѣдняя оканчивается распоряженіемъ о немедленномъ приведеніи закона въ дѣйство: «и какъ къ вамъ царя и великаго князя грамота придетъ и наше посланіе; и вы бы совѣстѣсь съ протопопы и съ игумены и съ соборными и съ посадскими священники,

(1) Начало и конецъ 67 главы и выдержка изъ начала 68 главы о крестномъ цѣлованіи и полѣ.

и съ пригородными священники и діаконы, и съ посадскими старостами и цѣловальники и съ земскими цѣловальники, да въ городѣ и на посадѣ устави́ли бы поповскихъ старость, сколько пригоже, и десятскихъ священниковъ; а по волостемъ бы есте и по селомъ устави́ли десятскихъ священниковъ. И тѣ поповскіе старосты и десятскіе священники, которые живутъ въ городѣ и на посадѣ, были бы въ судѣ у нашего архіепископа десятильника по два (въ Стоглавѣ: по два или по три) перемѣняяся по недѣлямъ».—Статья 3—объ обязанностяхъ въ десятильничьемъ судѣ старость поповскихъ и десятскихъ священниковъ, а также старость и цѣловальниковъ земскихъ, по смыслу и по выраженіямъ сходна съ Стоглавомъ (гл. 68, стр. 305—308).—Статьи 6 и 7—о порукахъ и о взяткахъ за поруки, соотвѣтствуя нѣкоторымъ мѣстамъ Стоглава (гл. 69), изложены гораздо точнѣе, нежели въ Стоглавѣ.—Статьи 8, 9 и 10—о вѣчной пошлинѣ изъ Стоглава (гл. 69) ⁽¹⁾.—Статья 11—о поѣздахъ епископскихъ недѣльщиковъ за обвиненными

(1) Стат. 8: «такъ же вамъ указъ царевъ и соборной отвѣтъ о вѣчной пошлинѣ, и о прочихъ винахъ: заказываютъ и собираютъ... вѣчную пошлину потому же». (стр. 309—310).—Стат. 9: «да тѣже поповскіе старосты... казначеемъ» (стр. 310—

изъ Стоглава (гл. 69) ⁽¹⁾.—Статьи 12, 13, 14 и 15—объ осмотрѣ священническихъ грамотъ, ставленыхъ, отпусковыхъ и другихъ, поповскими старостами и десятильниками, изъ Стоглава (гл. 69) ⁽²⁾.—Статья 16—о тиунахъ и педѣльщикахъ, составляющихъ дѣла съ ябедниками, изъ Стоглава (гл. 69, стр. 324—325).—Статья 17—о сборѣ святительской дани и разныхъ пошлинъ по книгамъ, сходна съ Стоглавомъ по мыслямъ и выраженіямъ (гл. 63, стр. 309); отличается только срокомъ представленія ихъ, какъ и статья 8, «на зборъ или въ той же день по зборѣ», тогда какъ въ Стоглавѣ опредѣлено доста-

311).—Стат. 10: «да тѣмъ же священникомъ... во всякомъ благочестіи и чистотѣ» (стр. 311—312).

(1) «Да нашимъ же архіеппскопымъ недѣльщикомъ въ великомъ Новѣгородѣ и по всѣмъ городомъ во архіеппскопьи и отъ десятильникомъ... а отъ поруки у нихъ и поклоннаго не емлютъ ничего» (стр. 319—321). Начальная слова статьи показываютъ, что эта митрополичья грамота была вмѣстѣ и наказомъ новгородскаго архіеппскаго по соборному уложенію (см. цар. нак. объ обяз. поп. стар).

(2) Стат. 12: «да тѣмъ же священникомъ старостамъ... за порукою къ святителемъ» (стр. 315).—Стат. 13: «а въ котромъ городѣ вновь десятильникомъ... ко святителемъ за порукою» (стр. 315—316).—Стат. 14: «а которые попы и діаконы новопоставлены... о томъ не вѣдятъ» (стр. 316—317).—Стат. 15: «а которые новоперешли... отдають десятильникомъ» (стр. 317).

влять ихъ «на рождество Христово или на зборъ».—Статья 18—о доставленіи святителямъ списковъ новоизбранныхъ поповскихъ старость и десятскихъ священниковъ, и земскихъ старость и дѣловальниковъ: «а нынѣ по цареву совѣту и по соборному уложению о всемъ о томъ писали есмь къ вамъ, какъ имъ наши дѣла святительскіе вѣдати и дѣлати отнынѣ и впредь о всемъ подлинно».—Статья 19: «такъ же есмь нынѣ послали къ вамъ по цареву совѣту и по повелѣнію и по его царевымъ вопросамъ *сіе соборное посланіе* вкратцѣ написавъ о *многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ*, чтобъ вамъ протопопомъ и поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникомъ, которые живутъ въ городѣ и на посадѣхъ и которые десятскіе священники живутъ по волостемъ и по селомъ во всемъ уѣздѣ, отнынѣ и впредь беречи накрѣпко о всѣхъ церковныхъ различныхъ чинѣхъ».—Статья 20—о благоговѣйномъ совершеніи по уставу божественныхъ службъ, изъ Стоглава (гл. 6 и 16) ⁽¹⁾.—Статья 21—о царскихъ дверяхъ (Стогл. гл. 10), о служеніи въ ризахъ и епитрахляхъ (гл. 14 и 8), о заповѣ алтаря

(1) Гл. 6: «то есмь Божіе великое дѣло положили на вашихъ освященныхъ душахъ, чтобъ по всѣмъ святымъ церквамъ звонили.. ничтоже претворяюще»

(8) и о вещахъ вносимыхъ въ олтарь (гл. 12),—небуквальныя извлеченія изъ указанныхъ главъ Стоглава.—Статья 22—о вещахъ полагаемыхъ на престоль и жертвенникъ, изъ Стоглава (продолженіе гл. 12).—Статья 23—о лицахъ входящихъ въ олтарь и единобрачїи духовныхъ (окончаніе гл. 12 и изъ 8 главы (стр. 87) выдержка о черницахъ—просфирняхъ). Статья 24—о совершенїи разныхъ службъ церковныхъ и о крещенїи дѣтей (гл. 14 и 17 начало: «а дѣтей бы крестили... въ три погруженія» и окончаніе: «но сице подобаетъ крестити...»).—Статья 25—о вѣнчанїи—глава 18 Стоглава.—Статья 26—о вѣнчанїи двоеженцевъ и троеженцевъ—начало главы 23 Стоглава.—Статья 27 и 28—объ училищахъ—глава 26 Стоглава.—Статья 29—о надзиравіи за книгами, иконами и всѣми священными вещами—глава 27 Стоглава.—Статья 30—о книжныхъ

(стр. 178); гл. 16: «а на вечерняхъ бы и на павечерницахъ, и на полуношницахъ и на заутреняхъ говорили псалмы.. и потомъ степенна пѣли и сказывали по чину» (стр. 105); «и говорили не вдругъ... зазору церковнаго» (стр. 107); «а вдругъ псалмовъ и псалтыри не говорили и каноновъ по два вмѣстѣ; занеже... и того ради подобаетъ пѣти и чести во святыхъ церквахъ и съ страхомъ и трепетомъ предстояти не токмо священнымъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ» (стр. 105—107); гл. 6: «и того ради церковнаго чина... и о спасенїи всего православнаго хрестьянства» (стр. 80—82).

переписчикахъ—глава 28 Стоглава (1). Статьи 31 и 32—о крестномъ знаменіи—глава 31 Стоглава (2); «правую руку уставили (бы) ко крестному воображенію, большой палець да два нижніе персты во едино совокупивъ, а верхній персть мало нагнувъ».—Статья 33—объ освященіи воды—41 главы Стоглава отвѣтъ на 6 вопросъ.—Статья 34—о литіяхъ—отвѣтъ на 9 вопросъ.—Статья 35—объ обязанностяхъ просвирней—изъ 8 главы Стоглава (3).—Статья 36—о предтечевой части—отвѣтъ на 11 и на 12 вопросы 41 главы Стоглава.—Статья 37, запрещающая жить въ одномъ мѣстѣ чернцамъ и черницамъ, сходна по мысли съ 82 главой Стоглава.—Статьи 38—41—о вдовыхъ посахъ и діаконахъ—почти буквально сходны съ 81 главой Стоглава.—Статья 42—о сорочкахъ, въ которыхъ рождаются дѣти—2 вопросъ и отвѣтъ 41 главы Стоглава.—Статья 43—о мылѣ, приносимомъ на освященіе церкви—вопросъ и отвѣтъ 3.—

(1) «Такожъ которые писцы... и шрочіи страхъ примуть» (стр. 125—126).

(2) Стат. 31: «такожъ священные протопопы... якожь предаша святіи отцы» (стр. 131).—Стат. 32: «такожъ бы и дѣтей своихъ... слугя Божія Слова святіи апостоли и святіи отцы» (стр. 131—133).

(3) «Такожъ надъ просвирами и надъ кутіями... да отсылають ихъ священникомъ во святую церковь, и тако онѣ дѣйствуютъ по священнымъ правиламъ, ничтоже претворяюще» (стр. 87—88).

Статья 44—объ избраніи просвярницъ, пономарей и церковныхъ сторожей—отвѣтъ на 14 вопросъ Стоглава 41 главы.—Статья 45—о яденіи крови и удавленины и объ игрищахъ—выдержки изъ 91 и 92 главы Стоглава.—Статья 46: «такоежъ бы естя поучали и наказывали всѣхъ православныхъ хрстіанъ, чтобъ накривѣ креста не цѣловали, и бородъ не брили, егужъ и безсловесніи скоти не творятъ; понеже священная правила веѣмъ таковымъ запрещеніемъ отлучаютъ, священныхъ же ковечному изверженію предають» (Стогл. гл. 38—40).—Статьи 47—50—о поведеніи духовныхъ—глава 29 Стоглава.—Статья 51—о ружныхъ полахъ и діяконахъ—начало 30 главы Стоглава.—Статья 52—окончаніе 30 и выдержка изъ 32 главы Стоглава (1).—Статьи 53 и 54—о поведеніи мірянъ и о пьянствѣ—продолженіе 32 главы Стоглава до конца.—Статья 55—о содомскомъ грѣхѣ—глава 35 Стоглава и выдержка изъ 40 главы (2).—Статья 56—о повиновеніи духовнымъ от-

(1) «А которые священники ружные... и діяконовъ посылати» (стр. 131); гл. 32; «и о тѣхъ о всѣхъ предиреченныхъ... и въ прочихъ добродѣтеляхъ» (стр. 137).

(2) Глава 33 и главы 40: «и вы бы священники и протопопы о всѣхъ о тѣхъ... и въ покаяніи и въ прочыхъ добродѣтеляхъ» (стр. 162—163).

пань—продолженіе 40 главы (1).—Статья 37—увѣщаніе духовнымъ отцамъ—окончаніе 40 главы и вторая половина 28: «и вы бы о всемъ о томъ съ Божіею помощію потщались совершити и исправити... и сія доздѣ священству вашему писахомъ (Стогл. стр. 126); и вы бы сіе наше посланіе списывали слово въ слово, и раздавали бы поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ градскимъ и сельскимъ и волостнымъ, и всѣмъ священникамъ всего каргопольскаго уѣзда, и онѣ ихъ у себя держать, и впредь о всемъ потому берегутъ и ходять».

Итакъ соборное посланіе м. Макарія въ Каргополь «о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ» есть не что иное, какъ исполнительный указъ о церковныхъ имепно чинахъ, обсуженныхъ «по цареву совѣту въ соборномъ уложевіи» (стат. 18). Это самое обширное извлеченіе изъ Стоглава въ официальномъ актѣ. Посланіе велѣно было раздать всѣмъ священникамъ, которые должны держать его у себя и въ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ его опредѣленіями, какъ поповскіе старосты должны были поступать по царскому наказу 1552 года. Посланіе, очевидно, было

(1) «А вы бы вси православніи христіане... и дѣти, иже еси дая» (стр. 163—164.)

для священнослужителей **соборнымъ уложе-
ніемъ** м. Макарія и всего стоглавнаго собора.

Постановленія, занесенныя въ Стоглавъ, продолжали дѣйствовать и въ послѣдующее время: такъ въ 1394 и 1604 годахъ повто- рено было постановленіе о поповскихъ ста- ростахъ въ Москвѣ для надзора за поведени- емъ духовенства какъ во время богослуженія, такъ и въ частной жизни ⁽¹⁾. Но что еще ва- жнѣе, въ XVII вѣкѣ и особенно въ половинѣ его стали смотрѣть на Стоглавъ именно какъ на соборное уложеніе стоглавнаго собора, и стали давать ему широкое примѣненіе въ за- конодательствѣ. Въ 1639 году царь Михаилъ Феодоровичъ требовалъ изъ Кириллова бѣлозер- скаго монастыря «книгу государя царя и велика- то князя Ивана Васильевича вопросы и собор- ныя отвѣты» ⁽²⁾. Около этого времени патріар- хи стали издавать указы, содержащіе обшир- ныя извлеченія изъ Стоглава, о тѣхъ рели- гіозно—нравственныхъ недостаткахъ русскаго народа, какіе замѣчены были во времена сто- главнаго собора. Таковъ указъ н. Іоасафа тіуну и поповскому старостѣ (августа, 1636 года) о прекращеніи въ московскихъ церквахъ и въ домашней жизни христіанъ разнаго ро-

(1) А. э: т. I. № 360 и т. II. № 223.

(2) А. э: т. III. № 290.

да безчинствъ и злоупотребленій (1); таковъ окружный наказъ п. Іосифа (1646 г.) духовному чину о соблюденіи поста и о церковномъ благочиніи (2); таковъ же царскій указъ 1646 года о строгомъ наблюденіи, чтобы христіяне въ воскресные и праздничные дни ходили въ церковь, удалялись чародѣйствъ и пьянства, не заводили непристойныхъ игрищъ и пр. (3). Много сохранилось отъ того времени и другихъ распоряженій, писанныхъ подъ нрямымъ вліяніемъ Стоглава (4). Мало того: въ официальныхъ актахъ стали прямо указывать на Стоглавъ какъ на соборное уложеніе м. Макарія и всего стоглавнаго собора. Такъ въ «соборномъ изложеніи» п. Филарета (гл. 5.) указывается «свидѣтельство Макарія митрополита въ Стоглавникъ, еже не обливати (гл. 17)». Въ царской грамотѣ 1651 года о единогласномъ пѣніи и чтеніи во время отпращенія церковной службы, посланной въ Сійскій монастырь игумену Феодосію (5), между прочимъ говорится: «въ прошломъ 7059 году, блаженныя памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Ру-

(1) А. э: т. III. № 264.

(2) А. э: т. IV. № 321.

(3) А. в: т. IV. № 35.

(4) См. А. э: т. IV. № 322, 325, 328, 334, в др.

(5) А. э: т. IV. № 327.

сія и при освященномъ Макаріи, митрополитѣ московскомъ и всеа русіи, и при всемъ освященномъ соборѣ, о единогласномъ пѣвнѣ соборѣ былъ в уложеніе, и въ московскомъ государствѣ и по всемъ градомъ уложили пѣти единогласно, и грамоты по всемъ градомъ были посланы» (1). Въ служебникахъ м. Іосифа (1651 г.) и п. Никона (1652 г.) говорится о соборномъ уложеніи м. Макарія и опредѣленіе Стоглава о единогласномъ пѣвнѣ приводится какъ опредѣленіе стоглавнаго собора (въ предисловіи). Весьма замѣчательно, что и п. Никонъ въ своихъ возраженіяхъ Пансію Лигариду пользуется Стоглавомъ, какъ соборнымъ уложеніемъ царя, митрополита и всѣхъ архіереевъ (2). Въ окружной грамотѣ объ иконахъ писавши царь Алексѣй Михайловичъ соборное опредѣленіе (1667 г.) объ иконахъ и иконописцахъ такъ заключаетъ: «сидѣть тако быти хотящимъ въ вашей православнаго царствія державѣ неизмѣнно быти узаконяемъ и повелѣваемъ, подражающе узаконенію благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, въ Стоглавѣ воспоминаемому

(1) См. Стогл. гл. 16; посл. въ Каргоц. стат. 18—20.

(2) Рус. Бес. 1859. IV. ч. 2.

во главѣ 45» (1). Наконецъ великій московскій соборъ 1667 года стотрѣль на Стоглавъ, какъ на соборное уложеніе, и силою своей власти упичтожалъ опредѣленія Стоглава, какъ опредѣленія стоглавнаго собора: «соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ, всеа Росіи самодержицѣ, отъ Макарія митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, еже писано неразумно простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавъ, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы православніи патриарси и весь освященный соборъ тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву, и ни во что же вѣваемъ, якоже и не бысть» (2).

Сводя всѣ, упомянутые нами, официальные акты, мы находимъ, что 1) существовала *книга*, которая называлась *соборной*, т. е. содержащей акты собора 1551 г., и вѣроятно, книга Стоглавъ; 2) изъ этой книги выписывались опредѣленія въ видѣ отдельныхъ на-

(1) А. э: т. IV. № 174.

(2) Доп. А. и. т. V. № 102, стр. 487.

казовъ, отъ лица митрополита или царя, и разсылались, смотря по содержанию ихъ, по монастырямъ или по духовенству (грам. въ Симон. мон. и въ Каргоп.); 3) соборная книга не была разослана по духовенству, а царскіе указы и митрополичьи были для него тѣмъ «закономъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія», съ которымъ оно должно было сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ (пригов. о моск. поп. стар.); 4) кромѣ того, каждый епископъ, для руководства духовенству, долженъ былъ послать поповскимъ старостамъ свой наказъ по соборному уложенію (пригов. объ обяз. поп. стар.) или по крайней мѣрѣ приспособить общій наказъ митрополита къ своей епархіи (грам. въ Каргоп. стат. 11, тоже ст. 5—7 и 16); 5) нельзя рѣшить, что разумѣется въ официальныхъ актахъ XVI вѣка подъ словомъ *соборное уложеніе*, Стоглавъ или отдѣльные указы; потому что всякій законъ, изданный соборомъ, митрополитомъ или царемъ съ согласія другихъ, и даже самый фактъ, т. е. что то или другое опредѣлено на соборѣ, могъ быть названъ и назывался соборнымъ уложеніемъ (1); нако-

(1) Такъ напр. упомянутая нами царская грамота 1651 года въ Сійскій монастырь о единогласномъ пѣніи въ церкви называется себя «соборнымъ уложеніемъ» (стр. 489); такъ въ соборномъ приго-

пецъ 6) только въ XVII вѣкѣ соборнымъ уложеніемъ м. Макарія и всего стоглавнаго собора официальные акты называютъ именно Стоглавъ.

Но дѣйствительно ли Стоглавъ есть то соборное уложеніе, которое упоминается въ актахъ XVI вѣка, и слѣдовательно имѣлъ ли онъ значеніе официального юридическаго акта, какъ напр. Судебникъ, или церковно—каноническаго законоположенія для Россіи XVI и XVII вѣка до отмѣненія его великимъ московскимъ соборомъ? Большинство ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о значеніи Стоглава, отвѣчаютъ отрицательно и доказываютъ, что онъ не имѣлъ значенія официального юридическаго акта и не былъ утвержденъ въ качествѣ церковно-каноническаго законоположенія, что онъ заключаетъ въ себѣ черновые записки, относящіяся къ собору 1551 года. Мы изложимъ только наиболее сильныя соображенія противъ официального значенія Стоглава.

Не станемъ повторять за другими, что раздѣленіе Стоглава на сто главъ какъ вооб—

ворѣ 1581 года, запрещающемъ духовенству приобрѣтать имѣнія, говорится: «и грамота по тому приговору написана, и по той грамотѣ и по уложенью и дѣлати»; еще: «кто послѣ сего уложенья купить землю» и пр. (А. э: т. I. № 308).

ще, такъ и въ частностяхъ неправильно и неестественно; что нѣкоторыя главы Стоглава не заключаютъ въ себѣ никакихъ узаконеній или по крайней мѣрѣ узаконеній собственно стоглавнаго собора; что нѣкоторыя главы по содержанию своему будто бы не могутъ принадлежать собору и написаны послѣ него (1 и нач. 6); что для нѣкоторыхъ главъ нѣтъ основаній въ царскихъ вопросахъ; что въ рѣшеніяхъ Стоглава встрѣчаются мысли невѣрныя, противорѣчія, свидетельства вымышленныя, искаженія свидетельствъ писанія, соборныхъ и отеческихъ, много недостатковъ какъ въ ходѣ мыслей, такъ и въ языкѣ; что по всему этому Стоглавъ вельзя признать произведеніемъ отцевъ собора, утвержденнымъ въ качествѣ церковнаго законоположенія. Желательно было бы, чтобы въ постановленіяхъ собора всего этого не было; но трудно доказать, что все это—дѣло не отцевъ собора, а частнаго человѣка, очень недалекаго въ своемъ образованіи. Имѣя въ виду общіе недостатки просвѣщенія того времени и источниковъ просвѣщенія, а также спѣшность работы (соборъ могъ продолжать свои занятія не много болѣе двухъ мѣсяцевъ), можно допустить, что всѣ недостатки Стоглава могли быть дѣломъ самихъ членовъ собора, не исключая даже и такъ называемыхъ расколь-

ническихъ мнѣній. Можно только догадываться, что отцы собора, не имѣя времени исправить свои записи и соображенія или вообще не полагаясь на ихъ вѣрность, оставили ихъ неутвержденными до благопріятнаго времени или предоставили митрополиту привести въ исполненіе, что и какъ найдетъ оцѣ нужнымъ. И такая догадка будетъ основана не на достоинствѣ собора, а на дальнѣйшихъ историческихъ обстоятельствахъ. На эти-то обстоятельства мы и обратимъ вниманіе.

Въ маѣ 1551 года «вся писавіе царскихъ вопросовъ и святительскихъ отвѣтовъ» посланы были въ Сергіеву лавру на разсмотрѣніе къ бывшему м. Іоасафу. М. Іоасафъ вмѣстѣ съ другими, выслушавъ «царское и святительское уложеніе соборное», призналъ его правильнымъ и полезнымъ для церкви; но сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ опредѣленій соборнаго уложенія (гл. 99 и 100). Нѣкоторыя изъ возраженій м. Іоасафа приняты были во вниманіе и вошли въ текстъ Стоглава. Таковы постановленія о раннихъ обѣдняхъ «для царскихъ служебниковъ и торговыхъ людей и больныхъ» (гл. 7); объ отмпевіи нѣкоторыхъ статей монастырскаго устава въ Сергіевой лаврѣ и для постриженниковъ изъ «великихъ людей» (гл. 52), о запрещеніи венкуснымъ мастерамъ писать цѣны (гл. 43), о соедине-

ніи мелкихъ пустыней въ одну (гл. 85) и о льготахъ, для запустѣвшихъ церквей (гл. 70). Значитъ, соборная книга до пересмотра ея и. Іоасафомъ была не въ томъ видѣ, какъ нынѣшній Стоглавъ, и не была еще утверждена соборомъ въ качествѣ церковно—законодательнаго кодекса.

Не была утверждена она и по пересмотрѣ ея, когда получены были возраженія и. Іоасафа. Доказательствомъ этого служатъ соборные приговоры и царскіе указы, изданные въ 1551 и 1552 годахъ, о предметахъ вошедшихъ въ Стоглавъ. Приговоры эти и указы вообще изданы не въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ соборныя опредѣленія въ Стоглавѣ: они то дополняютъ опредѣленія Стоглава, то сокращаютъ, то разъясняютъ, то вовсе измѣняютъ смыслъ ихъ (см. пригов. 11 мая 1551 и пригов. о моск. поп. стар. 1552 г.). Всего этого не могло бы быть, если бы Стоглавъ былъ утвержденъ, какъ каноническая книга русской церкви.

Есть слѣды того, что Стоглавъ и послѣ 1552 года не былъ утвержденъ въ качествѣ канонической книги, обязательной для русской церкви. Въ одной древней запискѣ о соборѣ 1554 года говорится, что въ октябрѣ этого года царь съ митрополитомъ и со всѣмъ соборомъ разсуждалъ «о прежнемъ соборномъ

уложенїи о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправилися и которые еще не исправилися», и что «царь богомольцемъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ помогъ впередъ и прочія дѣла исправлены были» (1). Безъ всякаго сомнѣнія, это соборное уложеніе или соборная книга есть та самая соборная книга, изъ которой еще въ 1551 году дѣлались выписки и рассылались по монастырямъ для руководства, и именно, должно думать, какъ мы говорили выше, книга Стоглавъ. Въ 1554 г. эта книга содержала «дѣла, которыя исправилися и которые еще не исправилися». Если подъ *исправленіемъ* дѣлъ мы будемъ разумѣть пересмотръ ихъ, передѣлку и исправленіе соборныхъ рѣшеній и даже первоначальное рѣшеніе нерѣшенныхъ прежде вопросовъ: то, по суду отцевъ собора 1554 года, соборная книга о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, заключала въ себѣ предметы, требовавшіе пересмотра, передѣлки и исправленія соборныхъ рѣшеній, и даже, можетъ быть, рѣшенія въ первый разъ вопросовъ, предложенныхъ прежде. Если же подъ *исправленіемъ* будемъ разумѣть только приведеніе въ исполненіе соборныхъ опредѣленій (грам. въ

(1) Рук. принадл. Волокол. мон. № 404.

Сям. мож.): то должны будетъ приять за несомнѣнное, что соборная книга, которая заключала въ себѣ дѣла, неприведенныя въ исполненіе, т. е. необнародованныя въ качествѣ соборныхъ рѣшеній для руководства, не была еще утверждена до 1554 какъ каноническая книга русской церкви, когда находили нужнымъ приводить въ исполненіе не все и пересматривать неисполненное.

Вѣрнѣе же полагать, что въ 1554 году прежняя соборная книга не только не была утверждена, какъ каноническое законоположеніе, но и заключала въ себѣ вопросы, не имѣвшіе вовсе рѣшеній, и рѣшенія считавшіяся сомнительными, неправильными, требовавшими исправленія и во всякомъ случаѣ неокончательными, и что даже въ 1554 году окончательнаго рѣшенія по нѣкоторымъ вопросамъ не послѣдовало. Въ этомъ убѣждаетъ насъ свидѣтельство бывшаго троицкаго игумена Артемія, осужденнаго 24 января 1554 года. Игумень троицкаго — Сергіева монастыря Иона «писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ деп въ томъ ничего, преже деп сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ деп о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего... И то Артемью

вина, что онъ про крестное знаменіе говорилъ: пѣтъ деи въ томъ ничего, и то онъ говорилъ хулу; а на соборѣ и самъ Артемей сказалъ, что онъ про нынѣшней соборъ Іонѣ говорилъ» (1). Это свидѣтельство въ отноше- ній къ стоглавному собору весьма замѣча- тельно. Изъ него видно: 1) что хотя и преже- де начпшались у насъ сомнѣнія о томъ, какими перстами должно совершать крестное зна- меніе (2) и, можетъ быть, пѣкоторые полага- ли на себѣ *большіе кресты*, по бодщияетво употребляло обыкновенное крестное *знаме- ніе*, треперстное; 2) что въ 1551 году, безъ сомнѣнія, поднятъ былъ вопросъ о крестномъ знаменіи и за двуперстіе стояли многіе, такъ что послѣ того до 1554 года замѣтно стало употребленіе *большихъ крестовъ*; 3) но что въ 1551 году на стоглавномъ соборѣ не бы- ло обязательнаго для всѣхъ рѣшенія о крест- номъ знаменіи, иначе Артемій не могъ бы го- ворить: «вынѣча своимъ произволеніемъ *боль- шіе на себѣ кресты кладуть*»; 4) что наконецъ и на этомъ (*нынѣшнемъ*, по словамъ Арте-

(1) А. э. т. I. № 239.

(2) Припомнимъ слово м. Давіила: «яко пріа- хомъ преданія писанная и неписанная и да знаме- нуемъ лице свое крестообразно», въ которомъ пред- лисывается двуперстное крестное знаменіе (рук. моск. дух. акад.).

мія) соборъ 1554 года, когда царь именно въ октябрѣ мѣсяцѣ разсуждалъ съ соборомъ «о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ», было разсужденіе о крестномъ знаменіи, но не dospѣли ничего, ни на чемъ не остановились въ своемъ рѣшеніи; потому что соборъ обличилъ бы Артемія во лжи, если бы сдѣлалъ какое-нибудь окончательное рѣшеніе касательно крестнаго знаменія, и поставляя въ вину Артемію его хульный отзывъ о крестномъ знаменіи вообще: «нѣтъ деи въ томъ ни чего», непременно поставилъ бы ему въ вину и другія слова—въ частности о двуперстіи, если бы рѣшилъ вопросъ о крестномъ знаменіи въ томъ смыслѣ, какъ онъ рѣшенъ въ Стоглавѣ. Только уже въ 1558 году вопросъ о крестномъ знаменіи рѣшенъ былъ и мнѣніе о двуперстіи превозмогло: потому что опредѣленіе о совершеніи крестнаго знаменія двумя перстами вошло въ официальную грамоту м. Макарія въ Каргополь (1).

(1) Мягкій и уступчивый, чтобъ не сказать, робкій м. Макарій, хотя самъ принималъ, что для крестнаго знаменія нужно употреблять три перста (Мак. Чет.—Мин. новг. соф. библ. подъ 31 іюня), могъ уступить усилившемуся мнѣнію о двуперстіи.—Нелишне замѣтить здѣсь, что такъ какъ вопроса объ изображеніи крестнаго знаменія двумя или тремя перстами не было, то и рѣшеніе стоглавнаго собора, записанное въ Стоглавѣ, отличается по одной редакціи робостію и нерѣшительностію (см. нашего

Наконецъ мы встрѣчаемъ еще одно свидѣтельство о продолженіи соборныхъ разсужденій по вопросамъ, вошедшимъ въ составъ Стоглава. Именно въ Никоновской лѣтописи подъ 1555 годомъ говорится, что по повелѣнію царя и митрополита созванъ былъ въ Москву соборъ изъ русскихъ епископовъ «о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ и многихъ дѣлахъ ко утверженію вѣры христіанской». Очевидно, соборъ имѣлъ задачей не рассмотреть тѣ дѣла соборной книги о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ, которыя еще не исправлены, по отзыву собора 1554 г. О слѣдствіяхъ соборныхъ разсужденій ничего неизвѣстно; можно только догадываться, что соборъ 1555 года пересмотрѣлъ многія рѣшенія, вошедшія въ соборную книгу, исправилъ ихъ, опустилъ все лишнее и сомнительное, далъ имъ болѣе юридическую форму и опредѣлилъ издать въ видѣ наказной грама-

изданія вар. по № 3 и 4). По ней хотя предписывается двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія, но не такъ твердо и рѣшительно, какъ по другой редакціи; всѣ три мѣста, въ которыхъ говорится о двухъ перстахъ выпущены, и знаменитое, такъ сказать, классическое для раскольниковъ, мѣсто, не упоминая о двуперстіи, написано прямо въ отвѣтъ на царскій вопросъ (см. стр. 133. см. гл. 5, вопр. 26). Не вошло оно и въ грамату м. Макарія въ Каргополь.

ты для руководства всему духовенству русской церкви. Грамата эта и есть та самая, которая послана была въ Каргополь въ 1558 году. Покрайней мѣрѣ ни прежде, ни послѣ 1558 года не было, сколько доселѣ извѣстно, такого обширнаго официальнаго извлеченія изъ Стоглава, какое сдѣлано въ этой граматѣ; равно какъ ни гдѣ доселѣ не найденъ экземпляръ Стоглава съ подписью отцевъ собора или по крайней мѣрѣ одного митрополита или государственнаго дьяка. Самый составъ грамоты въ Каргополь наводитъ на мысль, что Стоглавомъ пользовались какъ сборникомъ предметовъ и рѣшеній, не имѣющихъ ни правильнаго порядка, ни надлежащаго разграниченія предметовъ. Это видно какъ изъ порядка, даннаго въ граматѣ опредѣленіямъ, вошедшимъ въ 68 и 69 главы Стоглава, такъ и изъ многихъ другихъ статей грамоты, напр. 20, 52, 53 и 57, гдѣ общія наставленія священникамъ: «и о тѣхъ о всѣхъ предиреченныхъ церковныхъ исправленіихъ»... «и вы бы о всемъ о томъ потщались совершити и исправити.. сія доздѣ священству вашему писахомъ», не имѣющія отношенія къ содержанию главъ Стоглава, въ граматѣ являются на своемъ мѣстѣ и въ надлежащемъ видѣ.

На этихъ свѣдѣніяхъ оканчиваются положительныя извѣстія о Стоглавѣ; но онѣ даютъ мѣсто и сплу соображеніямъ отрицательнаго характера. Если бы Стоглавъ былъ утвержденъ въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ соборное уложеніе; то былъ бы разосланъ по крайней мѣрѣ епископамъ и поповскимъ старостамъ, какъ разослано было въ 1558 году «соборное посланіе» съ обязательствомъ «списывати его слово въ слово и раздавати всеѣмъ священникамъ» для руководства. Но нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ; а судя по тому, что списки Стоглава всегда были очень рѣдки, можно догадываться, что онъ не получилъ законодательнаго значенія и потому не былъ введенъ въ церковное употребленіе (1). Списки его въ XVII вѣкѣ до того были рѣдки, что даже въ Москвѣ, средоточіи церковнаго управленія, трудно было найти ихъ и нужно было выписывать изъ другихъ мѣстъ (2). Трудно представить, чтобы въ Москвѣ мало было экземпляровъ законодательной церковной кни-

(1) Списковъ Стоглава отъ XVI в. извѣстно четыре; онъ не упоминается даже въ описи царскаго архива, содержащаго разныя духовныя дѣла, напр. «соборныя подлинныя дѣла за митрополичьєю рукою Матеея Бакшина и Артема бывшаго троицкаго игумена и нынѣ», современныя Стоглаву (А. э. т. I. № 289, ящик. № 189 и 222).

(2) А. э. т. III. № 290.

ги, если бы такой книгой былъ Стоглавъ. Странно и то, что когда вносили въ печатныя книги разныя раскольническія мнѣнія, никогда не ссылались въ подтвержденіе ихъ законности на Стоглавъ; странно и то, что дозволяли печатать въ книгахъ мнѣнія, противныя опредѣленіямъ Стоглава. Возможно ли было бы это, если бы Стоглавъ имѣлъ силу церковнаго законодательства?

Вотъ на какихъ основаніяхъ мы въ предисловіи къ изданію Стоглава замѣтили, что его нельзя считать канонической книгой русской Церкви, что онъ составленъ изъ черновыхъ записокъ стоглавнаго собора, бывшихъ на разсмотрѣніи собора или приготовленныхъ только для разсмотрѣнія, но не разсмотрѣнныхъ (всецѣло), не приведенныхъ въ формы церковныхъ постановленій, не утвержденныхъ подписями и необнародованныхъ для руководства. Самое изданіе наше отчасти подтверждаетъ эту мысль. По нему видно, что нѣкоторыя главы Стоглава приготовлены были для разсмотрѣнія на соборѣ въ двухъ редакціяхъ, напр. 31, 35, 49, 69, изъ которыхъ трудно отдать преимущество той или другой редакціи (1). Мы не станемъ ука-

(1) Самая распространенная редакція Стоглава та, по которой мы напечатали его; но и другая редакція (по нашимъ № 3 и 4) встрѣчается по мѣстамъ,

зывать безчисленное множество вариантовъ въ другихъ главахъ, пли сокращающихъ, или дополняющихъ, или совершенно измѣняющихъ смыслъ рѣшеній въ Стоглавѣ. Не станемъ также указывать вариантовъ, происшедшихъ въ послѣдующее время, какъ ненамѣренныхъ отъ неосмотрительности и безграмотности писцовъ, такъ и намѣренныхъ — въ духѣ той или другой партіи, или по желанію переписчика. Это мало относится къ вопросу о значеніи Стоглава и можетъ быть предметомъ изученія его съ другими намѣреніями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

третьей части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

на 1862 годъ.

страниц.

Древнее русское церковное право
(*статья третія*) 3 и 125.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ
при патріархѣ Филаретѣ (*окончаніе*) 32.

Таланты. Евангельская притча 87.

Необходимость благодати, находящейся въ Церкви, для сохраненія истинъ вѣры и поддержанія въ людяхъ чистой нравственности 107.

Любовь Божія привлекается мудростію 149.

Богопозваніе 179.

Свидѣтельства старопечатныхъ книгъ о достопоклоняемомъ имени Иисусъ 214.

Дѣвы мудрыя и дѣвы юродивыя,
или необходимость повиновенія. Еван-
гельская притча 224.

Очеркъ религіозныхъ вѣрованій
черемисъ 239.

Дополнительныя объясненія къ
изданію. Стоглава 297.

